

Министерство образования Республики Беларусь
Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Белорусско-Российский университет»

ЧТЕНИЯ ИМЕНИ А. С. ДЕМБОВЕЦКОГО

Сборник статей
II Международной научно-практической конференции
(Могилев, 27 апреля 2023 года)

Могилев
«Белорусско-Российский университет»
2023

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)
Ч77

Редакционная коллегия: канд. полит. наук, доц. *Н. В. Вологина* (гл. редактор); д-р техн. наук, проф. *В. М. Пашкевич* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф. *Е. Г. Калечиц*; канд. ист. наук, доц. *А. В. Колосов*; канд. ист. наук, доц. *С. Е. Макарова*; канд. физ.-мат. наук, доц. *И. И. Маковецкий*; канд. пед. наук, доц. *О. П. Мариненко*; канд. ист. наук, доц. *Н. М. Савченко*; канд. ист. наук, доц. *Е. П. Цумарева*; *Е. В. Шаранова*; *С. Л. Шабунин*; канд. ист. наук, доц. *Н. Н. Рытова* (отв. секретарь)

Ч77 **Чтения** имени А. С. Дембовецкого: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: *Н. В. Вологина* (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2023. – 233 с.
ISBN 978-985-492-293-5.

Представленные материалы отражают актуальные проблемы развития истории, философии, культурологии, религиоведения и языкознания. В сборнике нашли отражение вопросы, связанные с социокультурными и ценностными основаниями современного общества.

Сборник будет полезен всем интересующимся данной проблематикой.

УДК 94(476)
ББК 63.3(4Беи)

ISBN 978-985-492-293-5

© Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования «Белорусско-Российский университет», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	7
ДУБИНИНА А. П. Прогнозы глобального развития в современных футурологических и экофутурологических теориях.....	7
МАКАРОВА С. Е. Время амбициозных планов в условиях интеграции.....	11
МАРИНЕНКО О. П. Эволюция методов преподавания иностранного языка в реализации цели интенсивного обучения.....	15
ПУРЫШЕВА Н. М. Начальный этап процесса институционализации белорусской советской художественной литературы: идейно-политический и организационный аспекты (к 100-летию создания литературной организации «Маладняк»).....	19
ТАБУНОВ В. В. Основные направления экономической политики немецких оккупантов на белорусских землях в сентябре 1941 г. – июне 1944 г.....	22
СЕКЦИЯ 1. МОГИЛЕВЩИНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	
ГОЛОВАЧ Е. И. Деятельность земских учреждений Могилевской губернии в сфере народного образования (1911–1914 гг.).....	27
ДАНИЛЕНКО С. Н. Создание системы светских учебных заведений на территории Могилевской губернии в последней четверти XVIII в.....	31
КАРАТКЕВИЧ І. І. «Магілёўская хроніка»: моўная карціна XVIII ст.....	35
КОЛАСАЎ А. У. Мезаліт Верхняга Падняпроўя ў ракурсе даследаванняў 1950–1960-х гг.....	38
ПАНЕЖА В. В. Фарміраванне духоўна-маральнай культуры і патрыятычнае выхаванне студэнтаў у аспекце выкладання дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» у тэхнічнай ВНУ.....	42
СИДОРЕНКО Б. И. Могилевская волость в XII – середине XVI в.....	45
СТАРОВОЙТОВ М. И. Этнокультурный облик населения Могилевского района в конце 1930-х гг.....	50
СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ	
БАЕВ О. В. Внешний долг Российской империи и Венский конгресс....	56
БАРАНОВ А. В. Казачье землепользование на Юге России в условиях НЭПА: тенденции развития.....	60
ВОРОБЬЕВ А. А. К вопросу о монументальной пропаганде большевиков в первые годы Советской власти.....	64

ВОРОБЬЕВ А. А., ВЫБОРНЫЙ В. Д. Преступления болгарских и турецких военнослужащих против русских военнопленных в годы Первой мировой войны.....	68
ВОРОБЬЕВ А. А., ИГНАТОВИЧ А. Е. Боевые действия русской армии в 1914 г. и их оценка Э. Людендорфом.....	71
ЕРАШЭВІЧ А. У. Спецыяльнае палубоўнае межаванне ў беларускіх губернях Расійскай імперыі: арганізацыйна-фінансавыя аспекты.....	75
МЕЛЬНИКОВА А. С. Социальное обеспечение населения Беларуси в первые годы Советской власти.....	80
ПУШКІН І. А. Падрыхтоўка беларускіх кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў эпоху «развітога сацыялізма».....	85
САВЧЕНКО Н. М. Проблема политического кризиса Первой Итальянской Республики в российской историографии.....	89
СОЗА Л. Н. Еврейская диаспора Коломны во второй половине XIX – начале XX в.....	93
ЧЕРЕВКО В. В. «Секретно, среди бела дня»: эпизод кладоискательства в Чаусовском уезде в 1781 г.....	98
ШАПОШНИК В. В. Завещание Василия III и вопрос о существовании регентского совета после его смерти.....	101

СЕКЦИЯ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.....	106
ДЗЯДЗІНКІН А. Л. Мадэляванне лінгвапсіхалагічнага тыпажу (партрэта) экстрэміста.....	106
ЕСИОНОВА Ю. В. К вопросу о влиянии аббревиатур интернет-языка на английский язык и на язык в целом.....	109
ЛАПИЦКАЯ И. Н. Эмоционально-оценочные существительные как средство характеристики внешности человека в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	112
СТАВСКИЙ В. Н. Возможности использования принципов обучения иностранному языку Дугласа Брауна при проведении практических занятий для студентов специальности «Регионоведение».....	116
ФОМИН А. Г., АНДРЕЯШИНА А. В. Особенности перевода английских терминов терминосистемы «Авиация» (на материале канадского сериала «Mayday»).....	119
ЧЕБОТАРЁВА Е. М., ЛАЗУРКИНА А. О. Стратегия персуазивности в публичных выступлениях TED-talks ученого-эколога Карла Сафины.....	124
ШАРАПОВА Е. В. Технология проектной методики в изучении дисциплины «Культура и литература Европы».....	129
ШАРШНЁВА В. М. Прагматычны змест экспрэсiўнай функцыі знакаў прыпынку.....	133

ШУБАДЗЁРАВА А. М., КАСЦЮКОВА А. У. Арганізацыя самастойнай работы па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)».....	137
--	-----

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ..... 142

АЛЕКСЮТИНА Г. Я. Социально-психологическая поддержка личности на послетрудовой стадии социализации.....	142
БОЛБАС Г. У. Дынаміка развіцця ідэй прыродазгоднага выхавання ў педагагічнай думцы Беларусі.....	145
ГЛАДКО М. А. Системообразующий потенциал «новой чувствительности» в медиадискурсе.....	149
ДОЛГАЯ Н. А. Психолого-педагогическая поддержка семьи в профилактике учебного стресса у школьников.....	153
ЕРЕМЕЕВА А. С. Социально-демографические детерминанты самоактуализации личности студентов-волонтеров.....	156
ЖУКОЦКАЯ З. Р. Приоритет культурологии в формировании будущего специалиста.....	160
КАНАШЕВИЧ Д. А. К вопросу о динамике экспорта образовательных услуг Республики Беларусь: новые тренды.....	163
КАНАШЕВИЧ Н. М. К вопросу о Болонском процессе и национальных интересах Беларуси в контексте евразийской интеграции.....	167
КАРАТКЕВІЧ В. І. Сучасныя спосабы візуалізацыі на ўроках беларускай літаратуры.....	171
ПОПЕЛЬШКО Д. М. Мозаичное восприятие и гипертекст.....	175
ТАРЕЛКИН А. И. Виды общения: манипуляция и искренность.....	179
ПИРОЖЕНКО Л. В. Современное состояние и основные направления модернизации среднего профессионального образования в КНР.....	183
ХРИСТИЧЕНКО Ю. К. Деонтологическая готовность педагогов дошкольного образования.....	185

СЕКЦИЯ 5. МОЛОДАЯ НАУКА..... 190

БОДРЫКАЎ Я. А. Працоўная дапамога як фактар сацыяльнай падтрымкі сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння на тэрыторыі беларускіх губерняў падчас Першай сусветнай вайны (1914–1918 гг.)....	190
ГОНЧАРОВА В. А. Особенности процесса набора студентов в высшие учебные заведения в послереволюционный период.....	194
ЗАПОЛЬСКАЯ А. А. Поликодовость экспрессивных средств в рекламе американских табачных изделий для женщин в 70-е гг. XX в.....	196
КОВАЛЕВА А. Ю. Цифровизация образования в России.....	200
ЛИПСКАЯ О. Г. Нравственная проблематика в драме Г. Конисского «Воскресение мертвых».	204

МАЗАЛЕВСКАЯ Е. В. Сравнение информационных технологий в зарубежных странах.....	206
САДОВНИКОВА К. Н. Отражение проблемы женского образования на страницах периодической печати второй половины XIX в.....	209
САМСОНАВА М. А. Прагматыка падтэксту індывідуальна-аўтарскіх наватвораў А. Разанава.....	213
САМУСЕВИЧ Д. Е. Коммуникативные стратегии и тактики постсобытийного дискурса развлечений на русском и английском языках....	217
СКУГАРЕВА А. М. Механизмы наблюдения и надзора в деятельности Третьего отделения канцелярии в годы правления Николая I.....	221
ФОМИН А. Г., КУРЗАНЦЕВА Е. Е. Особенности перевода антропо- нимов в видеоиграх.	224
ФЕДОРЦЕВА И. А. Особенности передачи юмора в переводе на материале стендап-комедии.....	228

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 008.2

А. П. Дубинина

ПРОГНОЗЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ И ЭКОФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Аннотация. Исследуются концептуальные основы футурологии и экофутурологии. Проблематика футурологических исследований чрезвычайно важна для современного гуманитарного знания. Становление экофутурологического направления связывают с концептуальными разработками Д. Медоуза, Э. Пестеля, а также с концепцией «общества риска» У. Бека. Экофутурология или футурологическая экология является разделом социальной экологии, определяющей перспективы развития системы «общество – природа». Важность футурологических и экофутурологических концепций определяется осмыслением проблем, происходящих в современном мире (глобальные проблемы).

Ключевые слова: футурология, экофутурология, общество риска, глобальное моделирование, глобальное прогнозирование, кризис современности, глобализационная катастрофа, модель мирового порядка, коэволюция, экологизация.

Термином «футурология» в современном гуманитарном знании обозначается обширный комплекс разнообразных исследований о развитии будущего человечества. Термин «футурология» был введён в оборот гуманитарного знания в 1943 г. немецким учёным, социологом О. Флехтхеймом, говорившим о футурологии как «философии будущего», предметом которой должно стать будущее человека и человеческого сообщества [9]. Но в социогуманитарном знании термин «философия будущего» не получил развития, термин же «футурология» стал активно использоваться.

Формирование футурологии как самостоятельного направления социальной философии начинается после Второй мировой войны, но собственно футурологические исследования нашли своё отражение ближе к 70-м гг. XX в. в концепциях постиндустриального, а затем и индустриального общества и дальнейшее развитие получили в трудах Д. Белла, Г. Кана, З. Бжезинского. В футурологии возникают такие направления, как «леворадикальная футурология» (А. Ускоу) и футурология, связанная с исследованием глобальных проблем человечества, которая получает своё развитие в деятельности организации под названием «Римский клуб» [9]. Сегодня «Римский клуб» представляет собой международную неправительственную общественную организацию, основной целью которой является осмысление проблем, происходящих в современном мире (глобальные проблемы), подготовка рекомендаций правительствам крупнейших мировых держав по решению глобализационных катастроф, ознакомление мировой общественности с глобальными проблемами, несущими угрозу всему человечеству, изучение интеграционных тенденций внутри мирового

сообщества, анализ изменений в ценностных ориентациях жителей планеты, попытка построения модели целостной прогрессивной цивилизации, основанной на принципе всеобщей солидарности.

В работах представителей «Римского клуба» А. Печчеи, Д. Медоуза, Э. Пестеля, М. Месаровича, А. Кинга, Э. Ласло получило развитие глобальное моделирование перспектив развития человечества и «пределов роста» технологической цивилизации.

В рамках футурологии последней трети XX в. выдвинулось направление «экологического пессимизма» (Дж. Форрестер, Д. Медоуз, Р. Хейлбронер), прогнозирующего весьма негативные последствия для человечества, которые связаны с уровнем технологического развития [9]. В данный момент истории футурологические исследования разделились на два основных направления: оптимистическое и пессимистическое. Второе связано с теориями кризисов и катастроф. Внутри этих двух направлений также присутствует дифференциация: футурология участия (участие масс в управлении) (Ф. Полак, А. Ускоу, Р. Юнг); футурология «поворотного будущего» (Г. Кан, Б. Фуллер, Т. Джонс); футурология для общественности; футурология гуманистически ориентированных испытателей (Д. Габор, К. Ф. Вайцекер); проектирование моделей мирового порядка (Р. Котари, Р. Фальк, А. Мазрун). Отдельно развивается американское оптимистическое направление (технологические оптимисты) (Б. Фуллер, Дж. Макчейн) и сциентистское прогностическое направление.

Футурология как совокупность представлений о будущем в широком философском смысле в XXI в. приобретает новый статус и новое звучание. Особенностью современной футурологии является усиление интереса к социальным явлениям и процессам. Отличительной особенностью современных футурологических концепций является их принципиальная осуществимость. В рамках коэволюции актуальной становится проблема экологизации и футурологического и научного знания. Экологическая парадигма становится определяющей и для многих направлений современной философии. Она же и определяет основные задачи одного из направлений социальной экологии – экофутурологии и экофилософии, которым в пространстве постнеклассической науки принадлежит особое место. В рамках экофилософии получили своё развитие такие направления, как биоцентризм и экоцентризм, глубинная экология, экофеминизм.

Хотелось бы обратить внимание на наиболее значимые теоретические концепции в рамках футурологии и экофутурологии, которые на сегодняшний день стали научно значимыми. Во-первых, это концепция постиндустриального общества, представленная в трудах американского учёного, философа, социолога Э. Тоффлера. Данная теория имеет актуальность и неспоримую ценность для понимания происхождения современного информационного общества. Э. Тоффлер в своих работах «Столкновение с будущим», «Третья волна» выступил против пессимистической технократической концепции

Ж. Эллюля и Л. Мамфорда, предрекающих порабощение человека техникой, неизбежности тотальной рациональности в мире [9].

По мнению Э. Тоффлера, «человечество переживает новую технологическую революцию, ведущую к непрерывному обновлению социальных отношений и созданию сверхиндустриальной цивилизации» [9, с. 245]. Для обозначения комплекса кризисных процессов, охвативших капиталистическую экономику, Э. Тоффлер использует термин «экоспазм».

Он рассматривает историю как непрерывное волновое движение, а говоря о современном ему этапе, постулирует, что экономической основой станут электроника и ЭВМ, космическое производство, использование глубин моря и биоиндустрия. Это у него общество «третьей волны», которое завершает аграрную «первую волну» и промышленную «вторую волну» [7, с. 528–529]. В центре внимания исследователя лежат также системы власти в современном обществе и её трансформации, масштабы которой позволяют утверждать, что человечество вступило в эру смещения власти, когда постепенно распадаются все существовавшие в мире властные структуры и зарождаются принципиально новые. Смещение власти, по мнению Э. Тоффлера, происходит настолько интенсивно, что «мировые лидеры, скорее, подчиняются событиям, чем управляют ими» [7, с. 762]. Итак, «столкновение с будущим» и «третью волну» Э. Тоффлера можно истолковывать как попытку критического анализа капиталистического общества и традиций технократического социально-философского мышления, которые пронизывают все сферы управления и функционирования индустриального общества.

Д. Белл в своей знаменитой работе «Грядущее информационное общество. Опыт социального прогнозирования» (1973) предлагает концепцию постиндустриального общества как «аналитическую конструкцию, а не картину конкретного общества ... как некую парадигму, социальную схему, выявляющую новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе» [1, с. 126]. По мнению Д. Белла, «информационные телекоммуникационные технологии создают уникальные возможности для эффективного развития демократии, государства, общества и его культуры, отдельного гражданина» [1, с. 89]. В XXI в. теория постиндустриального общества Д. Белла воспринимается уже не как одно из течений в социологической теории, а как широко признанное методологическое основание большинства исследований в областях социальной философии и социальной прогностики, где заданы векторы анализа новой цивилизации и способы анализа нового типа общества.

В рамках современной экофутурологии (социальной экологии) исследуются проблемы, связанные с деятельностью разнообразных групп населения, непосредственно влияющих на состояние природы (глобальное прогнозирование использования природных ресурсов, изучение экологических систем, исследование городской экологии, пути развития цивилизации в целом).

Начало исследованиям в области экофутурологии было положено американским специалистом по моделированию Дж. Форрестером. Его исследования были опубликованы в книге «Мировая динамика» ещё в 1971 г. Уже тогда Форрестер сделал вывод о том, что «продолжение прежних темпов потребления природных ресурсов приведёт в 2020-х гг. к всемирной экологической катастрофе» [8, с. 213]. Далее в этом направлении ведутся исследования Д. Медоузом, его разработки построены на изучении прямой взаимосвязи тенденций роста населения и истощения известных запасов природных ресурсов. Разработчики докладов «Римскому клубу» М. Месарович и Э. Пестель в работе под названием «Человечество у поворотного пункта» (1974) углубили компьютерное моделирование развития мировой экономики, рассмотрев развитие основных регионов планеты. Они пришли к выводу, что при сохранении существующих тенденций серия региональных катастроф произойдет даже раньше, чем ранее предполагал Д. Медоуз [3, 5].

Согласно концепции «нулевого экономического роста» Д. Медоуза, если в ближайшее время не произойдёт никаких качественных изменений, то уже к началу XXI в. начнётся резкий спад среднедушевого промышленного производства, а затем резкий спад численности населения планеты. Даже если количество ресурсов и увеличится, то это лишь отодвинет глобальную катастрофу до середины XXI в. Единственным выходом, по мнению Д. Медоуза, может быть переход к планируемому развитию по модели «глобального равновесия» или «нулевого роста», она должна основываться на сознательной консервации промышленного производства и численности населения. Концепция «нулевого роста» Д. Медоуза была переведена на множество языков мира и является сегодня «экофутурологическим бестселлером».

Существенный вклад в развитие социальной экологии был внесён немецким социологом, политическим философом У. Беком. Ему принадлежит наиболее завершённая на сегодняшний момент концепция «общества риска». Впервые работа У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» была опубликована в 1986 г., в дальнейшем продолжились его исследования по данной проблематике. Согласно исследованиям У. Бека, риски постоянно производятся обществом, причём это производство осуществляется во всех сферах жизнедеятельности того или иного общества: экономической, политической, социальной. Риск, по У. Беку, есть «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой. Риски, в отличие от опасностей прошлых эпох, – следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [2].

По сути, общество риска – это новая парадигма общественного развития современности. Согласно теории «общества риска», с расширением производства рисков роль науки в обществе и политике существенно меняется. В этой же ситуации особую значимость приобретают специалисты, ответствен-

ные за определение степени рискогенности новых технологий и технических систем, а также средства массовой информации, которые распространяют сведения о рисках. По мнению У. Бека, «если раньше нормативным идеалом было равенство, то сейчас нормативный идеал общества риска – безопасность, проект современного общества приобретает негативный и защитный характер, общество стремится не к достижению «хорошего», а к предотвращению «наихудшего» [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. / Д. Белл. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Academia, 2004. – 778 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну [Электронный ресурс] / У. Бек. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/bek-uljrih/obschestvo-riska-na-puti-k-drugomu-modernu/1>. – Дата доступа: 27.02.2023.
3. Медоуз, Д. Теория пределов роста [Электронный ресурс] / Д. Медоуз. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01f008090e90bbc128f2ffef>. – Дата доступа: 11.03.2023.
4. Медоуз, Д. Х. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Х. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Л. Медоуз. – Москва: Академкнига, 2007. – 258 с.
5. Пестель, Э. За пределами роста [Электронный ресурс] / Э. Пестель. – Режим доступа: <http://alt-future.narod.ru/Future/rome3.htm>. – Дата доступа: 29.02.2023.
6. Теория постиндустриального общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Vart/02.php. – Дата доступа: 02.03.2023.
7. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва: АСТ, 2009. – 800 с.
8. Форрестер, Д. Мировая динамика / Д. Форрестер. – Москва: АСТ, 2003. – 384 с.
9. Футурология [Электронный ресурс] / Гуманитарная энциклопедия Центр гуманитарных технологий, 2002–2019 (последняя редакция: 23.04.2019). – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/73171>. – Дата доступа: 10.03.2023.

УДК 94(476)

С. Е. Макарова

ВРЕМЯ АМБИЦИОЗНЫХ ПЛАНОВ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. В современных политических процессах важным фактором успешного позиционирования государства является имидж страны. Новое содержание и новый смысл приобретают такие вопросы, как суверенитет национального государства, проблема системы ценностей и убеждений.

Ключевые слова: суверенитет, интеграция, прогресс технологий, космическая держава.

В XXI в. в условиях глобальных процессов по формированию новой системы международных отношений, острой конкурентной борьбы в эконо-

мике, политике и культуре задачей любого государства является формирование позитивного образа своей страны.

Против Республики Беларусь ведется полномасштабная война, целью которой является уничтожение белорусской государственности. В условиях информационной войны, развернувшейся вокруг Республики Беларусь, остро встал вопрос о достижении консолидации общества на основе базовых принципов идеологии белорусского государства.

В Республике Беларусь сохраняется преемственность поколений, сформировалась своя модель общественно-политического и экономического развития. Эта модель опирается на имеющиеся интеллектуальные ресурсы, экономические и технологические возможности, культурное наследие народа.

2023 г. объявлен в Беларуси «Годом мира и созидания». В России 2022–2031 гг. объявлены десятилетием науки и технологий. Человечество стремительно движется по тернистой дороге познания. В решении важнейших задач развития обществ Беларуси и России ведется работа по усилению роли науки и технологий.

Поле деятельности белорусских ученых – от недр земли до космических высот. В разработке проектов будущего учитывается главное, чтобы они способствовали формированию общенационального проекта «Беларусь интеллектуальная». Эти проекты должны сохранять преемственность с моделью социально-экономического развития Беларуси, учитывая новейшие тренды развития мировой науки, быть нацелены на реализацию концепции IT-страны, усиление лидерства и расширение сотрудничества на «внешнем» контуре [3].

Одним из перспективных направлений является космическая индустрия. Космические технологии позволяют объединить народы, чтобы сохранить окружающий мир для будущих поколений. Начиная с 1999 г. успешно реализовано семь программ Союзного государства по космической тематике. Они были направлены на расширение научно-технологического и информационного пространства России и Беларуси, интеграцию интеллектуальных и производственных ресурсов [4].

Беларусь после развала СССР сумела сохранить крупные производственные и научные центры, что позволило сохранить имеющийся потенциал, в том числе в сфере космических исследований.

Советские ученые успешно трудились во многих областях, опережая мировую науку. Космонавтика – это область, в которой СССР с самого начала являлся одним из мировых лидеров. К ряду достижений советской и российской космонавтики по праву относится слово «первый».

В середине XX в. дорогу в космос проложил Советский Союз. Началу космической эры предшествовала напряженная и самоотверженная работа нескольких поколений советских ученых, инженеров, конструкторов. Наши земляки, уроженцы Слуцка, непосредственно принимали участие в подготовке и осуществлении космических полетов. Семен Косберг создал для двухсту-

пенчатой ракеты-носителя конструкции С. П. Королева третью ступень, которая разогнала аппарат до второй космической скорости. В 1961 г. он стал Героем Социалистического Труда за первый полет гражданина Земли в открытый космос. С 1957 г. Константин Герчик возглавлял важнейшую космическую гавань – Байконур. С 1983 г. по 1989 г. начальником Байконура был еще один уроженец Слуцка – генерал-лейтенант Юрий Жуков [7]. В космосе за историю его освоения побывали три уроженца Беларуси: Петр Климук, Владимир Коваленок, Олег Новицкий [4].

Начало космической эры в истории суверенной Республики Беларусь положило посещение Главы государства ракетно-космической корпорации «Энергия» имени Сергея Королева в 2001 г. Благодаря инициативам Александра Лукашенко по усилению интеграционных процессов на постсоветском пространстве вновь оказались востребованы белорусские ученые и научно-производственные институты, начали поступать заказы по созданию научных приборов для использования на МКС.

В 2010 г. Глава нашего государства предложил российской стороне внести конкретные предложения по перспективным направлениям сотрудничества с белорусскими предприятиями. Российская сторона, учитывая существующую в Беларуси базу, предложила сотрудничество по расширению спектра задач, выполняемых белорусскими специалистами по развитию космической промышленности в Союзном государстве [4].

С 2013 г. Беларусь считается космической державой. Такой статус она получила после запуска белорусского космического аппарата. Республика принята в подкомитет ООН по мирному использованию космического пространства. Членство в космическом клубе позволяет рекламировать наши достижения среди профессионалов.

Россия приняла эстафету космических исследований от СССР. Спутниковая глобальная система, заложенная во времена СССР, к концу 1990-х гг. пришла в упадок. В 2001 г. в России была принята программа «Глобальная навигационная система», которая была завершена в 2015 г. [5].

Основным инструментом формирования единого научно-технического пространства Союзного государства являются научно-технические программы, в том числе космическая отрасль. В настоящее время создана космическая группировка спутников на орбите. Получаемая информация дистанционного зондирования Земли используется в России и Беларуси в различных сферах деятельности [6]. Республика Беларусь приступила к реализации второго этапа Национальной космической программы. Сегодня она является членом Международного альянса операторов спутников дистанционного зондирования Земли «ПанГео» (PanGeo). Разработки НАН Беларуси используются в международных космических проектах по исследованию Марса и Меркурия [3]. Беларусь и Россия планируют утвердить новую программу в области космоса – шифр «Комплекс – СГ». Эта программа предполагает разработку базовых элементов

орбитальных и наземных средств в интересах создания многоспутниковых группировок малоразмерных космических аппаратов наблюдения земной поверхности и околоземного космического пространства [1].

12 апреля 2022 г., в День Космонавтики, встретились лидеры Беларуси и России на космодроме «Восточный». Президент Российской Федерации Владимир Путин отметил, что все успехи в освоении космоса в последние годы свидетельствуют о том, что Россия сохраняет свое лидерство в космонавтике, став преемницей СССР в космической отрасли.

Российская космическая отрасль динамично развивается, опираясь на масштабный научный и технологический опыт, накопленный в минувшие десятилетия [6].

В Беларуси создана космическая отрасль, в которой задействовано более 20 научных и производственных организаций. В них работает около 4 тыс. квалифицированных специалистов, сформирована крупная стратегическая система исследования космоса [4]. Посещение Президентом Республики Беларусь Научно-исследовательского испытательного центра подготовки космонавтов имени Ю. А. Гагарина в подмосковном Звездном городке стало очередной ступенькой в развитии космической отрасли. Для полета в космос в 2023 г. отобрано шесть кандидаток от Беларуси. Одна из них полетит в составе российской группы. Кооперация в Союзном государстве продолжает усиливаться, прежде всего, в высокотехнологической сфере. В условиях все возрастающей нестабильности во всем мире ставка Республики Беларусь на прорыв в космос говорит о твердой уверенности белорусского народа в завтрашнем дне. Для такой небольшой страны, как Беларусь, развитие космической отрасли – это не только решение экономических вопросов, но и повышение авторитета на международной арене. Прорыв в космос стал возможным благодаря интеграции в рамках Союзного государства Беларуси и России. Совместные космические программы, работа в космическом пространстве являются одним из подтверждений того, что союзные программы заработали в полную силу [2, 8].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Васильева, Ю.** Планы – космические / Ю. Васильева, О. Герасимова // Союз. Беларусь – Россия. – 2022. – № 37 (1049). – 7 окт.
2. **Гигин, В.** Видение будущего / В. Гигин // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 27 дек.
3. **Гусев, В.** Время амбициозных решений / В. Гусев // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 23 янв.
4. Задачи космического уровня: [по материалам БЕЛТА] // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 27 дек.
5. МИР 24. От «Красной Луны» до Восточного: 10 достижений отечественной космонавтики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mir24.tv/articles/16456536/ot-krasnoi-luny-do-vostchnogo-10-dostizhenii-otechestvennoi-kosmonavtiki>. – Дата доступа: 12.10.2022.

6. Несмотря на давление, работа продолжается: материалы экспертно-медийного форума «Союзное государство: экономическая интеграция – задачи развития» // Союзное государство. – 2022. – № 4–6 (182–184). – С. 86–114.

7. Рублевская, Л. Земляки: орбиты судеб / Л. Рублевская // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 12 апр.

8. Демешко, Ю. Космические планы / Ю. Демешко // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 27 дек.

УДК 811.161

О. П. Мариненко

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛИ ИНТЕНСИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается эволюция методов обучения иностранным языкам. Подробно анализируются современные методы, реализующие задачу интенсивного обучения иноязычной речи: аудиовизуальный, аудиолингвальный, коммуникативный, метод погружения, интерактивные методы.

Ключевые слова: интенсивное обучение, методы преподавания иностранного языка, иноязычная речь, коммуникативные методы.

Изучение иностранного языка принципиально отличается от освоения родного языка. Развитие родного языка начинается со спонтанного пользования речью и завершается осознанием данного процесса, а в случае неродного языка его освоение начинается с произвольного овладения, заучивания, осмысления норм и правил и завершается свободной спонтанной речью. Соответственно, ученые и практики всегда были озадачены поиском методов, позволяющих сделать процесс изучения неродного языка наиболее интенсивным.

Эволюция методов преподавания иностранного языка начинается с **грамматико-переводного метода**, упор в котором делался на глубоком знании грамматики, а основная роль отводилась чтению и переводу текстов на родной язык учащегося [1]. Конец XIX – начало XX в. стали началом массовых миграций населения и поиском более продуктивного способа освоения иноязычной речи. Как результат, со второй половины XIX в. получил распространение **прямой метод**, основной идеей которого было то, что обучение иностранному языку должно имитировать овладение родным языком и протекать естественно, без специально организованной тренировки.

Метод был назван прямым, поскольку преподаватели не прибегали к родному языку учащихся как языку-посреднику. Основные положения прямого метода включали практическую направленность обучения, интуитивность в усвоении языковых явлений, исключение перевода, последовательное развитие видов речевой деятельности, широкое применение наглядности. В данном

методе большой упор делался на подражании речи учителя и построении предложений по образцам, что в недостаточной степени позволяло развивать активность и самостоятельность учащихся и привело к последующей модернизации прямого метода.

Отечественная методика, основанная на материалистических идеях, делала упор на сознательное освоение языка. В итоге с конца 40-х гг. XX в. в советской практике преподавания иностранных языков получил распространение **сознательно-сопоставительный метод**. Основными идеями сознательно-сопоставительного метода были следующие: понимание системы неродного языка, объяснение преподавателем и усвоение учащимися правил, сопоставление нового языка с родным языком учащихся, параллельное обучение всем видам речевой деятельности и разграничение активного и пассивного языкового материала.

С середины 60-х гг. XX в. сознательно-сопоставительный метод был несколько модернизирован в связи с идеей важности практического освоения иностранного языка и оформлен в виде **сознательно-практического метода**. Обоснование данного метода предложил советский методист Б. В. Беляев, который, с одной стороны, полагал важным осознание процесса усвоения нового языка, а с другой – приоритет использования речевой практики, которая должна занимать не менее 85 % учебного времени [2].

Послевоенное время стало началом глобализации образования, когда все большее количество населения стремилось получить диплом за пределами родной страны. 50–60-е гг. XX в. послужили также началом эпохи интенсивного обучения, которое изначально рассматривалось как обучение иноязычной речи в сжатые сроки. На данном этапе в связи с распространением звуковой и слуховой наглядности начал развиваться **аудиовизуальный метод**, который был разработан во Франции коллективом лингвистов и методистов под руководством Ж. Гугенейма, но быстро получил широкое распространение в связи со своей эффективностью. Этот метод базировался на следующих идеях:

- коммуникативная направленность обучения;
- ситуативная обусловленность при введении материала;
- отработка материала в последовательности: слушание – говорение – чтение – письмо;
- полное исключение родного языка в процессе обучения;
- широкое использование наглядности.

На сегодняшний день данный метод является одним из наиболее популярных и по праву считается методом интенсивного освоения неродного языка: по данным ЮНЕСКО, за рубежом по нему обучается более половины изучающих неродной язык [1, с. 66]. Несмотря на несомненную популярность аудиовизуального метода во многих странах мира, он имел ряд недостатков: недостаточное внимание к письменным видам деятельности, чрезмерное

увлечение структурно-глобальным подходом в рамках метода, что привело к дальнейшим методическим поискам оптимального метода.

Эволюцию методов обучения иностранному языку продолжил **аудиолингвальный метод**, который был разработан в США и предполагал многократное прослушивание в записи и проговаривание языковых структур и речевых образцов, что способствовало развитию навыка аудирования иностранных учащихся. Представители данного метода определили объем словаря неродного языка, который включает две тысячи слов для процесса говорения, три-четыре тысячи для слушания и порядка семи тысяч для чтения [1, с. 91].

Наиболее современным из разработанных методов является **коммуникативный**, представленный Т. Террелл и С. Крашеном и введенный в отечественную методику обучения иностранным языкам Е. И. Пассовым. Его суть состоит в том, что обучение языку представляет собой модель естественного общения, при этом коммуникативность в рамках метода рассматривается как методологический принцип, определяющий выбор и принципов обучения, и методов для построения процесса обучения.

Коммуникативный метод появился в 60–70-х гг. в Британии, когда английский язык постепенно начал приобретать статус языка международного общения. Будучи наиболее востребованным в современной методике преподавания иностранных языков, данный метод основывается на коммуникативной лингвистике, психологической теории деятельности и философии диалога культур. Он представляет собой возможность симбиоза прямых и сознательных методов, сочетая в себе, например, идеи речевой направленности обучения, с одной стороны, и важность осмысленного и целенаправленного восприятия материала – с другой.

Общение организуется не по темам, а по реальным социально-бытовым сферам общения как пространству жизнедеятельности человека. Общение имеет ролевой характер, т. е. каждый учащийся выполняет определенную коммуникативную роль, такое общение способствует не только развитию лингвистической компетенции, но и социальных умений: устанавливать контакт с собеседником, оценивать собеседника, менять направление беседы, организовывать взаимодействие и пр.

Наряду с коммуникативным методом, современная зарубежная методика считает эффективным методом интенсивного освоения языка **метод тотального погружения** (total immersion), который предполагает полное «погружение» в неродной язык с первого дня занятий и отказ от использования родного языка. Студенты подписывают своеобразное обязательство использовать неродной язык в ситуациях повседневного общения и в течение нескольких месяцев достигают успехов в освоении базового курса неродного языка.

В отечественной методике **ускоренный курс обучения языку методом погружения** был разработан старшим преподавателем английского языка А. С. Плесневичем в 70-х гг. прошлого столетия на кафедре иностранных

языков Института филологии РАН. Метод получил свое название в связи с тем, что обучающиеся на определенный срок как бы погружаются в языковую среду, они изолируются от окружающего мира и имеют возможность слышать только английскую речь, им самим разрешается говорить только на английском языке [3].

В своей работе «Теоретические основы ускоренного курса обучения английскому языку по методике «погружения» А. А. Плесневич предлагал разработку 5–10-дневных курсов объемом 60–100 ч учебного времени. На протяжении курса учащиеся все время проводили вместе, общаясь исключительно на иностранном языке. Большое значение придавалось ролевым играм, аудированию, разучиванию песен, что давало возможность добиться основной цели: подготовка научных работников к общению со своими зарубежными коллегами в условиях профессиональной деятельности.

С целью интенсификации обучения в современной методике применяются также **интерактивные методы преподавания**, базирующиеся на интеракционизме, которые практически реализуют идею обучения через кооперацию и сотрудничество. Целью применения интерактивных методов в обучении иностранным языкам является организация общения и взаимодействия, а важнейшей особенностью – способность человека представлять, как его воспринимают партнеры по группе, умение интерпретировать ситуацию и конструировать собственные действия.

Интерактивные методы характеризуются рядом особенностей:

- сотрудничество педагога и учащихся на всех этапах обучения;
- гибкость учебного занятия, возможность изменения учебных заданий в зависимости от учащихся и ситуации обучения;
- приоритет активных и творческих форм работы;
- ориентация на групповое взаимодействие и пр.

Таким образом, эволюция методов обучения иностранному языку реализует задачу поиска наиболее эффективных способов освоения неродной речи. Важность интенсификации процесса обучения на современном этапе должна побуждать преподавателя иностранного языка к изучению различных методов и сравнению результатов по их использованию, а также поиску методов, позволяющих сделать освоение языка максимально интенсивным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Щукин, А. Н.** Современные интенсивные методы и технологии обучения иностранным языкам : учебное пособие / А. Н. Щукин. – Москва : Филоматис, 2010. – 188 с.
2. **Беляев, Б. В.** Очерки по психологии обучения иностранным языкам / Б. В. Беляев. – Москва : Просвещение, 1965. – 229 с.
3. **Плесневич, А. С.** Теоретические основы ускоренного курса обучения английскому языку по методике «погружения» / А. С. Плесневич // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. – 1977. – Вып. 3. – С. 142–148.

УДК 94(476) “19”

Н. М. Пурышева

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПРОЦЕССА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ (К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «МАЛАДНЯК»)

Аннотация. Рассмотрены идейно-политические и организационные аспекты создания первой белорусской литературной организации «Маладняк». Установлено, что в начале 1920-х гг. государственная политика способствовала развитию белорусской советской литературы.

Ключевые слова: белорусская художественная литература, пролетарская литература, белорусская культура, литературная организация, культурная политика государства.

Обострившаяся за первые годы НЭПа проблема сохранения и расширения идеологического влияния партии большевиков на массы заставила ее руководство обратить пристальное внимание на художественную литературу. XII съезд РКП(б) (17–25 апреля 1923 г.) констатировал, что литература «за последние два года ... выросла в крупную общественную силу, распространяющую свое влияние прежде всего на массы рабоче-крестьянской молодежи». Съезд, имея в виду, прежде всего, пропагандистскую функцию литературы, поставил вопрос о необходимости усиления партийного руководства «этой формой общественного воздействия», не оговаривая, однако, методов его осуществления [1, с. 667].

В соответствии с этой партийной установкой в БССР осенью 1923 г. началось издание молодежного журнала «Маладняк». Он предназначался для политико-просветительной и агитационной работы средствами художественной литературы среди сельской молодежи. Журнал должен был консолидировать молодых литераторов на платформе пролетарской литературы и создать альтернативу до сих пор доминирующему литературному направлению, тесно связанному с национальным белорусским движением. Это направление было представлено писателями, которые начинали свою творческую деятельность еще в газете «Наша Ніва». Я. Купала, Я. Колас, М. Горецкий, З. Бядуля, Т. Гартный (Д. Жилунович) пользовались заслуженным авторитетом и популярностью. Параллельно с этим направлением в начале 1920-х гг. в белорусской художественной литературе шел процесс становления нового течения, творчество представителей которого причудливо сочетало идейно-художественные принципы «Нашай Нівы» с революционно-коммунистической фразеологией. Его представители, молодые писатели и поэты преимущественно крестьянского происхождения (М. Чарот, А. Дудар, А. Александрович, Я. Пуша

и др.), резко критиковали писателей старшего поколения, считая их идейно-художественные установки архаичными и не соответствующими вызовам времени. В 1922–1923 гг. среди писательской молодежи наметилось стремление к консолидации. Эту тенденцию активно поддерживал заведующий литературным отделом газеты «Савецкая Беларусь» З. Бядуля. 18 апреля 1923 г. при Доме работников просвещения была создана секция белорусских поэтов и писателей, представленная в основном молодежью [2, с. 127]. Процесс создания молодежной литературной организации продолжался в течение лета – осени 1923 г. 28 ноября 1923 г. при поддержке Центрального бюро КП(б)Б и активном содействии ЦБ КСМБ была создана литературная группа «Маладняк», основателями которой были члены редколлегии одноименного журнала и его постоянные авторы М. Чарот, А. Вольный, А. Дудар, А. Александрович, А. Бабареко, Я. Пуца [3, л. 140]. Группа ориентировалась на близкие в идейно-художественном отношении организации пролетарских писателей – «Молодая гвардия», «Кузница» (РСФСР), «Плуг», «Гарт» (УССР), объединение революционных художников «Девять сил» (Чехословакия) и др. Организационно «Маладняк» входил в состав Института белорусской культуры на правах секции и через него финансировался из государственного бюджета БССР [4, с. 2–22]. В начальный период «Маладняк» ограничил свою деятельность проведением литературных вечеров для знакомства широких кругов общественности с белорусской литературой и искусством [5, с. 3]. В течение 1923–1924 гг. существенно увеличилось количество участников и сформировалась организационная структура: на местах возникли отделения, оформился аппарат управления (главный орган – Президиум, а с февраля 1925 г. – Центральное бюро, институт членов и кандидатов в члены). С мая 1924 г. «Маладняк» получил статус Всебелорусского объединения поэтов и писателей.

С самого начала «Маладняк» отличался идейно-художественной пестротой, в которой сами участники выделяли два течения. Сторонников быстрой пролетаризации белорусской литературы, злоупотреблявших ультрареволюционной фразеологией, их оппоненты иронически называли «бурапенцами». Им противостояли «оживленцы», или, как они себя называли, «витаисты», поставившие перед собой задачу соединить национальную белорусскую культуру со всемирной, общечеловеческой культурой. Они полагали, что это возможно при условии постоянного творческого роста членов литературного объединения.

В 1925 г. лидер «витаистов» Владимир Дубовка заявил: «Маладняк» целиком не заменил стариков. «Маладняк» заменил их только идеологически. Этого мало. Наша задача работать над собой, работать, чтобы по-настоящему заменить старую литературу новой» [6, с. 40]. Несмотря на разногласия, представители обоих течений дружно нападали на писателей старшего поколения, отношения с которыми зачастую принимали формы неприязни и вражды. В частности, В. Дубовка в статье «Янка Купала и «Маладняк» писал:

«Некаторыя старыя беларускія пісьменьнікі, замест таго, каб дапамагчы беларускім паэтам і пісьменьнікам у творча-грамадзскай працы, заняліся пісанінай фэльетонаў на маладых пісьменьнікаў ды носяць па школах, па сямілетках, дзе зачытваюць нашаму маладому пакаленьню» [7, с. 14].

Возмуцала молодых писателей и политика Белгосиздата, которая была направлена на популяризацию и распространение высокохудожественных произведений белорусской литературы Я. Купалы и Я. Коласа, авторов, признанных читающей публикой. Из-за художественного несовершенства меньше печатались, а иногда и вовсе отклонялись, произведения «маладняковцев», о чем последние возмущенно заявляли как о проявлении борьбы «старой» «академической» культуры против «новой» пролетарской. Следует отметить, что руководство «Маладняка» уделяло внимание не столько воспитанию писательских кадров, сколько общественной и агитационно-пропагандистской деятельности среди населения.

Позицию партии, которая в этот период стремилась поддерживать всех писателей советской ориентации, выразил В. М. Игнатовский, выступавший на пленуме ЦБ «Маладняка» (февраль 1925 г.) от имени ЦК КП(б)Б. Указав на отсутствие «настоящих пролетарских писателей в белорусской литературе», он отметил существование тесной связи маладняковцев с «возрожденчеством». В. М. Игнатовский призывал молодежь к сотрудничеству с представителями национально-демократического направления в белорусской литературе [8, л. 2].

Партийно-государственное руководство БССР в лице ЦК КП(б)Б и СНК всячески поддерживало молодых литераторов, но интересовалось не столько литературной деятельностью «Маладняка», сколько стремилось использовать его как «социально-культурное течение» с большим агитационно-пропагандистским потенциалом [8, л. 21–22]. Этой стороне деятельности «Маладняка» придавалось особое значение при проведении политики белорусизации в восточных регионах Беларуси. Как известно, в результате так называемого «первого укрупнения» (1924) Витебщина и Могилевщина вошли в состав БССР. В Калининском округе, административным центром которого был г. Климовичи, местный Округной комитет КП(б)Б в целях белорусизации региона проводил мероприятия по популяризации «Маладняка» среди партийно-комсомольского и профсоюзного актива, местной интеллигенции, молодежи, военных и т. д. [9, л. 99]. В декабре 1924 г. в Минске и уездах по инициативе ЦК ЛКСМБ была организована агитационно-пропагандистская кампания, которая была приурочена к годовщине образования «Маладняка». В свою очередь руководство «Маладняка» уделяло внимание не столько воспитанию писательских кадров, сколько общественной и агитационно-пропагандистской деятельности среди населения.

Особенно активно группу «Маладняк» поддерживал Наркомат просвещения БССР. В частности, Нарком просвещения БССР В. М. Игнатовский, выступая на первом пленуме Центрального бюро «Маладняка» в феврале 1925 г.,

обратил внимание на преемственность в творчестве «маладняковцев» и писателей старшего поколения и призывал молодежь работать над повышением уровня литературного творчества [6, с. 18].

Государственно-партийные структуры БССР рассматривали «Маладняк» со времени его возникновения как наиболее близкую в идеологическом отношении литературную организацию, которая в перспективе должна была стать ядром единой пролетарской писательской организации БССР, что в определенной мере удалось реализовать в 1928 г., когда на основе «Маладняка» была создана Белорусская ассоциация пролетарских писателей (БЕЛАПП).

«Маладняк» стал первой литературной организацией БССР, одним из важнейших звеньев в процессе институционализации белорусской художественной культуры советского периода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. XII съезд РКП(б): стенограф. отчет. – Москва: Красная новь, 1923. – 705 с.
2. Сэкцыя беларускіх песьняроў і пісьмэннікаў пры ДOME Працаўнікоў Асьветы // Польшы. – 1923. – № 3–4. – С. 127.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 702.
4. Кароткая інфармацыя аб дзейнасці Інбелкульту (люты – сакавік 1926 г.) // Бюлетэнь СНК БССР. – 1926. – № 8. – Дадатак.
5. **Чарот, М.** Група беларускіх песьняроў «Маладняк» / М. Чарот // Савецкая Беларусь. – 1923. – 29 лістап. – С. 6.
6. Бюлетэнь Пленуму ЦБ Усебеларускага аб'яднання паэтаў і пісьменнікаў «Маладняк». – Менск: Маладняк, 1925. – 40 с.
7. **Дубоўка, У.** Янка Купала і «Маладняк» / У. Дубоўка // Аршанскі Маладняк. – 1925. – № 1. – С. 14.
8. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 8. Д. 16.
9. НАРБ. – Ф.4-п. Оп.7. Д. 31.

УДК 94(476)''1941/1944'':338.2(1-074)

В. В. Табунов

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В СЕНТЯБРЕ 1941 Г. – ИЮНЕ 1944 Г.

Аннотация. Проанализированы основные направления экономической политики немецких оккупантов на захваченной ими территории Беларуси с сентября 1941 г. по июнь 1944 г.: использование в интересах Германии потенциала промышленных предприятий, сельского хозяйства, осуществление контроля за торговыми отношениями, налоговой политикой и денежным обращением. Действия оккупационной администрации в данной области потерпели неудачу, привели к росту партизанского и подпольного движения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, оккупационный режим, промышленность, сельское хозяйство, торговля, налоговая система, денежное обращение, сопротивление населения.

Несмотря на героическое сопротивление РККА в ходе оборонительных боев на белорусских землях в конце июня – августе 1941 г., к концу лета первого года Великой Отечественной войны территория БССР была оккупирована немецкими войсками, практически сразу же приступившими к реализации разработанных предвоенных планов по экономической эксплуатации захваченных земель Советского Союза.

Экономическая политика захватчиков была направлена на ограбление и колонизацию покоренных территорий. Её сущность определялась в «Директивах по управлению экономикой на вновь оккупированных восточных областях». Главными направлениями проводившейся немецкими захватчиками экономической политики на белорусских землях были промышленность, сельское хозяйство, налоговая система, торговля и денежное обращение, а общей целью – интенсивное использование материальных и человеческих ресурсов республики для обеспечения нужд вермахта и населения Германии всеми необходимыми составляющими для достижения своей победы в войне.

Для реализации данных намерений был создан специальный штаб «Ольденбург» с большим штатом инспекций и подразделений для сбора продукции и сырья. Для более эффективного использования материальных богатств республики в интересах немецких властей действовали 17 компаний: центральное торговое общество «Восток» и «Герман Геринг», частные немецкие фирмы, акционерные общества [1, с. 37].

В первую очередь немецкие службы вывозили в Германию оборудование фабрик и заводов, электростанций, сельскохозяйственную технику, продукты питания, сырье.

С осени 1941 г. по лето 1944 г. оккупантами было вывезено 90 % станочного и технического оборудования, 96 % энергетических мощностей, 18,5 тыс. автомашин, более 9 тыс. тракторов и тягачей, около 1100 комбайнов [2, с. 223].

Несмотря на отчаянные попытки руководства промышленных объектов и содействия в данном направлении подразделений РККА и спецслужб, в тыл страны удалось эвакуировать 124 предприятия, которые на новых местах дислокации в скором времени стали давать необходимую советскому фронту продукцию.

Оккупационные власти в интересах немецкой армии организовывали работу части промышленных предприятий и сельскохозяйственных учреждений.

Всего за период оккупации на территории республики немцам удалось наладить работу около 60 предприятий преимущественно в металлообраба-

тывающей, легкой и пищевой отраслях. Рабочие кадры на них комплектовались путем обязательной регистрации на биржах труда, т. е. в принудительном порядке. Условия работы были крайне тяжелыми. Так, рабочий день продолжался на протяжении 10–12 ч, но руководство предприятий по своему усмотрению имело право увеличить продолжительность рабочего времени. За малейшие провинности рабочих били, сажали в карцер, отправляли в концентрационный лагерь. Рацион питания отличался скудностью и низкокалорийностью – он включал 200 г хлеба и 10 г соли в день. Выдача жиров и мясной продукции не предусматривалась. Получаемая заработная плата составляла мизерную сумму. Так, высококвалифицированный рабочий получал не более 60 марок в месяц, подсобный рабочий – 1 марку в день [3, с. 56]. Цены же на продукты питания были очень высокими: стоимость буханки хлеба доходила до 6 марок, пара обуви стоила 35 марок. Прожить на такие деньги самому и тем более прокормить семью было невозможно.

В области сельского хозяйства немецкие оккупационные власти для большей эффективности его деятельности изначально сохраняли деятельность колхозов и совхозов, переименованных, соответственно, в общинные и земские дворы. Попытки гитлеровцев организовать работу на бывших государственных землях заметного успеха не имели. В результате проводимой ими политики материальная база белорусской деревни значительно ухудшилась, посевные площади сократились на 60 %. На фоне разгрома немецких войск под Москвой оккупанты были вынуждены искать другие формы землепользования.

Так, в феврале 1942 г. министр оккупированных восточных областей А. Розенберг издал закон «О новом порядке землепользования», отменявший колхозно-совхозную систему и введивший вместо нее три формы землепользования: общинные хозяйства, земледельческие корпорации и индивидуальные хозяйства. Основной целью проводившихся преобразований стало стремление гитлеровцев интенсифицировать работу сельскохозяйственных предприятий и получить хотя бы минимальную поддержку крестьянства. Достичь этого немцам не удалось. Систематически проводившиеся грабежи и карательные операции ухудшили и без того бедственное положение сельского хозяйства.

В 1943 г. после поражения немецких войск под Сталинградом ситуация для войск вермахта на советско-немецком фронте и положение дел на оккупированной территории СССР для захватчиков значительно ухудшились. Для выравнивания ситуации в тылу немецкой армии оккупационная администрация в очередной раз оказалась вынуждена менять свою тактику. В июне 1943 г. А. Розенберг издал «Декларацию о крестьянском праве собственности», согласно которой крестьяне получали право собственности на землю. Однако переводить свои теоретические намерения в практическую плоскость немцы не торопились. Победа Красной Армии под Курском в июле – августе 1943 г.

и начало освобождения территории Беларуси в сентябре 1943 г. превратили декларируемые намерения немцев в фикцию.

Проводившаяся немецкими властями политика в области сельского хозяйства на занятых ими белорусских землях привела к его фактическому развалу: было уничтожено имущество более 10 тыс. колхозов, 92 совхозов, 316 машинно-тракторных станций. По сравнению с довоенным временем посевные площади сократились на 40 %, поголовье крупного рогатого скота снизилось на 49 %, лошадей – на 61 % [4].

Активной эксплуатации белорусских земель содействовала налоговая политика оккупантов. В период немецкой оккупации белорусских земель с сентября 1941 г. по июнь 1944 г. существовало две формы денежного налога – государственный и местный. Действовавшие предприятия выплачивали государственный налог с прибыли и подоходный налог. Население Беларуси выплачивало подушный, административный налоги, страховой сбор и целый ряд других налогов. Сельскому населению доводились обязательные нормы поставок сельскохозяйственной продукции. Взимание всех видов налогов осуществлялось самым жестким образом.

Довоенная торговая сеть в республике оказалась разрушенной. Действовали только торговые точки, в которых осуществлялась реализация некоторых видов продуктов питания населению, в основном хлеба, а также комиссионные магазины, в которых продавались награбленные немецкими захватчиками вещи. Фактически в городах доминировал «черный» рынок. Местному населению запрещалось реализовывать на рынке сельскохозяйственную продукцию до тех пор, пока оно полностью не рассчитается с оккупационными властями по нормам обязательных поставок данной продукции. Эти нормы были крайне высокими и составляли 3–4 ц зерна с 1 га, 300–400 л молока с одной коровы, 100 кг свинины с одного двора [5, с. 135].

В области денежного обращения политика немецких оккупантов также была направлена на обеспечение выкачивания местных материальных ресурсов в пользу Германии. Так, на белорусских землях получили обращение две валюты – советский рубль и немецкая оккупационная марка. Курс марки был завышен и составлял 10 советских рублей за 1 марку. Такой искусственно установленный курс являлся грабительским и обесценивал деньги на руках у населения.

Таким образом, экономическая политика, проводившаяся немецкими захватчиками на оккупированной ими территории БССР, была направлена на эксплуатацию материальных ресурсов и задействование человеческого потенциала в интересах Германии. Результатом осуществления такой политики стали огромные потери республики. Только прямой ущерб, нанесенный войной, составил в ценах 1941 г. 75 млрд р. Потери населения стали катастрофическими и составили 2 млн 200 тыс. человек.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Літвін, А. М.** Акупацыя Беларусі (1941–1944 гг.). Пытанні супраціву і калабарацыі / А. М. Літвін. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2000. – 288 с.
2. Нацистская политика геноцида и «выжженной земли» в Белорусской ССР. 1941–1944 гг. / сост. З. И. Белуга [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 271 с.
3. **Новиков, С. Е.** Германская экономическая политика на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / С. Е. Новиков // Российские и славянские исследования: науч. сб. – Минск, 2007. – Вып. 2. – С. 51–63.
4. **Факторович, А. А.** Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии / А. А. Факторович. – Минск : Наука, 1979. – 152 с.
5. **К’яры, Б.** Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / Б. К’яры. – Мінск : Беларускі гістарычны агляд, 2008. – 390 с.

СЕКЦИЯ 1.

МОГИЛЕВЩИНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 94(476.4)"1911/1914":37

Е. И. Головач

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В СФЕРЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1911–1914 ГГ.)

Аннотация. Рассматриваются основные направления деятельности органов земского самоуправления в Могилевской губернии в 1911–1914 гг., направленной на совершенствование системы народного образования. Определена роль земских учреждений в повышении уровня образования местного населения, а также в культурном развитии края.

Ключевые слова: народное образование, земские учреждения, Могилевская губерния, учебные заведения, учительские курсы, стипендия.

Земские органы самоуправления в Могилевской губернии были созданы на основании указа правительства от 14 марта 1911 г. Канцелярия губернской управы состояла из 12 отделов, каждый из которых занимался рассмотрением определенного круга вопросов. В ведении отдела народного образования находились вопросы открытия учебных заведений и библиотек, постройки зданий для них, ассигнования средств на народное образование, назначения и увольнения учителей, организации курсов для педагогических кадров и др.

Одним из приоритетных направлений в деятельности земств Российской империи в целом и белорусских земель в частности являлось введение всеобщего начального обучения. Министерством народного образования был выработан план, по которому предусматривалось увеличение финансирования системы начального образования. Благодаря финансовой помощи со стороны правительства на территории белорусско-литовских губерний развернулась активная деятельность по открытию новых начальных школ. По проекту Могилевского губернского управления по делам земского хозяйства предусматривалось завершить процесс введения всеобщего начального обучения к 1918 г., т. е. в течение 10 лет [1, с. 21]. Могилевское губернское земство продолжило эту работу, увеличивая ежегодные ассигнования на начальное образование: в 1912 г. – 56774 р., а в 1914 г. – 113855 р. 50 к. [2, л. 4; 3, л. 16 об.].

Земские учреждения Могилевской губернии принимали активное участие в праздновании юбилейных дат в Российской империи, при подготовке к которым выделяли средства на реализацию важных социальных инициатив. Так, в ознаменование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Могилевским губернским земством были учреждены 33 стипендии по 240 р. каждая в средних учебных заведениях губернии [4, с. 70]. При этом 11 сти-

пендий предназначались для детей крестьян, а остальные 22 – имели бессловный характер. Стипендии распределялись по три на каждый уезд (две – для мальчиков и одна – для девочек). Для выработки правил назначения и пользования стипендиями была создана комиссия в составе В. И. Андриянова, Б. Э. Энгельгардта, В. С. Дрибинцева, А. Ф. Радченко [5, л. 56].

В честь празднования трехсотлетия царствования Дома Романовых Могилевское губернское земство решило обратиться с ходатайством в вышестоящие инстанции об открытии в Могилеве среднего механико-технического училища, выделив из собственных средств на его устройство 13500 р., а также обязалось ежегодно выдавать на его содержание по 2 тыс. р. [6, с. 40–41]. Не осталась без внимания со стороны земства и еще одна памятная дата – освобождение крестьян от крепостной зависимости 19 февраля 1861 г. В результате в 1913 г. за счет губернского земства были учреждены 22 стипендии (по 240 р. каждая) имени Александра II в средних учебных заведениях Могилевской губернии [4, с. 70].

В 1909 г. губернским комитетом по делам земского хозяйства был создан книжный склад, целью которого являлось обеспечение учебными материалами земских школ. После проведения земской реформы в белорусских губерниях в 1911 г. данный книжный склад был реорганизован на кооперативных началах уездных земств, а заведывание и управление им было возложено на губернское земство. В 1912 г. книжный склад выполнял заказы на книги, учебные пособия и канцелярские принадлежности уездных земств, правительственных и общественных учреждений, епархиального ведомства, разных учебных заведений и частных лиц, а также способствовал обеспечению учебно-образовательными материалами учительских курсов в Рогачеве и Климовичах [3, л. 21 об.]. Сумма платежей склада за купленный в 1912 г. товар составила более 81 тыс. р., а скидка от продавцов и издателей книг достигла 30 %.

Могилевские земцы проявляли заботу об обеспечении подъема экономического благосостояния местного населения, а также распространении среди него сельскохозяйственных знаний. С этой целью губернское земское собрание обратилось к правительству с ходатайством о внесении изменений в программу двухклассных народных училищ. Земское учреждение предлагало дополнить программу преподаванием основ природоведения, животноводства, травосеяния, луговодства, огородничества, садоводства и др. Кроме того, члены Могилевского земства считали необходимым составить специальную книгу для проведения занятий по классному чтению в старших классах, содержание которой включало бы материалы по природоведению и сельскому хозяйству.

2 ноября 1912 г. на заседании второго очередного Оршанского уездного земского собрания обсуждался доклад уездной земской управы «Об ассигновании средств на устройство общегубернских курсов для учителей начальных училищ по Сокольской гимнастике». Следует отметить, что сокольская система физического воспитания впервые появилась в Австро-Венгрии, а в Российской

империи она получила распространение во второй половине XIX – начале XX в. Данная система предусматривала обучение строю, а также гимнастике в начальных училищах, способствуя физическому развитию детей.

В прениях по данному вопросу принимал участие гласный Ф. Я. Хоменовский, который выступил сторонником необходимости изучения гимнастики по сокольской системе в учебных заведениях не только учителями, но и учительницами [7, л. 52]. В свою очередь гласный Н. Н. Турбин высказал сомнение о пригодности применения сокольской системы ввиду того, что в зимний период заниматься ею не представляется возможным из-за отсутствия помещений, а в летний период возникает иная проблема – отсутствие самих учащихся. В результате собрание приняло предложение Ф. Я. Хоменовского о том, чтобы возбудить в губернском земстве вопрос об улучшении физического воспитания в народных школах с целью его дальнейшего рассмотрения на заседании губернского земского собрания [7, л. 53 об.].

В ноябре 1911 г. педагогическим советом Рогачевской учительской семинарии был поставлен вопрос об организации летом 1912 г. учительских курсов [8, л. 5 об.]. В результате первое Рогачевское уездное земское собрание приняло решение организовать летом 1912 г. педагогические и общеобразовательные курсы для учителей Рогачевского уезда. Программа курсов предусматривала проведение лекционных и практических занятий. В течение месяца слушатели курсов посещали лекции по следующим дисциплинам: методика Закона Божьего, педагогическая психология, дидактика, методика русского языка и др. [8, л. 6]. Проведение практических занятий осуществлялось по сельскому хозяйству, в первую очередь садоводству и огородничеству [7, л. 6 об.]. Необходимо отметить, что данные курсы посещала половина учителей уезда, которые получали пособие по 20 р. [8, л. 15].

В 1912 г. уездные и губернские земские органы самоуправления высказались о необходимости повсеместного учреждения учительских курсов, целью которых являлось улучшение качественной подготовки педагогических кадров. Так, Быховское земство ассигновало сумму в 200 р. для того, чтобы разделить ее между четырьмя народными учителями, которые по решению уездной управы и уездного училищного совета отправятся на учительские курсы в столичные города. Кроме того, земство ходатайствовало об учреждении в 1912 г. губернских учительских курсов [8, л. 15]. Таким образом, земские учреждения Могилевской губернии видели в учреждении курсов верное средство улучшения качественной подготовки учителей [8, л. 19]. При этом, например, Рогачевское и Климовичское уездные земства организовали собственные учительские курсы, а вот другие уездные земства Могилевской губернии выделяли ассигнования для того, чтобы отправить учителей на курсы за пределы своих уездов [8, л. 27].

В рассматриваемый период времени одной из главных проблем в деятельности земских учреждений Могилевской губернии являлось улучшение

материального положения учителей, а также снижение текучести кадров. Так, например, 14 января 1913 г. в донесении председателя Могилевской губернской земской управы в Виленский учебный округ отмечалось, что значительное число народных учителей увольняется с их прежнего места работы по причине недостаточного материального обеспечения [7, л. 79]. Аналогичная информация содержится в отчетах директоров и инспекторов народных училищ, а также земских деятелей: средняя продолжительность службы учителя составляет 4–5 лет [7, л. 79]. В результате губернская управа приняла решение обратиться с ходатайством к Министерству народного просвещения об увеличении окладов содержания народным учителям с периодическим установлением им надбавок [7, л. 79 об.].

Таким образом, в деятельности земских органов самоуправления в Могилевской губернии на протяжении 1911–1914 гг. находили отражение наиболее злободневные проблемы того времени: введение всеобщего начального обучения, выделение стипендий, открытие средних учебных заведений, внесение изменений в учебные программы, открытие курсов для учителей. Следует отметить, что с момента своего возникновения земским учреждениям пришлось пройти организационный период своей деятельности, в том числе и в сфере народного образования. В отчете земской управы от 14 августа 1913 г. отмечалось, что до сих пор остается неурегулированной организационная сторона, а в вопросах народного образования наблюдается сильное стремление уездных земств к автономности [7, л. 66–67].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краткий обзор деятельности Земского управления Могилевской губернии за 1903–1911 годы. – Могилев губ.: Тип. губ. правления, 1911. – 31 с.
2. Краткий обзор деятельности Могилевского губернского земства // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 60.
3. Краткий отчет о деятельности Могилевского губернского земства // НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 37.
4. **Головач, Е. И.** Участие выборных земских учреждений белорусских губерний в мероприятиях социально-экономической направленности (1911–1914 гг.) / Е. И. Головач // Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается : сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Могилев : Беларус.-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 67–71.
5. Дело об участии Могилевского губернского земства в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. // НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 11.
6. **Головач, Е. И.** Участие представителей либеральных и правых партий в деятельности земских органов самоуправления на территории Беларуси (1911–1914 гг.) / Е. И. Головач // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. – 2022. – № 2. – С. 38–42.
7. Переписка с уездными земскими управами о постановке народного образования // НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 126.
8. Дело об открытии педагогических и общеобразовательных курсов для учителей Могилевской губернии // НИАБ. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 127.

УДК 37(476)(091)

С. Н. Даниленко

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ СВЕТСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В.

Аннотация. В последней четверти XVIII в. белорусские земли вошли в состав Российской империи. Включение белорусских земель в состав Российской империи по времени совпало с проведением Екатериной II общеимперских реформ в области образования. Сохраняя существовавшие до 1772 г. учебные заведения, которые находились в руках духовенства, Екатерина II считала необходимым создать в крае и школы, которые будут содержаться за счет государства.

Ключевые слова: народные училища, приказы общественного призрения, училища, Екатерина II.

7 ноября 1775 г. Екатерина II утвердила «Учреждения для управления губерний», после чего на просторах Российской империи стали создаваться губернские Приказы общественного призрения. Данное учреждение, председателем которого был губернатор, должно было осуществлять надзор за деятельностью всех учебных заведений в границах губернии. Приказам общественного призрения поручалось создавать и новые школы «с тем, чтобы не имущие могли учиться без платежа, а имущие за умеренную плату» [1, с. 272].

В конце мая – начале июня 1780 г. в Могилеве происходила встреча между императрицей Екатериной II и императором Священной Римской империи Иосифом II. Интересно, что Екатерина II заговорила с Иосифом II об устройстве австрийских народных училищ в первый день их встречи. Из рассказов Иосифа II российская императрица узнала о действующей на австрийских землях школьной системе, которая была основана на мягкости педагогических приемов, наглядности обучения, а также отличалась практичностью и дешевизною. Под впечатлением от проведенных бесед Екатерина II попросила Иосифа II выслать ей учебные книги, которые использовались в австрийских школах.

7 сентября 1782 г. Екатерина II подписала указ о создании специальной «Комиссии об учреждении народных училищ». Создание данной комиссии имело большое значение и, как отмечает С. В. Рождественский, «возникло учреждение, ставшее через двадцать лет ядром Министерства народного просвещения» [2, с. 17]. 17 сентября 1782 г. российской императрице был представлен «План к установлению народных училищ в Российской империи». 27 сентября 1782 г. он был утвержден Екатериной II. По плану в Российской империи предполагалось создание трех типов учебных заведений: двухклассные малые, трехклассные средние и четырехклассные главные народные

училища. Двухклассные школы предполагалось открывать в селах, трехклассные – в городах и четырехклассные – в губернских городах. Содержание образования мыслилось строить на основе концентрического принципа, т. е. программа каждого класса обучения представляла собой нечто целое и повторялась в следующем классе, только в большем объеме.

В 1783 г. по новому плану были преобразованы семь существовавших уже в Петербурге малых училищ, после чего новые училища стали открываться в городах Петербургской губернии [2, с. 17]. Опыт использования новой школьной системы в Петербургской губернии был удачен, и в 1786 г. было принято решение использовать его в рамках всей Российской империи. 30 октября 1786 г. был подписан указ об открытии народных училищ в 16 губерниях Российской империи, в числе которых была и Могилевская.

Построение общероссийской учебной системы предусматривалось на основании нового школьного устава. В 1786 г. комиссия для учреждения народных училищ завершила его разработку. 5 августа 1786 г. «Устав народным училищам в Российской империи» утвердила Екатерина II. Этот законодательный акт заменил план 1782 г. и заложил прочные основы для всеобщего народного образования в Российской империи.

На основании Устава на территории Российской империи стали создаваться главные и малые народные училища. Главные четырехклассные училища создавались в губернских городах, малые двухклассные – как в губернских (если одного главного училища было недостаточно), так и в уездных городах.

В начале ноября 1788 г. Екатерина II подписала указ об открытии главных народных училищ в 14 губерниях Российской империи. В этом указе было предписано генерал-губернаторам и губернаторам «все нужное к таковому открытию училищ приуготовить, а потом оные действительно открыть» [3, с. 17]. Комиссии об учреждении училищ поручалось к 1 января 1789 г. обеспечить предполагаемые к открытию училища всеми необходимыми учебными пособиями и назначить учителей.

Вскоре копия указа о создании народных училищ была доставлена Могилевскому и Полоцкому генерал-губернатору Петру Богдановичу Пассеку. 14 ноября 1788 г. П. Б. Пассек направил письмо в Комиссию об учреждении училищ, в котором сообщил о невозможности исполнения данного указа. Он объяснял это тем, что «я (т. е. П. Б. Пассек), не имея сведения ни о числе учителей, ни о назначенном им пенсионе и других расходах, никакого не могу сделать положения» [4, с. 21–22]. Для решения этой проблемы П. Б. Пассек просил направить ему школьный устав, штат училищам и другие необходимые для открытия народных училищ сведения. На заседании Комиссии об учреждении училищ было принято решение выполнить данную просьбу.

5 декабря 1788 г. все необходимые материалы были направлены П. Б. Пассеку, а также перечень «надлежащих мер», которые необходимо было выполнить до открытия главного народного училища.

Могилевский и Полоцкий генерал-губернатор П. Б. Пассек активно занялся подготовкой создания народных училищ. По его распоряжению содержание всех народных училищ должно было происходить из городских доходов, а не из суммы Приказа общественного призрения. В донесении от 30 декабря 1788 г. он сообщал о возможности открытия на территории Могилевской губернии народных училищ в Могилеве, Копыси, Мстиславле, Чаусах, Черикове и Орше. Доходы этих городов позволяли содержать создаваемые учебные заведения. В таких городах, как Бабиновичи, Белица, Климовичи, Рогачев не было возможности создавать народные училища «по причине малого числа жителей, а от того малого дохода». В 1789 г. П. Б. Пассек сообщал о том, что все необходимые меры приняты.

15 марта 1789 г. состоялось торжественное открытие главного народного училища в Могилеве. Общественность Могилева крайне положительно отреагировала на открытие главного народного училища. Как отмечает П. Б. Пассек: «Невозможно изъяснить того, с каким усердием благодарности принято от всех премудрое сие попечительнейшие матери отечества – великие Екатерины заведение!» [5, с. 48].

После открытия главного народного училища П. Б. Пассек передал в Могилевский приказ общественного призрения 3000 р. Из этих денег на разные нужные для училища вещи (лавки, столы, доски и т. д.) было потрачено до 500 р. Через год директор училища С. В. Цветковский был отправлен в Петербург для закупки книг, инструментов и других учебных пособий на сумму более 2000 р.

По уставу 1786 г. штат главного народного училища составляли: директор, два учителя старших классов, учитель второго класса, учитель первого класса, учитель иностранного языка и учитель рисования. Первым директором главного народного училища в Могилеве был назначен Самсон Васильевич Цветковский, который в 1781 г. по окончании курса в Киевской духовной академии был вызван Г. Конисским для занятия места учителя поэзии в семинарии, а в 1789 г. занял должность директора народных училищ Могилевской губернии.

В начале своей работы главное народное училище состояло из двух классов. В первый класс поступило 70 учеников. Во втором классе обучалось 35 учеников. Во втором полугодии численность учеников значительно возросла. В первый класс поступило 25 мальчиков и 5 девочек.

6 июля 1789 г. в главном народном училище по итогам первого полугодия проводилось открытое испытание учеников. На этом экзамене присутствовали генерал-губернатор П. Б. Пассек, архиепископ Г. Конисский и ряд городских и губернских чиновников. По окончании испытания отличившиеся ученики были

награждены книгами. 11 января 1790 г. в главном народном училище прошел экзамен после первого года обучения. После экзамена 26 воспитанников первого класса и 21 ученик второго были переведены в старшие классы. В связи с выпуском второго класса в 1790 г. в главном народном училище был организован третий класс, а с 1791 г. главное народное училище состояло из четырех классов.

Необходимо отметить, что с момента открытия в Могилеве главного народного училища это учебное заведение пользовалось авторитетом среди местного населения. Местное чиновничество, дворянство и простые горожане направляли своих детей в главное народное училище, а также осуществляли перевод из других учебных заведений. Так, например, известно, что в 1790 г. коллежский асессор Танцов и один из могилевских купцов перевели троих своих детей из иезуитского училища в главное народное училище.

В начале 1790-х гг. на территории Могилевской губернии стали создаваться малые народные училища. Главным препятствием на пути их открытия было не отсутствие денежных средств, а нехватка подготовленных кандидатов на занятие учительских должностей. Эта проблема была решена за счет специальной подготовки воспитанников Могилевской духовной семинарии в главном народном училище.

В 1791 г. в Могилевской губернии было открыто сразу пять малых народных училищ: 28 января – в Орше, 30 января – Копыси, 4 февраля – Мстиславле, 6 февраля – Черикове, 9 февраля – Чаусах. Количество учащихся в малых народных училищах было не одинаковым.

После смерти Екатерины II в 1796 г. государственная политика в области народного образования на белорусских землях изменилась. Как отмечает М. В. Довнар-Запольский, в это время «губернаторы перестают заботиться о развитии народного образования, оно теперь было не в фаворе. В качестве смотрителей и учителей школ оказываются неподходящие элементы – люди без знаний, без любви к делу» [6, с. 38–39].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Т. 20: 1775–1780. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – Санкт-Петербург, 1830. – С. 229–304.
2. **Рождественский, С. В.** Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения : 1802–1902 / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург: М-во народного просвещения, 1902. – 785 с.
3. Предварительные меры к открытию главных народных училищ в 14 губерниях, в том числе Полоцкой, Могилевской и Киевской // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа, 1783–1803. – Санкт-Петербург: М-во народного просвещения, 1893. – С. 17–21.

4. О доставлении Полоцкому и Могилевскому генерал-губернатору П. Б. Пассеку устава и штатов народных училищ с указанием некоторых мер при открытии училищ // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа, 1783–1803. – Санкт-Петербург: М-во народного просвещения, 1893. – С. 21–26.

5. Об открытии в Могилеве главного народного училища // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из Архива Министерства народного просвещения. Т. 1: Учебные заведения в западных губерниях до учреждения Виленского учебного округа, 1783–1803. – Санкт-Петербург: М-во народного просвещения, 1893. – С. 43–48.

6. **Довнар-Запольский, М. В.** Реформа общеобразовательной школы при императрице Екатерине II / М. В. Довнар-Запольский. – Москва: Тип. И. Д. Сытина, 1906. – 47 с.

УДК 930(075.8)

І. І. Караткевіч

«МАГІЛЁЎСКАЯ ХРОНІКА»: МОЎНАЯ КАРЦІНА ХVІІІ СТ.

Анотацыя. «Магілёўская хроніка» перадае звесткі пра рысы мясцовага самакіравання, сааслоўны склад гарадскога насельніцтва, стаўленне месцічаў і вяскоўцаў да палітычных і ўнутрыгарадскіх падзей, унутрысааслоўныя і міждзяржаўныя ўзаемаадносіны. Мова летапісу польская, з укрэпваннем лацінскай і нязначнымі элементамі беларускай моў, змяшчае рытарычныя выразныя сродкі.

Ключавыя словы: «Магілёўская хроніка», летапісанне, моўныя сродкі.

Рэгіянальная гісторыя Беларусі зафіксавана ў летапісах і хроніках ХVІІ ст., калі ў беларускім летапісанні пачалі адлюстроўвацца агульнадзяржаўныя патрыятычныя памкненні, спраецыраваныя на мясцовыя падзеі. Узніклі новыя жанры летапісання: мясцовыя летапісы, дзённікі (дыярыўшы), хранографы. Адным з лепшых узораў мясцовых летапісаў Беларусі ХVІІ–ХVІІІ стст. і апошнім мясцовым беларуска-літоўскім зводам з’яўляецца *Магілёўская хроніка*, складзеная ў Магілёве купецкім старастам і лаўнікам Трафімам Суртой і дынастыяй Трубніцкіх. Трафім Сурта пачаў складаць летапіс у 1693 г., апісваючы падзеі пачынаючы з 1526 г. і да 1701 г. Юры Трубніцкі, рэгент магілёўскай гарадской канцылярыі, працягнуў летапіс з 1701 г. па 1746 г. Пазней летапіс складалі сын Юрыя Трубніцкага Аляксандр і ўнук Міхаіл, давёўшы яго да 1856 г. (запісы за 1705 г. і 1710–1744 гг. страчаны) [1, с. 334].

Гэта фактычна дзённік Магілёва, складзены ў форме пагадовых аповедаў пра значныя і цікавыя гарадскія падзеі, часам уласна мясцовыя, часам агульнадзяржаўныя, як, напрыклад, запісы пра другую Паўночную вайну, пераход маскоўскага войска праз Магілёў, асобы караля Карла ХІІ, караля Аўгуста, цара Пятра І, князя Меншыкава, гетмана Мазепы, генералаў

казацкага войска і інш. Апісанне ўнутрыгарадскіх падзей спалучаецца з навінамі навакольных мястэчак і вёсак – Оршы, Быхава, Лупалава, Любужа, Пячэрска, Буйнічаў і інш. І ўсё гэта адбываецца на фоне значных палітычных падзей тагачаснай Беларусі, Літвы, Польшчы, Украіны, Расіі.

Хроніка адлюстравала сацыяльна-палітычнае, гаспадарча-эканамічнае і культурнае жыццё Магілёва і наваколля. Крыніцамі інфармацыі з’явіліся разнастайныя летапісныя, канцылярскія, магістрацкія запісы, сведчанні і назіранні саміх аўтараў-складальнікаў і іх сучаснікаў, архіўныя матэрыялы. Найбольш цікавым лічыцца перыяд да 1747 г., у якім змяшчаюцца ўнікальныя звесткі пра гісторыю Магілёва перад падзеламі Рэчы Паспалітай.

Складальнікі хронікі мелі значныя пасады ў тагачасным гарадскім асяроддзі. Трафім Сурта быў купецкім старастам і лаўнікам, г. зн. штогод выбіраўся для загадвання саслоўнымі справамі купецкай супольнасці і з’яўляўся прысяжным засядацелем лавы (судовай калегіі), сябрам магістрата. Лавы, паводле магдэбургскага права, маглі мець толькі вялікія гарады, што ўказвае на значнасць гэтай гарадской пасады і самога горада Магілёва.

Юры Трубніцкі быў рэгентам магілёўскай гарадской канцылярыі, г. зн. займаў найвышэйшую пасаду ў канцылярыі з часоў Вялікага княства Літоўскага, займаўся складаннем дакументаў і адказваў за іх захаванасць, заносіў дакументы ў метрыку княства, выдаваў афіцыйныя копіі-выпіскі з яе, правіў і падаваў на подпіс каралеўскія, канцлерскія і падканцлерскія дакументы, выконваў абавязкі натарыуса.

Відавочна, інтарэсы аўтараў хронікі, якія мелі пасады ў гарадскім магістраце, тычыліся непасрэдна кіраўнічых і юрыдычных спраў і вымагалі ведання справаводства і прававых норм.

Асобна варта звярнуць увагу на мову хронікі. Летапіс пісаўся па-польску (перыяд 1693–1746 гг.) і па-руску (перыяд 1841–1856 гг.). Падчас напісання хронікі на тэрыторыі Беларусі адбывалася паступовае запазычванне шляхтай Вялікага княства Літоўскага польскай культуры, манеры паводзін, звычайў і, зразумела, польскай мовы. Паводле пастановы ўсеагульнай канфедэрацыі саслоўяў Рэчы Паспалітай 1696 г., справаводства было пераведзена на польскую мову. Складальнікі летапісу, немалаважныя асобы ў гарадскім самакіраванні, былі, натуральна, польскамоўнымі. Пры гэтым яны выкарыстоўвалі пры апісанні падзей лацінамоўныя юрыдычныя выразы, што сведчыць пра іх дастаткова высокую адукацыю і прафесійную абазнанасць у прававых адносінах, напрыклад:

*episkopa Białoruskiego, Mscisławskiego, Orszanskiego y Mohylowskiego mieli, znali, wolności y **prarogatiw, de iure et antiqva consvetudine należących, zażywac nie bronili a ni bronie komu ynszemu nie dopuszczali **suh panis vontra yiolatores iurium descriptis;*****

*... przywilejem naszym dajemy y kaferujemy tak, aby pomieniony Hyeronim Wolczanski **post sanctos ordines episcopatus susceptos, wyszrzeczoną episkopią***

Białoruską cum jurisdictione tam in spiritualibus quam in temporalibus z cerkwiemi katedralnemi y partykularnemi, monasterami, bractwami, przełożestwami, popami, zdawna do episkopij Białoruskiey należącymi ... [тут і далей гл.: 2].

На старонках летапісу сустрэнем назвы насельнікаў і ганаровых асоб – *cara j[ego] m[os]c Piotra Alexiewicza, krola szwedzkiego, pulkownika hetmana Sapiehy, panowie posłowie, panow rad, urzędnikow, obywatelow, duchowieństwo, regenta cancellarij, archydiakona, wojewodu witepskiego, podwojewódzicza* і інш.

У якасці своеасаблівых выразных рытарычных сродкаў складальнікі выкарыстоўваюць устойлівыя звароты для характарыстыкі важных асоб або іх учынкаў:

publikowany na ratuszu przywiley oycu episkopowi kaferowany, ktory dla wiadomosci przyszlego wieku tu ony kładę słowo do słowa; archymandryt niezynski, ... z panow pan, z nauk theolog і інш.

Любоў да свайго горада адлюстравалася ў рытарычным воклічы пры апісанні паходжання назвы Магілёва і параўнанні яго з магутным ільвом:

O miasto, miasto Mohylow! Pierwszy litopisiec, nie mogąc wziąć żadney wiadomosci, zkąt by się miasto nazwało Mohylow, explikował, że iest to mogący lew ...

Добрая юрыдычная адукацыя складальнікаў летапісу выявілася ў іх вольным абыходжанні з лацінай. Так, у фразе *A tak gdy stanoll przed bromą Tryumfalną, kropiąc narod dokoła będący, zaczęła się perora, witaiąc pasterza* лацінскае слова *perora* (з лац. *per os, oris* «*нараз пом*») абазначае гучныя ўхвальныя выкрыкі. У фразе *do spiewania kantycznego, zczyni z reweręcyą iest przyięty dla spiewania kapelij jmperatorskiey* вылучанае слова абазначае перамену, аднак у летапісе гэта «паступовае змяншэнне гучнасці пры спевах».

Выдатнае валоданне польскай мовай не дапускала пранікненне ў афіцыйны дакумент, якім з'яўлялася «Магілёўская хроніка», беларусізмаў, аднак пэўныя элементы тагачаснай беларускай мовы ўсё ж можна вылучыць. Так, фанетычнае аканне ў слове *prarogatiwy* (*wolności y prarogatiw, de iure et antiqva consvetudine należących*), на наш погляд, тлумачыцца ўплывам беларускай мовы (параўн.: польск. *prerogatywy*).

Слова *szatę* у значэнні «мантыя, покрыва» (*20 februarij przywieźli y przybili szatę srebrnopozłocistą na obraz najswiętszey panny Namiesney brackiey*) з'яўляецца лексічным беларусізмам (бел. шаты «покрыва»; параўн. польск. *szatę* «халат»).

Складальнікі дапускаюць пэўную афарыстычнасць у выражэнні свайго стаўлення да розных мясцовых падзей. Так, пры апісанні спрэчнай судовай справы ў адносінах да прадстаўнікоў яўрэйскай абшчыны Магілёва з неабходнасцю заплаціць ісковыя выплаты аўтары выказалі меркаванне, што *podlug prawa żydzi do miasta, a miasto do żydow nie należą* (наводле закона яўрэі належаць гораду, а не горад належыць яўрэям).

Такім чынам, мова гэтага помніка беларускага летапісання дапамагае перадаваць найцікавейшыя звесткі пра адметнасць мясцовага самакіравання, саслоўны склад гарадскога насельніцтва, стаўленне месцічаў і вяскоўцаў да палітычных і ўнутрыгарадскіх падзей, унутрысаслоўныя і міждзяржаўныя ўзаемаадносіны.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Свекла, В. В.** О роли краеведа И. И. Филипповича в обнаружении, популяризации и изучении памятника белорусского летописания XVII–XIX вв. – Могилевской хроники Сурты – Трубницких / В. В. Свекла // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 16–17 мая 2013 г. – Москва: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка НАН Беларуси, 2013. – С. 332–337.

2. Хроніка Т. Р. Сурты й Ю. Трубницькаго [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov30.htm>. – Дата доступу: 10.03.2023.

УДК 902(476)"633"-051:930

А. У. Коласаў

МЕЗАЛІТ ВЕРХНЯГА ПАДНЯПРОЎЯ Ў РАКУРСЕ ДАСЛЕДАВАННЯЎ 1950–1960-Х ГГ.

Анотацыя. Разглядаюцца асноўныя тэарытычныя падыходы, якія склаліся ў 1950–1960-я гг. адносна вивучэння мезалітычных помнікаў Верхняга Падняпроўя. У аснове іх ляжала ідэя аб лакальных своеасаблівасцях археалагічнай культуры, рэгіянальнай спецыфіке мезалітычнай эпохі, што падкрэслівалася матэрыяламі вылучанай вобласці макралітаў (У. Ф. Ісаенка), свідэрска-грэнскай культурай (У. Д. Будзько).

Ключавыя словы: мезаліт, Верхняе Падняпроўе, канцэпцыя лакальных культур, канцэпцыя «мікра-макралітычнага мезаліту», свідэрска-грэнская культура.

Падрыхтаваны артыкул з'яўляецца працягам той размовы, якая была распачата мною на Першых «Чытаннях імя А. С. Дэмбавецкага» [8]. У 1950–1960-я гг. у савецкай археалогіі адбываліся бачныя перамены. Ужо ў пачатку 1950-х гг. быў вынесены «прысуд» стадыяльнаму падыходу. Для мезаліту ўсходняй Еўропы кропкай невяртання стаў менавіта 1950 г., калі савецкі даследчык М. В. Ваяводскі [3] прапанаваў звярнуць увагу на лакальную своеасаблівасць старажытных культур. З гэтага моманту пачынаецца этап пераасэнсоўвання назапашаных матэрыялаў, які канчаткова ў савецкай археалагічнай навуцы замацаваў за мезалітам статус асобнай эпохі.

Аднак не ўсё так проста складвалася ў даследаваннях праблематыкі мезаліту для беларускай археалогіі. Спецыялістаў па каменнаму веку ў краіне не хапала. К. М. Палікарповіч, які ў 1930-я гг. прапанаваў схему развіцця

культурных стадый, у тым ліку і для эпіпалеаліту (мезаліту), пасля вайны сканцэнтравалі сваю ўвагу на вывучэнні палеалітычных помнікаў. Нейкіх кардынальных зменаў у яго поглядах пасля пераломнага 1950 г. не назіралася. Апошнія абагульняючыя публікацыі К. М. Палікарповіча [15, 16] ў цэлым паўтаралі прапанаваную ім раней схему змены культурных стадый «свідэр – тардэнуаз – кампіны». У дачыненні да помнікаў, якія вызначалі этап засялення пасля адступлення ледавіка і да пачатку неалітычнай эпохі, даследчык працягваў прытрымлівацца назвы «эпіпалеаліт».

Разам з тым матэрыялы з Беларусі і, у прыватнасці, Верхняга Падняпроўя арганічна ўпісаліся ў новую канцэпцыю лакальных культур (КЛК), вылучаных у мезаліце Усходне-Еўрапейскай раўніны. Дарэчы, лакальныя адметнасці сярод помнікаў рэгіёна спрабаваў шукаць яшчэ ў 1930-я гг. К. М. Палікарповіч [14], што ў цэлым супярэчыла прапанаванай ім схеме развіцця стадый эпіпалеаліту. Аднак і не перашкаджала вызначыць межы пашырэння тардэнуазскіх помнікаў па лініі Бранск – Чэрыкаў – Нова-Быхаў – рака Друць [14, с. 84].

Прапанаваная ў пачатку 1950-х гг. КЛК улічвала спецыфіку культуры асобных рэгіёнаў, тыя змяненні ў гаспадарцы і тэхніцы, якія адбыліся на адзначанай тэрыторыі ў мезалітычны час. Вядомая дагэтуль Грэнская стаянка на Сожы М. В. Ваяводскім адрасу была аднесена да ўсходняй групы свідэрскай культурнай вобласці [3]. Ідэю М. В. Ваяводскага падтрымаў А. А. Фармозаў [19]. У мезаліце Еўрапейскай часткі СССР ён вылучыў дзве культурныя вобласці – свідэрскую і волга-окскую. Мяжа паміж імі праходзіла па лініі воз. Свір – воз. Нарач – басейн р. Друць – Новы Быхаў – Чэрыкаў.

Сваё далейшае развіццё КЛК атрымала ў працах У. Ф. Ісаенкі [6, 13] і У. П. Левянка [12]. На думку гэтых даследчыкаў, своеасаблівасць мезаліту асобных рэгіёнаў падкрэслівалі пэўныя лініі развіцця каменнай індустрыі. Гэта давала магчымасць вызначыць вобласці распаўсюджвання помнікаў з мікра-, макра- і мікра-макралітычным крамянёвым інвентаром. Помнікі Верхняга Падняпроўя былі аднесены У. Ф. Ісаенкам да вобласці макралітаў і падзелены на дзве храналагічныя групы. Ранні мезаліт дэманстраваў развіццё пласціністай індустрыі, позні – адшчэпавай. Менавіта ў познім мезаліце, як меркаваў У. Ф. Ісаенка, сфарміраваліся ўласцівыя для зоны макралітаў рысы – з'яўленне «грубаабабітых сякер і сякерападобных прыладаў», а таксама «груба апрацаваныя лістападобныя вастрыі» [13, с. 59].

Разглядаючы мезаліт Дняпра-Данскога міжрэчча, У. П. Левянок прасачыў у ім дзве лініі развіцця – макралітычную (раннюю) і мікралітычную (познюю) [12]. Помнікі Пасожжа (Грэнск, Латкі, Печанеж, Стаўбун, Журавель), як лічыў даследчык, дэманстравалі макралітычны характар развіцця каменнай індустрыі і былі аднесены да позняга мезаліту [12, с. 92–93].

Па сутнасці канцэпцыя «мікра-макралітычнага мезаліту», прапанаваная У. Ф. Ісаенкам і У. П. Левянком, вярталася да поглядаў, якія панавалі ў савецкай археалогіі 1920–1940-х гг. Высновы рабіліся на падставе малаін-

фарматыўных крыніц, атрыманых у асноўным зборамі з паверхні. Як справядліва адзначаў А. А. Фармозаў, для прапанаванай схемы У. Ф. Ісаенка «выкарыстоўваў невялікі і выключна пад'ёмны матэрыял, што мезалітычны ўзрост многіх помнікаў увогуле выклікае пытанне ..., што макралітамі У. Ф. Ісаенка называе зусім не буйныя апрацаваныя з дзвух бакоў прылады тыпу пік і траншэй, а проста вырабы з адшчэпаў, нават мелкія» [20, с. 9].

Аднак трэба прызнаць і адваротны бок справы: прапанаваны У. Ф. Ісаенкам падзел помнікаў на ранні і позні этапы атрымаў сваё далейшае развіццё ў схемах перыядызацыі 1970–1990-х гг. [7, 9, 10] і фактычна захоўвае сваю актуальнасць у сучаснай навуцы. Ідэя аб існаванні макралітычнай культуры ў познім мезаліце была ўзята В. Ф. Капыціным за аснову для вылучэння сожскай культуры [9, с. 48–58].

Іншых поглядаў на культурную ідэнтыфікацыю помнікаў Верхняга Падняпроўя прытрымліваўся У. Д. Будзько [1, 2]. У іх аснове ляжаў так званы канкрэтна-гістарычны падыход, які быў прапанаваны А. М. Рагачовым [18] для абгрунтавання лакальнай спецыфікі археалагічных культур верхняга палеаліту. Прадуктам рэалізацыі гэтага падыходу стала вылучаная У. Д. Будзько свідэрска-грэнская культура, якую ў Верхнім Падняпроўі прадстаўлялі стаянкі Падлужжа-3, Каромка і Грэнск [1, 2]. Помнікі гэтай культурнай з'явы ставіліся У. Д. Будзько ў адзін рад з культурамі мадленскага кола Заходняй і Паўночна-Заходняй Еўропы і свідэрскай культурай Польшчы.

На падставе стратыграфічных назіранняў і параўнальнага тыпалагічнага аналізу крамянёвага інвентару, у развіцці свідэрска-грэнскай культуры У. Д. Будзько вылучыў тры этапы, якія прыпадалі на позналедавікоўе – ад дрыяса I да дрыяса III [2, с. 46]. Такім чынам, У. Д. Будзько перагледзіў узрост некаторых помнікаў (Грэнск, Каромка), якія раней лічыліся мезалітычнымі. Аднак, як высвятлілася пазней [9, с. 4–5, 32–34], высновы гэтага аўтара грунтаваліся ў большасці на аналізе пад'ёмных матэрыялаў, за якімі стаяла некарэктная сістэма крытыкі крыніц і метадаў даследавання. На думку В. Ф. Капыціна, наяўнасць палеалітычных форм і тыпаў прылад не з'яўлялася храналагічным паказчыкам, а падкрэслівала якраз генетычную сувязь помнікаў свідэрска-грэнскай (грэнскай) культуры з «мясцовым» палеалітам.

Між іншым меркаванні У. Д. Будзько аб позналедавіковым узросце грэнскай культуры не было бясплённым. У канцы 1980-х – пачатку 1990-х гг. было пастаўлена пытанне аб вылучэнні ў Верхнім Падняпроўі фінальнага палеаліту [5, 9, 11]. Позналедавіковы этап засялення дэманстравалі ў тым ліку і помнікі грэнскай культуры, што пацвярджаецца на сучасным этапе даследаванняў.

На падабенства мезаліту Польшчы, Літвы і Паўночнай Беларусі, з аднаго боку, Усходняй Беларусі і Паўночнай Украіны, з другога, звярнулі ўвагу ў сваіх працах Н. М. Гурына [4, с. 200–203] і Р. К. Рыманцене [17, с. 70–71]. У якасці доказаў для падобных высноў Н. М. Гурына спасылалася на падабенства формаў прылад у крамянёвым інвентары стаянак лясной паласы Ўсходняй

Еўропы [4, с. 202–203]. Р. К. Рыманцене адзначала існаванне адмысловай культурнай з'явы ў басейнах Дняпра і Сожа, насельніцтва якога кантактавала на захадзе з носьбітамі свідэрскай культуры [17, с. 118].

Такім чынам, да пачатку 1970-х гг. у беларускай археалогіі з'явілася магчымасць казаць аб мезаліце як самастойнай вобласці даследавання. Аднак паверхневыя зборы, зачыстка агаленняў, эпизадычныя шурфоўка і раскопкі мезалітычных стаянак значна зніжалі ўзровень культурна-храналагічнай інтэрпрэтацыі атрыманых матэрыялаў і абмяжоўвалі магчымасць правядзення іх карэляцыі з помнікамі сумежных тэрыторый. Сітуацыя рэзка змянілася ў 1970–1980-я гг., калі ў вывучэнні мезалітычных помнікаў сталі выкарыстоўвацца раскопкі на шырокіх плошчах з фіксацыяй археалагічных матэрыялаў, што дазволіла прапанаваць новы погляд на храналогію і культурную прыналежнасць мезалітычных помнікаў асобных рэгіёнаў Беларусі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Будько, В. Д.** Палеолит Белоруссии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В. Д. Будько ; ЛОИА. – Ленинград, 1962. – 21 с.
2. **Будько, В. Д.** Памятники свідерско-грэнскай культуры на тэрыторыі Беларусі // В. Д. Будько // МИА. – 1966. – № 126. – С. 35–46.
3. **Воеводский, М. В.** Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96–120.
4. **Гурина, Н. Н.** Новые данные о каменном веке Северо-Западной Белоруссии / Н. Н. Гурина // Палеолит и неолит СССР // МИА. – 1965. – № 131. – С. 141–203.
5. **Зализняк, Л. Л.** Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л. Л. Зализняк. – Киев : Наукова думка, 1989. – 173 с.
6. **Исаенко, В. Ф.** Археологическая карта Белоруссии: памятники каменного века / В. Ф. Исаенко. – Минск : Полымя, 1968. – Вып. 1. – 125 с.
7. **Калечиц, Е. Г.** Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е. Г. Калечиц. – Минск : Наука и техника, 1987. – 158 с.
8. **Коласаў, А. У.** Мезаліт Беларусі ў лютэрку стадыяльнага падыходу / А. У. Коласаў // Чтєния имени А. С. Дембовецкаго. 775-лєтїю Могилєва посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. – Могилєв : Беларус.-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 223–228.
9. **Копытин, В. Ф.** Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилєв : МОУТ, 1992. – 86 с.
10. **Ксензов, В. П.** Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Минск : Наука и техника, 1988. – 134 с.
11. **Ксензов, В. П.** Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларусі / В. П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
12. **Левенок, В. П.** Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении неолитической культуры / В. П. Левенок // МИА. – 1966. – № 126. – С. 89–98.
13. **Очерки по археологии Белоруссии / редкол. : В. Ф. Исаенко [и др.].** – Минск : Наука и техника, 1970. – 272 с.
14. **Поликарпович, К. М.** Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович // Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ. – Москва ; Ленинград ; Новосибирск, 1934. – Вып. V. – С. 75–87.

15. **Поликарпович, К. М.** Стоянки Среднего Посожья / К. М. Поликарпович // МАБ. – 1957. – Т. 1. – С. 45–148.
16. **Поликарпович, К. М.** Палеолит Верхнего Поднепровья / К. М. Поликарпович. – Минск : Наука и техника, 1968. – 202 с.
17. **Римантене, Р. К.** Палеолит и мезолит Литвы / Р. К. Римантене. – Вильнюс : Минтис, 1971. – 203 с.
18. **Рогачев, А. Н.** Многослойные стоянки Костёнковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине / А. Н. Рогачев // МИА. – 1957. – № 59. – С. 9–134.
19. **Формозов, А. А.** Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР / А. А. Формозов // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 38–51.
20. **Формозов, А. А.** О критике источников в археологии / А. А. Формозов // Советская археология. – 1977. – № 1. – С. 5–14.

УДК 355.233.231.1:811.161.3

В. В. Панежа

ФАРМІРАВАННЕ ДУХОЎНА-МАРАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ І ПАТРЫЯТЫЧНАЕ ВЫХАВАННЕ СТУДЭНТАЎ У АСПЕКЦЕ ВЫКЛАДАННЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ «БЕЛАРУСКАЯ МОВА (ПРАФЕСІЙНАЯ ЛЕКСІКА)» У ТЭХНІЧНАЙ ВНУ

Анотацыя. Разглядаюцца пытанні духоўнага і патрыятычнага выхавання ў аспекце выкладання дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» у тэхнічнай вышэйшай навучальнай установе.

Ключавыя словы: беларуская мова, гістарычная памяць, духоўная спадчына, нацыянальная культура, патрыятычнае выхаванне, маральна-духоўныя арыенціры, грамадзянская пазіцыя.

Змены, якія адбываюцца ў грамадска-палітычным жыцці краіны і грамадства ў цэлым у апошнія дзесяцігоддзі, непазбежна ўплываюць на маральна-духоўныя арыенціры, ідэалы, змест і формы грамадскай свядомасці.

Сёння праблема маральна-духоўнага і патрыятычнага выхавання становіцца вядучай. Менавіта выхаванне падростаючага пакалення вызначаецца такімі катэгорыямі, як маральныя і духоўныя каштоўнасці, паводзіны, дабрыня, сумленнасць, талерантнасць, прыстойнасць.

Маральна-духоўнае выхаванне базіруецца на фарміраванні ў студэнтаў патрэб, матывацыі, пазнання сябе, дасягнення гармоніі фізічнага і маральна-духоўнага развіцця. У сваю чаргу патрыятычнае выхаванне – гэта сістэматычная і мэтанакіраваная дзейнасць па фарміраванню ў навучэнцаў пачуцця адданасці сваёй Айчыне, накіраваная на фарміраванне і развіццё асобы, якая валодае якасцямі грамадзяніна-патрыёта сваёй краіны. Нельга гаварыць пра любоў да Радзімы, калі не выхавана любоў да родных мясцін, да прыроды

роднага краю. І зразумела, нельга любіць народ, калі адсутнічае любоў і павага да бацькоў, старэйшых і аднагодкаў.

2022 г. на Беларусі аб'яўлены годам гістарычнай памяці. Асноўная мэта такога мерапрыемства – захаванне праўды аб гісторыі беларускага народа і кансалідацыя грамадства. Захаванне гістарычнай памяці садзейнічае самаідэнтыфікацыі народа, выхаванню патрыятызму і пачуцця гордасці за гераічнае мінулае сваёй краіны.

Неабходна падкрэсліць, што менавіта дзяржаве належыць галоўная роля ў стварэнні канцэпцыі гісторыі краіны, адборы галоўных падзей, каштоўнасцей мінулага. Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь зацвердзіў пастанову аб Дзяржаўнай праграме «Культура Беларусі» на 2021–2025 гг. (пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 29 студзеня 2021 г. № 53). Дзяржаўная праграма «Культура Беларусі» накіравана на рэалізацыю прыярытэту сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь на перыяд 2021–2025 гг. і рашэнне задач дзяржаўнай палітыкі ў сферы культуры. У межах Праграмы акрэслены шэраг мер, накіраваных на захаванне гістарычнай памяці беларускага народа, яго нацыянальна-культурнай самабытнасці і традыцый.

Перад выкладчыкамі-філолагамі праблема маральна-духоўнага і патрыятычнага выхавання стаіць асабліва востра, таму што мы валодаем даволі моцнай «зброяй» – словам. Маральна-духоўнае выхаванне непарыўна звязана з патрыятычным, бо нельга весці гаворку аб патрыятычным выхаванні, калі не закладзены асновы духоўнасці.

Актуальнасць вывучэння дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» у тэхнічнай ВНУ абумоўлена, па-першае, неабходнасцю ў падрыхтоўцы высокакваліфікаваных спецыялістаў, здольных выкарыстоўваць набытыя ўменні і навыкі ў далейшай прафесійнай дзейнасці, вырашаць складаныя камунікатыўна-сацыяльныя задачы ва ўмовах дзяржаўнага білінгвізму, па-другое, неабходнасцю выхавання нацыянальна свядомай моўнай асобы з актыўнай жыццёвай пазіцыяй.

Самым актуальным накірункам у выкладанні дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» лічу не толькі навучанне, але і маральна-духоўнае і патрыятычнае выхаванне будучых спецыялістаў. Пастаўленыя перад сабой мэты навучання і выхавання рэалізую праз адбор зместу асноўнага вучэбнага матэрыялу, у якім трансфарміруецца сацыякультурны вопыт чалавецтва, узоры сапраўднай духоўнасці, гуманізму, творчага мыслення.

Плануючы вучэбны матэрыял падчас разгляду такіх тэм, як «Беларуская мова як частка нацыянальнай культуры», «Беларуская мова сярод іншых моў свету», «Гісторыя развіцця беларускай літаратурнай мовы», «Моўная сітуацыя ў Рэспубліцы Беларусь», «Лексічная сістэма беларускай мовы», «Культура прафесійнага маўлення» і іншых, адначасова з вучэбнымі рашаю і выхаваўчыя задачы, сярод якіх трэба выдзеліць наступныя:

- знаёмства з беларускай мовай і яе месцам у сістэме агульначалавечых і нацыянальных каштоўнасцей;

- усведамленне месца беларускай мовы ў развіцці культуры і духоўным адраджэнні нацыі;

- фарміраванне маральных каштоўнасцей і выкарыстанне іх у сваёй прафесійнай дзейнасці;

- выхаванне нацыянальнай самасвядомасці, пачуцця патрыятызму;

- праява талерантнасці, гатоўнасці і здольнасці да паразумення, дыялогу і супрацоўніцтва, кіраўніцтва прынятымі ў грамадстве маральнымі нормама і агульначалавечымі каштоўнасцямі;

- эстэтычнае стаўленне да свету, да ўсіх сфер жыццядзейнасці грамадства;

- непрыманне шкодных звычак і здольнасць супрацьстаяць асацыяльным з'явам.

Для фарміравання ў будучых спецыялістаў асобных якасцей падчас вучэбных заняткаў прымяняю наступныя метады і формы заняткаў:

- выкарыстанне ў якасці прыкладаў звестак аб дзейнасці выдатных беларускіх вучоных, пісьменнікаў, дзеячаў культуры і іх укладу ў сусветную навуку і культуру;

- прымяненне інавацыйных метадаў навучання: інтэрактыўныя ўрокі, дыскусіі, онлайн-канферэнцыі, онлайн-віктарыны, круглы стол, тэсціраванне, прэзентацыі, кінасустрэчы, майстар-класы, урокі-экскурсіі і інш.;

- арганізацыя групавой праектнай і навукова-даследчай дзейнасці;

- рэалізацыя на занятках умоў, неабходных для фарміравання мэт выхаваўчага працэсу;

- выкарыстанне магчымасцей інтэрактыўнага кабінета-музея прадметаў быту і культуры беларускага народа і народаў свету (Беларуска-Расійскі ўніверсітэт, корпус 1, кабінет 536).

На базе інтэрактыўнага кабінета-музея разам са студэнтамі на працягу 2020–2022 гг. былі рэалізаваны наступныя праекты: «Захапляльныя прыгоды з Пані Мурай» (2020), «Гавары са мной па-беларуску» (2021), «Памяць» (2021), «На скрыжаваннях культур» (2021), «Прагулкі па Магілёву» (2022).

Праекты «Захапляльныя прыгоды з Пані Мурай», «Гавары са мной па-беларуску», «На скрыжаваннях культур», «Прагулкі па Магілёву» ўяўляюць сабой метадычныя распрацоўкі па арганізацыі вучэбнай і пазааўдыторнай выхаваўчай работы і раскрыццю творчага патэнцыялу студэнтаў у межах вышэйшай навучальнай установы, знаёмству з традыцыямі, асаблівасцямі культуры, папулярызацыі духоўнай спадчыны беларускага народа ў аспекце вывучэння дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)».

Праект «Памяць» прымеркаваны да 78-й гадавіны з дня вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і прысвечаны лётчыку-знішчальніку, малодшаму лейтэнанту Фёдару Несцеравічу Храменкову, уражэнцу вёскі Жукава Магілёўскага раёна Магілёўскай вобласці, які ў ліпені 1942 г. пры

выкананні баявога задання гераічна загінуў, але доўгі час лічыўся без вестак прапаўшым. Толькі праз 16 гадоў пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны стала вядома, як загінуў наш зямляк. Пахаваны лётчык-герой у брацкай магіле пасёлка Пятніцкае Валаконаўскага раёна Белгарадскай вобласці. У межах дадзенага праекта былі праведзены ўрокі Памяці для студэнтаў першага курса і навучэнцаў Пашкаўскай базавай школы-сад.

Сёння імя Фёдара Несцеравіча Храменкова носіць Пашкаўская школа-сад Магілёўскага раёна (да вайны Ф. Н. Храменкоў вучыўся ў гэтай школе), а таксама адна з вуліц вёскі Новае Пашкава.

Адносіны да духоўнай спадчыны свайго народа, да мовы сваіх продкаў вызначаюць агульную культуру і грамадзянскую пазіцыю кожнага беларуса.

«Беларуская мова – «адзежа душы» беларусаў», – пісаў Ф. Багушэвіч у прадмове да зборніка «Дудка беларуская». У родным слове найперш выяўляецца духоўная самабытнасць кожнага народа.

Паспяховае рашэнне задач маральна-духоўнага і патрыятычнага выхавання будучых спецыялістаў патрабуе арганічнага адзінства вучэбнай і выхаваўчай працы, выкарыстання самых разнастайных форм і метадаў навучання і выхавання.

УДК 930:947.6

Б. И. Сидоренко

МОГИЛЕВСКАЯ ВОЛОСТЬ В XII – СЕРЕДИНЕ XVI В.

Аннотация. Исследуется Могилевская волость как административно-территориальное образование в означенных хронологических границах до ее размежевания с волостным центром – Могилевом. Заострено внимание на политико-правовом положении волости в составе Великого княжества Литовского, ее эволюции как историко-географического объекта и статусном положении как низшей экономической и налоговой единицы государства.

Ключевые слова: волость, границы, эволюция, волостной центр, налоги.

Комплексное изучение истории Могилева в конце XX – начале XXI в. значительно расширило круг наших представлений о ранних, наиболее интересных страницах прошлого городского центра. Намного меньше исследована история Могилевской волости как административно-территориальной единицы, во многом обеспечивавшей усиление своего центра и способствовавшей его росту. Между тем эта волость выступает древнейшей административной единицей белорусской части верхнеднепровского региона, относящейся еще к эпохе Древней Руси и Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). О том,

как проходило территориальное, социально-экономическое и политическое развитие волости в составе этих государственных систем, и пойдет речь.

С высокой долей вероятности можно предположить, что Могилевская волость в рамках Смоленской земли стала формироваться уже во второй половине XII в., когда, по археологическим данным, появляется и сам Могилев [1, с. 13, 15–20] как укрепленный центр, постепенно начавший контролировать сельскую округу, состоящую из несколько десятков неукрепленных поселений. Статус волостного центра Могилев, тогда еще крохотное городское поселение, получил в XII в., когда усилился процесс территориального размежевания между Смоленской и Полоцкой землями и ускорилось «окняжение» порубежных территорий. Формирование понятия «волость» в смысле территориальной единицы в рамках суверенного государства – «земли» происходило одновременно с формированием структуры государства Русь, а анализ употребления этого термина, этимологически восходящий к глаголу «володети», показывает, что волость – это прежде всего княжеское владение, связанное с владетельными правами князя, а не города или иного субъекта [2, с. 156]. Уточненная хронология косвенно подтверждается текстом погодной записи из Могилевской хроники: «Года 1526-го. За Сигизмунда, короля польского и в шести годах будучи до его сына Сигизмунда Августа город Могилев заложен этот, а замок с волостью за несколько сот лет перед тем был» [3, с. 239].

Географическое положение, структуру и историко-топонимическую номенклатуру Могилевской волости хорошо иллюстрирует составленный в 1560 г. так называемый «Инвентарь Дубровенский», который относит к волости села: Онисковичи, Вейно, Голенишковичи, Вильчичи, Доманы, Супоничи, Углы, Кохановичи, Брылевичи, Следюки, Перекладовичи, Теляковичи, Кузминичи, Косминичи, Копаневичи, Лесутичи, Теплое, Остраневичи, Озаричи, Чавусовичи [4, с. 245–281]. Более поздний хронист игумен Орест в своих «Записках» сообщает, что могилевский замок «... был фольварком королевским. В древние времена к оному принадлежали как обыватели, жившие в Могилеве, так в окрестности Могилева жившие и все Чаусовского и Чериковского уезда крестьяне. Таковое обширное имение называлось волостию ...» [5, с. 1]. На протяжении рассматриваемого периода волость не имела постоянных границ и дважды меняла владельцев. В период территориального формирования державы Гедиминовичей она около середины XIV в., по мнению большинства историков-литуанистов, была присоединена к ВКЛ «силой оружия» и стала частью великокняжеского домена – личного наследственного земельного владения великого князя литовского. В XV в. волостью недолго владели Юрий и Иван Лингвеньевичи-Мстиславские, и тогда же волостные земли на могилевском левобережье оказались под властью князей Крошинских и Моссальских [6, с. 174], пока не закрепились за Толочковичами-Буйницкими [5, с. 6].

По некоторым документам с не совсем точной хронологией Могилевской волостью в конце XIV в. владела польская королева Ядвига, получившая волость в качестве свадебного подарка от своего мужа – великого князя литовского Ягайло [4, с. 10]. На протяжении XV в. трижды (1447, 1482, 1488) упоминается Могилевское наместничество, прочно закрепившее за волостью положение крупной административной единицы на востоке ВКЛ.

В 1503 г. Могилевская волость была пожалована Александром Казимировичем своей жене Елене Ивановне – дочери великого князя московского Ивана III, со всеми доходами, но только «до живота» (т. е. на время жизни), которой та владела до 1513 г. [3, с. 175]. Десятилетие в «скарб господарский» налоги от волости не поступали в связи с изменением ее статуса с великокняжеской на частновладельческую. В дальнейшем, уже при короле Сигизмунде I, волость находилась в «держанье» у Яна Щита. Взаимоотношения и взаимные права и обязательства волощан и «державцы» регулировала уставная грамота, составленная в ноябре 1513 г. Этот правовой акт создавался на основе соблюдения принципов «старины», заключавшихся в сохранении прежних традиций и форм собственности и прав «державцы» на обращение в свою пользу суммы могилевских выплат, равных королевскому долгу. Уставная грамота 1513 г. и «запись» о платах и повинностях Могилевской волости при Елене Ивановне и Яне Щите явились главными актами, на которые ориентировалась вся позднейшая налоговая документация.

В апреле 1514 г. на тех же условиях, подкрепленных новой «уставой» с обязательным требованием «новин нашей волости никоторых не прибавляти», Могилев с волостью был отдан в «держанье» Юрию Зеновьевичу под условия погашения королевского долга в 1300 коп. грошей, предоставленного королю Сигизмунду I. В 1518 г. должность королевского наместника в Могилевской волости исполнял уже Ян Якубович Немирович.

Спустя два года, 16 января 1520 г. Могилев и волость были пожалованы князю Василию Соломерецкому «до его живота» с королевским пожеланием, «... чтобы он тымлюдем нашим могилевским легок был». Пожалование Могилева с волостью Соломерецкому произошло под «заставу» в 3000 коп. грошей, ушедших затем в качестве выплат в Крым на «упоминки царю Перекопскому». Финансовые услуги Соломерецкого королю имели последствием «выбиранье пенязей его на три годы». Права князя на замок и волость были подтверждены Сигизмундом I в конце 1522 г. [8, с. 122–123].

Могилевская волость, как уже говорилось, будучи великокняжеским владением, управлялась либо частным лицом, как это было в случае с Ядвигой и Еленой (хотя в последнем случае от ее имени управлял ее личный представитель), либо наместником-«державцей», располагавшимся в волостном центре. Непосредственно на местах, в селах волостной глубинки власть сосредотачивалась в руках волостных «старцев» [9, с. 60], следивших за налоговыми поступлениями, поскольку налоги в «скарб господарский» платили

и город, и волость. Это же касалось городской и замковой повинностей, чрезвычайного воинского налога – «серебщины». В силу этого жители сельской волости и ее городского центра постоянно конфликтовали между собой по части разграничения повинностных работ и выплат налоговых долей, поскольку город и волость выступали как единое целое, и в случае уклонения от платежей истцом являлась вся волость.

Например, и город, и волость должны были платить налоги на необрабатываемые земли, лежащие «впусте», хотя было очевидно, что под налогообложение попадали не городские, а именно волостные земли [10, с. 8–9], и эти выплаты не должны были касаться жителей города. В свою очередь могилевские мещане протестовали против своего участия в замковых работах в Мстиславле и требовали, чтобы их использовали исключительно для работ в могилевском замке, а в «замках украинских» ежегодно в количестве 50 человек должны были работать жители волости. Но и волощане не хотели принимать участие в ремонте мстиславского замка и в 1537 г. добились разрешения короля Сигизмунда I на выполнение ремонтных работ исключительно в могилевском замке [10, с. 38]. В дальнейшем доли мещан и волощан все более дифференцировались в силу того, что им было трудно договориться между собой. Из «вырока господарского» (судебного решения) короля Сигизмунда Августа от 12 августа 1555 г. следовало: «А мещане поведели, и жь у поплатков и по всех повиностях противку волощан дають и сполняють пятаю часть, а волость чотыри части робить ...», поэтому было решено «... а работы замков наших, также и Могилевского замку четвертую часть им робити, а три части инших замков наших, и теж Могилевского замку волощане робити мають» [10, с. 66–67].

Хозяйственную основу жизни волости составляли общие повинности и налоги. Волость представляла естественную административную единицу, связанную внутри общей уплатой податей и отправлением повинностей. Налоги, как правило, определялись на целую волость, а не на дворы и не на лица. Так как в старину волость включала в себя и центральный город, и окрестные села, то и общие повинности распределялись на то и на другое вместе [11, с. 381]. Если условия «держанья» волости нарушались со стороны наместника, который в силу своих служебных обязанностей занимал промежуточное положение между великим князем и могилевскими мещанами и волощанами, то последние жаловались в Вильно и в город присылался либо королевский ревизор, либо целая комиссия для объективного расследования. Иногда при назначении на должность следовало вразумительное предупреждение, как это было в случае с Юрием Зеновьевичем: «А мимо тую нашу уставу пану Юрью новин волости нашей никоторых не прибавляти: мает сясправовати и рядити во всем по тому, как в сем нашем листе выписано» [12, с. 113]. Так было и с Василием Соломерецким, который вопреки обязательствам королевского «пожалования» жителям Могилева «кривды и тяжкости им великие

делал» [10, с. 24]. Отметим любопытный факт – в многочисленных и острых конфликтах «людей могилевских» с «державцами» великий князь брал сторону волости и наместнику выносилось предупреждение о том, что тот может расстаться со своей должностью. Обязательства сторон как правосубъектов (великий князь, наместник, мещане, волощане) тщательно фиксировались в «грамотах», «уставах», «листах», «выроках», копии их отсылались в Могилев, а оригиналы заносились в книги записей и судебных дел и оседали в Литовской Метрике, как принято называть архив государственной канцелярии ВКЛ. Вопросы владетельных прав и стоящих за ними общественных отношений решались в правовом поле, что помогало избегать в этих отношениях наиболее острых и радикальных форм классовых протестов.

В нашем случае положение стало меняться со второй половины XVI в., когда Могилев стал крупнейшим городом и важным экономическим и оборонным центром на востоке белорусской части ВКЛ. Город по своим демографическим, экономическим и финансовым возможностям стал намного превосходить волость, что позволило верховной королевской власти выделить его в обособленную от волости административную и налоговую единицу. В 1561 г. Сигизмунд Август издал грамоту «О вольностях и повинностях Могилевских граждан, также о количестве податей, назначенных новым королевским уставом ко взносу в казну с земель, товаров и ремесел» [12, с. 20–27], по которой Могилев окончательно выделялся из состава волости. При этом сама волость сохраняла свой административно-правовой и хозяйственно-налоговый статус в государстве до первого раздела Речи Посполитой 1772 г. и вошла в состав Могилевского уезда как новой административной единицы уже в границах вновь образованной Могилевской губернии Российской империи. Термин «волость» в этом государстве не исчез из политико-административного лексикона, но теперь он стал обозначать гораздо меньшую административную единицу самого низшего порядка уже в границах уезда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Марзалюк, И. А.** Магілёў у XII–XVIII стагоддзях / И. А. Марзалюк. – Мінск: Веды, 1998. – 258 с.
2. **Горский, А. А.** Русь в конце X – начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») / А. А. Горский // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 154–161.
3. Могилевская хроника Т. Р. Сурты и Юрия Трубницкого. Полное собрание русских летописей. – Москва: Наука, 1980. – Т. XXXV, приложение I. – 305 с.
4. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 15 т. – Вильна: Печатня О. Блюмовича, 1867. – Т. 3. – 365 с.
5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: издаваемый при Управлении Виленского учебного округа: в 15 т. – Вильна: Печатня О. Блюмовича, 1867. – Т. 2. – 391 с.

6. Баркулабовская летопись. Полное собрание русских летописей. – Москва: Наука, 1975. – Т. XXXII, приложение I. – 234 с.
7. Lietuvos Metrika. Kniga № 25 (1387–1546): Uzrasymu knyga 25 / Parengė E. Banionis, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. – 460 p.
8. **Любавский, М. К.** Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского Статута / М. К. Любавский. – Москва: Моск. ун-т, 1892. – 998 с.
9. Lietuvos Metrika. Kniga № 10 (1440–1523): Uzrasymu knyga 10 / Parengė E. Banionis, A. Baliulis. – Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – 178 p.
10. **Довнар-Запольский, М. В.** Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Приложение / М. В. Довнар-Запольский. – Киев: Киев. 1-я артель печатного дела, 1905. – 307 с.
11. **Владимирский-Буданов, М. Ф.** Формы крестьянского землевладения в литовско-русском государстве XVI века / М. Ф. Владимирский-Буданов // Киевский сборник в помощь пострадавшим от неурожая. – Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1892. – С. 357–386.
12. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1848. – Т. 2: 1506–1544 гг. – 437 с.
13. Белорусский архив древних грамот. – Москва: Тип. Селивановского, 1824. – Ч. 1. – 148 с.

УДК 94:39:316.7:314.117(476.4-37Могилев) «193»

М. И. Старовойтов

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОГО РАЙОНА В КОНЦЕ 1930-Х ГГ.

Аннотация. На основе оригинальных рассекреченных архивных материалов Всесоюзной переписи 1939 г. показаны численность, национальный состав, уровень грамотности населения Могилевского района, достигнутый к концу 1930-х гг. как прогрессивный результат советской национальной политики. Абсолютное большинство белорусов проживало в сельской местности, что являлось сдерживающим фактором в росте их уровня грамотности и образования. По этому показателю белорусы Могилевщины были на пятом месте среди наиболее численно представленных других национальностей, здесь проживавших.

Ключевые слова: национальный состав населения, уровень грамотности и образования, Могилевский район, конец 1930-х гг.

На динамику численности и национального состава населения районов и в целом БССР в межвоенный период существенное влияние оказали изменения в темпах естественного прироста населения, внутриреспубликанская и общесоюзная миграции, репрессивные меры (выселение, переселения) и др. Эти процессы затронули и население Могилевского района. Некоторая часть сельского населения района (в основном молодежь) участвовала в строи-

тельстве предприятий в г. Могилеве и оставалась на них работать, уезжала на новостройки СССР, шахты Донбасса, на учебу в города БССР, РСФСР и УССР.

Замедление темпов прироста населения приходится на первую половину 1930-х гг., когда сказались последствия голодных 1932–1933 гг. Из 75 районов БССР смертность населения в 1933 г. превысила рождаемость только в Наровлянском районе на 182 человека и в Ельском – на 132 человека [1, л. 66–68]. Эта трагедия не затронула Могилевский район. По району показатели смертности не превышали показатели рождаемости. Нами установлено, что такая положительная динамика получилась за счет показателей естественного прироста сельского населения. Это хорошо видно из табл. 1 [2, л. 68–70].

Табл. 1. Естественное движение населения Могилева и района в 1933 г.

Родилось			Умерло				Прирост оба пола
Мужчин	Женщин	Оба пола	Мужчин	Женщин	Оба пола	До 1 года	
г. Могилев и район							
1 795	1 631	3 426	1 701	1 207	2 908	405	+518
Могилевский район							
1 139	1 000	2 134	797	524	1 321	230	+813
г. Могилев							
656	631	1292	904	683	1 587	175	-295

Смертность во всех возрастных группах и мужского, и женского населения в районе не превысила рождаемость мальчиков и девочек, хотя смертность детей оставалась очень высокой, особенно в городских поселениях. В ряде райцентров и в городах, в том числе и областных, смертность превышала рождаемость, т. к. здесь более интенсивно распространялись инфекционные заболевания. Это видно и на примере г. Могилева (см. табл. 1).

В 1939 г. в Могилевском районе проживало 87 772 человека. В их числе было 42 594 мужчины и 54 178 женщин. Среди всего населения района абсолютное большинство составляли белорусы – 80 699 человек (91,9 %), русские – 3 765 (4,3 %), евреи – 816 (0,9 %), украинцы – 844 (1,0 %), поляки – 603 (0,7 %) и прочие национальности – 1 045 (1,2 %). Из 21 района области Могилевский район по численности сельского населения занимал первое место [3, л. 49].

В табл. 2 [4, л. 316–317] представлен полный перечень национальностей в составе населения района. Такой широкий спектр национальностей объясняется разными причинами. Достаточно большое представительство мужского населения из других союзных и автономных республик, национальных краев и регионов СССР отражает кадровую и оборонную политику 1930-х гг., когда гражданские инженерно-технические кадры и в большей степени военно-

служащие различных национальностей перемещались по стране. Среди жителей района оказалось около двух десятков только мужчин: болгар, словаков, турок, греков, иранцев и других граждан зарубежных государств. Очевидно, они остались в районе еще со времен Первой мировой войны.

Табл. 2. Национальный состав населения района в 1939 г.

Националь- ность*	Могилевский район		Националь- ность*	Могилевский район	
	Мужчины	Женщины		Мужчины	Женщины
Русские	2 863	902	Карачаевцы	1	–
Украинцы	596	248	Ойроты	1	–
Белорусы	37 714	42 985	Хакасы	1	–
Грузины	15	3	Манси	1	–
Азербайджанцы	10	–	Ненцы	1	–
Армяне	15	2	Ханты	1	–
Узбеки	10	–	Шорцы	1	–
Туркмены	13	–	Эвенки	1	–
Таджики	13	–	Северные народности***	2	–
Казахи	20	–	Вепсы	3	–
Киргизы	7	–	Ижоры	2	–
Карелы	14	–	Ногайцы	2	–
Коми	46	1	Абазины	3	–
Башкиры	14	–	Талашы	1	–
Удмурты	15	1	Уйгуры	3	–
Татары	51	3	Цыганы	25	38
Марийцы	38	–	Албанцы	1	–
Мордва	50	2	Ассирийцы	2	–
Чуваши	50	–	Болгары	3	–
Немцы	22	9	Греки	8	–
Калмыки	6	–	Иранцы	1	–
Буряты	18	–	Китайцы	2	–
Якуты	1	–	Корейцы	1	–
Евреи	415	401	Курды	2	–
Кабардинцы	1	–	Латгальцы	2	1
Чеченцы	1	–	Латыши	182	228
Осетины	3	–	Литовцы	16	4
Аварцы	1	–	Поляки	263	340
Даргинцы	1	–	Словаки	1	–
Кумыки	1	–	Турки	2	–
Лезгины	1	–	Финны	2	2
Табасаранцы	1	–	Чехи	4	3
Из Дагестана**	1	–	Эстонцы	–	2
Молдоване	2	1	Прочие	7	1
Абхазы	1	–	Не указали	14	1
Каракалпаки	1	–	Итого	42 594	45 178
Адыгейцы	1	–			

Примечание. * – порядок перечисления национальностей и их название сохранены по документу; ** – прочие народности Дагестана; *** – прочие северные народности.

Нами установлено, что заметная гендерная диспропорция среди русских, украинцев, грузин, армян, татар, мордвин и отсутствие женщин среди азербайджанцев, таджиков, туркмен, узбеков, башкир, казахов, чувашей и других национальностей, особенно в составе сельского населения (см. табл. 2), связана с наличием значительного количества мужчин военнослужащих в частях 33-й Самарской/Белорусской стрелковой дивизии, дислоцированной на Могилевщине. Численность войск в Белорусском особом военном округе (БОВО) изменилась с июля 1938 г. по 15 января 1939 г. в связи с изменением состава армейских группировок. Военные переписывались в составе постоянного населения по месту нахождения своих частей, которые в основном располагались в сельской местности [5, 6].

При рассмотрении этнокультурных процессов необходимо учитывать тот факт, что эти процессы проходили в условиях политики белорусизации. И сводить ее только к изучению и применению белорусского языка, значит, сознательно упрощать ее задачи. Главнейшей ее задачей была политика коренизации, т. е. подготовка кадров из числа белорусов и других представителей коренных национальностей. Культурно-образовательные задачи решались как в интересах титульного этноса, так и национальных меньшинств.

Белорусы, представлявшие абсолютное большинство сельского населения, продолжали заниматься тяжелым физическим трудом. Это не способствовало росту их культурно-образовательного уровня. Разным было и отношение различных этносов к грамотности, образованию своих детей. Исследование истории пограничных территорий БССР и соседних с ней регионов РСФСР и УССР в 1920–1930-х гг. позволило установить негативное отношение у значительной части старшего поколения мужского восточнославянского населения (особенно у белорусов) к обучению грамотности и получению образования. У белорусов бытовала даже поговорка – «З грамаці хлеба не гамаці». Необходимо было проводить огромную разъяснительную работу по преодолению психологических барьеров и отсталых взглядов на культуру и образование. Особенно трудно было налаживать обучение девочек, ликвидировать неграмотность у женщин.

В 1930-е гг. интенсивно расширялась сеть школ, росла численность педагогических кадров, которыми обеспечивали, прежде всего, сельские школы района. Такой рост кадров стал возможен с открытием в 1930 г. Могилевского педагогического института, а также благодаря действовавшему педагогическому техникуму, открытому в первые годы Советской власти. Целенаправленная и систематическая деятельность партийно-советских органов дала положительные результаты в ликвидации неграмотности взрослого населения,

повышении уровня грамотности детей и подростков, получении среднего специального и высшего образования молодежью, в том числе и сельской.

Значительный перелом в крестьянской психологии наступил в 1930-е гг., особенно после введения обязательного начального образования. Ощутимо вырос уровень грамотности населения. Молодежь потянулась к знаниям. В разных отраслях экономики стали работать специалисты с высшим и средним образованием. Данные табл. 3 [7, л. 46–47] отражают достигнутый уровень грамотности и образования сельского населения.

Табл. 3. Уровень грамотности населения Могилевского района в 1939 г.

Мужчины					Женщины				
9–49 лет		9 лет и старше			9–49 лет		9 лет и старше		
грамотных	%	грамотных	№:		грамотных	%	грамотных	№:	
25 564	95,84	28 272	89,1		20 641	74,5	21 215	61,2	
Число обучающихся									
Всего	В общеобразовательных школах				Всего	В общеобразовательных школах			
	1–4 кл.	5–7 кл.	8–10 кл.	Итого		1–4 кл.	5–7 кл.	8–10 кл.	Итого
10 064	6 450	2 505	238	9 193	8 896	5 990	2 469	186	8 645

В материалах переписи 1939 г. по всем регионам СССР данные об уровне грамотности и образования населения сведены по районам без больших городов (в Могилевской области без Могилева и Бобруйска, которые выделены как самостоятельные единицы) или совместно с данными по районным центрам. Это надо учитывать, т. к. общие данные переписи по райцентру и району увеличивали показатели в лучшую сторону. По району данные представлены без г. Могилева. Это несколько снижало общие показатели грамотности (население 9 лет и старше) и образования населения в целом по району. Так, показатели по Дрибинскому и Чаусскому районам даны общие по райцентру и по району. Они оказались несколько выше, чем по Могилевскому району [8, л. 46–47].

В 8–10-х классах средних школ района обучалось еще небольшое количество детей соответствующего возраста. Еще меньше молодежи обучалось в 10-х классах, поэтому в официальной статистике не указывались, как правило, выпускники средних школ. Из числа всех обучающихся абсолютное большинство составляли школьники начальных и 5–7-х классов. Достигнутый уровень грамотности сельского населения (без райцентров) в Могилевской области был примерно одинаковый.

Лиц с высшим и средним образованием среди сельских жителей Могилевского района было больше, чем у большинства районов области, в которых этот показатель учтен вместе с данными по райцентрам. Сказалась близость к г. Могилеву. В районе эти показатели в разы отличались по

гендерному признаку. Мужчин со средним образованием было 2 658 и с высшим – 239, а женщин – 1 038 и 26 соответственно [9, л. 47].

Различными формами обучения было охвачено 24 % мужского сельского населения Могилевской области (данные по районам нами не выявлены) в возрасте 9–49 лет и 20,1 % женского [10, л. 27]. Абсолютное большинство обучающихся составляли учащиеся общеобразовательных школ. Небольшая часть сельского населения училась в системе фабрично-заводского ученичества и профтехшколах (85 мужчин и 15 женщин). В техникумах (включая заочную форму) обучалось соответственно 1 049 и 1 045 человек, а в вузах (включая заочную форму) – 1 049 и 1 045. Например, в вузах по заочной форме обучалось 94 % сельских студентов [11, л. 27].

Нам не удалось выявить данные о грамотности и образовании населения в районах по национальному составу. На наш взгляд, среднеобластной показатель адекватно отражает достигнутый уровень. В Могилевской области уровень грамотности белорусов в возрасте 9 лет и старше, проживавших в сельской местности, составил 72,4 %, русских – 86,8 %, евреев – 90,0 %, украинцев – 91,3 %, поляков – 77,9 %. По числу лиц с высшим и средним образованием на 1 000 населения каждой из указанных национальностей белорусы также были на пятом месте [12, л. 8–11].

Достигнутый к концу 1930-х гг. уровень грамотности и образования сельского населения, прежде всего белорусов и наиболее численно представленных представителей других национальностей, свидетельствует об успешном осуществлении национально-культурного строительства в БССР. Для белорусов достижения в грамотности и образовании явились настоящей культурной революцией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.
2. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 329. Д. 19.
3. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
4. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 995.
5. **Старовойтов, М. И.** Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.
6. **Старовойтов, М. И.** Титульные этносы кавказских и среднеазиатских республик в составе населения белорусско-российско-украинского пограничного региона в 1920–1930-е годы / М. И. Старовойтов // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2019. – № 1. – С. 39–44.
7. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
8. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
9. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.
10. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 379.

СЕКЦИЯ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

УДК 336.273(47+57)''1814/1815''

О. В. Баев

ВНЕШНИЙ ДОЛГ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Аннотация. Рассмотрена трансформация внешнего государственного долга Российской империи в ходе работы Венского конгресса. Сыграв значительную роль в победе над наполеоновской Францией и восстановлением независимости Нидерландов, российское правительство небезосновательно рассчитывало на переложение части своего внешнего долга на Англию и Голландию. В ходе работы Венского конгресса было принято соответствующее решение и половина «голландского займа» России стала оплачиваться правительствами Великобритании и Нидерландов.

Ключевые слова: Россия, внешний долг, Венский конгресс, Голландия, Англия.

В результате «наполеоновских войн» Россия на 1 января 1815 г. недоплатила по своему займу в Голландии процентов и капитала на 13 млн гульденов, поэтому общая сумма данного долга возросла до 95 млн гульденов. Вместе с тем, по мнению министра финансов Д. А. Гурьева, голландский долг необходимо было продолжать выплачивать, если правительство не сможет заключить нового соглашения, которое предусматривало бы более выгодные условия уплаты и срока его погашения. При этом ежегодно необходимая на погашение долга сумма в 12 млн должна была сокращаться из-за постепенной уплаты капитала и улучшения курса. Сэкономленные средства Гурьев предлагал направлять на досрочное погашение голландского долга или уменьшение количества ассигнаций [4, л. 42 об., 43 об., 68 об., 69 об.].

Управление новой системой долгов Гурьев предлагал возложить на Комиссию погашения долгов, главные обязанности которой состояли бы в ведении Государственной книги долгов, внесении в неё займов, выдаче по ним облигаций, переводе средств за границу и т. д. Доходы, которые назначались на этот предмет, должны были быть «отделены от прочих государственных расходов» и поступать в комиссию из Государственного казначейства. Открытие нового займа должно было сопровождаться назначением особенного источника дохода для платежа процентов и капитала [4, л. 79 об., 80 об.]. Всего же в 1815 г. на платёж долгов было ассигновано 30 737 855 р. 52 к. по росписи и 2 104 559 р. 15¼ к. «по чрезвычайным сметам» [10, л. 202 об.].

Однако на деле в течение 1815 г. по отношению к голландскому займу приняты были две другие важные меры. Высочайшим указом 14 октября он был увеличен на 18 млн гульденов, накопившихся вследствие приостановления

платежей по этому займу в 1812–1815 гг. (купоны, представляющие сумму процентов за 1812–1815 гг., на сумму 16 644 000 гульденов, проценты на проценты на сумму 1 242 600 и премия в пользу предъявителей купонов за означенные годы как вознаграждение за то, что в качестве оплаты вместо наличных денег они получали облигации, на сумму 113 400). Частичные облигации на эту сумму по 1000 гульденов выданы были на одинаковых основаниях с облигациями 1798 г. Погашение долга должно было производиться ежегодно в размере 1 млн гульденов посредством тиража 1000 номеров облигаций в Амстердаме у банкиров «Норе & Со» в присутствии нотариуса и свидетелей. Уплата 5 % по этому займу, начиная с 1 января 1816 г., должна была производиться ежегодно 31 декабря также у «Норе & Со», которые получили единовременное вознаграждение в 6,5 % с вновь реализуемых 18 млн гульденов [3, с. 24–25]. Тем самым, по мнению Гурьева, кредиторы получили «соразмерное вознаграждение касательно процентов за всё время приостановления платежа, со стороны нашей непроизвольного, но силой обстоятельств вынужденного» [7, с. 8]. Н. И. Тургенев считал, что благодаря этой мере российское правительство приобрело большой кредит в Голландии и других богатых капиталами странах [11, с. 327].

Вместе с тем ещё 5 (17) февраля 1814 г. российский министр иностранных дел К. В. Нессельроде написал уполномоченному на мирных переговорах в Шатийоне А. К. Разумовскому о желании российского правительства переложить уплату долга Голландии на британское и голландское правительства, которые «извлекли из успехов нашего оружия самую непосредственную выгоду» [2, с. 574]. 22 февраля (6 марта) 1814 г. К. В. Нессельроде обратился с соответствующим предложением уже к министру иностранных дел Англии Р. Карсли [2, с. 602]. Поначалу правительство Великобритании даже не пожелало обсуждать это предложение [2, с. 783], но во время визита Александра I в Лондон в июне 1814 г. выразило готовность облегчить бремя российского долга в обмен на смягчение таможенной политики России [12, с. 179].

9 июля 1814 г. (ст. ст.) исполняющий обязанности полномочного министра Англии в России Уолпол сообщил Карсли о намерении Гурьева потребовать от Голландии списания значительной части российского долга из-за нежелания или неспособности выплатить хотя бы часть суммы долга. В ответ 11 июля (н. ст.) Карсли уведомил Нессельроде, что «разложение голландского займа равными долями на Великобританию, Россию и Голландию» возможно в случае присоединения к последней Бельгии и Люксембурга и «более дружественного характера» торговых отношений между Россией и Великобританией [12, с. 182, 184–185].

Во время Венского конгресса 7 (19) мая 1815 г. между «Его Величеством императором Всероссийским, Его Величеством королем Нидерландским и Его Величеством королем Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии» была заключена конвенция «О вознаграждении России за издержки,

понесенные в освобождении от неприятеля бельгийских провинций». В преамбуле к ней объявлялось, что «с самого дня окончательного присоединения бельгийских провинций к Голландии Его Величество король Нидерландский имел желание предложить державам, заключившим Шомонский трактат 17 февраля (1 марта) 1814 г., принять от него вознаграждение, по возможности соразмерное, за суммы ими издержанные для освобождения оных провинций от власти неприятеля; ныне, как сими державами с общего согласия и вследствие особых между ними в рассуждении сего условий положено все права их на таковое вознаграждение предоставить Его Величеству императору всероссийскому: то Его Величество король Нидерландский решился приступить немедленно к заключению с Его Императорским Величеством нижеследующей конвенции, в коей и его Величество король Великобритании и Ирландии равномерно участвует как одна из договаривающихся сторон в силу обязанностей, принятых Его Великобританским Величеством через подписанную между ними Его Величеством королем Нидерландским в Лондоне 1 (13) августа 1814 г. конвенцию» (за присоединение Бельгии к Голландии в 1815 г. Голландия уступила Англии Цейлон, Капскую колонию, Бербис, Демерари и Эссекибо) [1, с. 229].

В соответствии с русско-англо-голландской конвенцией Голландия принимала на себя обязанность заплатить часть капитала и невыплаченных по 1 января 1816 г. процентов тех сумм, которые были заняты Россией в Голландии через посредство амстердамского торгового дома «Норе & Со», а именно 25 млн гульденов. Английский король со своей стороны принимал обязанность предложить своему парламенту предоставить ему средства для уплаты такой же части данного долга (ст. 1). «Для исполнения принятых ими относительно сего долга равных обязанностей Их Величества король Нидерландский и король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии имеют с сего же дня выплачивать ежегодно проценты за вышеозначенные капитальные суммы, то есть каждый за 25 млн гульденов, считая по 5 на 100, и сверх того по 1 на 100 для погашения самого долга. По требованию российского правительства сия последняя на погашение долга определяемая сумма может быть увеличена, но только до 3 на 100. Ежегодная выдача всех оных сумм долженствует продолжаться до того времени, когда по вышеозначенным частям долга воспоследует совершенная уплата» (ст. 2). «Ответствовать за сей долг перед займодавцами и управлять всеми по оному сделками будет, как и прежде, одно правительство российское, а правительства нидерландское и великобританское обязываются выплачивать, как сказано выше, следующее с их частей Его Величеству императору Всероссийскому (ст. 4). «Выдача сумм, к коей обязались Их Величества король Нидерландский и король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, долженствует прекратиться, буде его нидерландское Величество лишится состоящих ныне в его державном владении бельгийских провинций прежде совершенной

уплаты означенного долга» (ст. 5), однако выдача сумм не должна была быть ни прекращена, ни останавливаема даже тогда, если бы случилась война между которыми-либо из трех договаривающихся держав [9, т. 33, с. 108–110]. В особой секретной статье было условлено, что если король нидерландский лишится владычества над частью бельгийских провинций, то из долга Нидерландов и Англии будет исключена часть, соответствующая народонаселению этих провинций. В случае захвата бельгийских провинций неприятелем на срок более года великобританское и нидерландское правительства могли приостановить оплату своей части долга [8, л. 61 об.].

В результате заключения конвенции курс русских облигаций по голландскому долгу поднялся с 65 % до 86 % [5, с. 89], а 31 марта 1816 г. будет введён в действие новый таможенный тариф, по которому британские купцы получают значительные привилегии [6, с. 260]. При этом Д. М. Хартли считает, что русская сторона извлекла из этой операции больше выгод, т. к. за освобождение от части долга приняла тариф, соответствующий и её интересам [12, с. 180].

Таким образом, Российская империя сумела с выгодой для себя использовать победоносное завершение «наполеоновских войн» не только политическими приобретениями, но и экономическими преференциями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бауман, Г. Г.** Великая французская революция и Нидерланды / Г. Г. Бауман // Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. – Москва: Наука, 1988. – С. 208–231.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Рос. м-ва иностр. дел // М-во иностр. дел СССР, Комис. по изд. дипломат. документов при МИД СССР. Сер. 1. – Москва: Госполитиздат, 1970. – Т. 7. – 872 с.
3. **Гейлер, И. К.** Сборник сведений о процентных бумагах (фондах, акциях и облигациях) России. Руководство для помещения капитала / И. К. Гейлер. – Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп., 1871. – 496 с.
4. Начертание настоящего положения финансов и мер, к их усовершенствованию предполагаемых, 26 августа 1814 г. // Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. Оп. 10. Д. 71. Л. 132.
5. **Гурьев, Д. А.** О государственных долгах и Комиссии погашения долгов / Д. А. Гурьев // Сборник сведений и материалов по ведомству М-ва финансов. – 1866. – Т. 3, № 11–12. – С. 76–94.
6. **Орлов, А. А.** Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн: монография / А. А. Орлов. – Москва: Прогресс-Традиция, 2005. – 368 с.
7. Отчет Государственных кредитных установлений за 1817 год. – Санкт-Петербург: Тип. департамента народного просвещения, 1818. – 44 с.
8. Отчет Особенной канцелярии Министерства финансов по кредитной части за 1830 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. Оп. 38. Д. 284. Л. 179.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – Санкт-Петербург: Тип. 2-го отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 1–45.

10. Счёт суммам, определённым на платёж долгов с 1812 по 1822 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 565. Оп. 14. Д. 155.

11. **Тургенев, Н. И.** Россия и русские: монография / Н. И. Тургенев. – Москва: ОГИ, 2001. – 744 с.

12. **Хартли, Д. М.** «Возражение вызывает не российское законодательство ...». Из истории англо-русских торговых отношений в 1814–1815 гг. / Д. М. Хартли // Исторический архив. – 1995. – № 1. – С. 179–187.

УДК 94(470)

А. В. Баранов

КАЗАЧЬЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ НА ЮГЕ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Определены тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Выявлены различия советской земельной политики на основных этапах реформ, противоречия между приоритетами НЭПа и коллективизации в земельном вопросе на Юге РСФСР.

Ключевые слова: землепользование, НЭП, казачество, Юг России, тенденции развития.

Цель статьи – выяснить тенденции развития землепользования донских, кубанских и терских казаков в 1921–1927 гг. Своеобразие Юга России ярко проявлялось в структуре землевладения. Если в Европейской России надельное общинное землевладение составляло на 1917 г. 33 % используемых площадей, то в крае – 75 % [1, с. 6]. Средний надел хозяйства к 1917 г. в Европейской России составлял 4,7 дес.; на Дону – 6,2 дес.; на Кубани – 9,3 дес. земли [2, с. 51]. Львиная доля фонда землепользования принадлежала казачьим войскам (80,2 % на Дону, 78 % на Кубани и 60 % на Тереке) [3, с. 143; 4, с. 25; 5, с. 27, 47]. Основная часть земель казачьих войск была в надельном пользовании станичных обществ. Весь земельный фонд края состоял на 71,8 % из надельных земель; на 11,9 % – из частновладельческих; на 16,3 % – из войсковых [6, с. 30].

ВЦИК и СНК РСФСР приняли 18 ноября 1920 г. декрет «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях». Декрет сохранил землепользование казачьих трудовых хозяйств в размерах обслуживания без применения наемного труда. Безземельные и малоземельные жители должны были обеспечиваться из фонда нетрудового пользования по нормам. Запрещалась аренда и купля-продажа наделов [7]. Декрет отложил уравнительный передел всех земель в пользу неимущих и переселенцев. Конфискация нетрудовых частновладельческих земель охватила 18,7 % используемых площадей в крае (3964,3 тыс. дес.). К концу 1922 г. 1975,9 тыс. дес. (49,8 % перераспределенного фонда) отошли в пользование индивидуальных хозяйств,

1303,7 тыс. дес. (32,9 %) составили резерв государственных земельных имуществ, на 389,9 тыс. дес. (9,8 %) организованы совхозы, 294,7 тыс. дес. (7,5 % земель) находились в распоряжении колхозов. Трудовое землепользование индивидуальных хозяйств возросло за 1920–1922 гг. с 78,9 % до 89,6 % фонда [8, с. 47]. Распределение бывших частновладельческих земель весьма неравномерно, что зависело от площади и степени плодородия угодий, от особенностей политики местных органов управления. Так, в Донской области казаки и крестьяне получили 37,6 % площади распределенных участков; в Кубано-Черноморской области – 67,9 %; в Терской губернии – 56,7 % [9, с. 37, 118; 10, с. 28]. В 1920–1922 гг. уничтожено землевладение помещиков, офицерства и церкви, эмигрантов. По мнению А. А. Андреева, 50 % безземельных крестьян обзавелись наделами [11, с. 11]. Но это только первый шаг на пути к бессословному уравнительному землепользованию. К 1923 г. средний надел едока составлял на Дону 3,74 дес. – у казаков и 1,0 – у крестьян; в Кубано-Черноморье – 3,25 и 1,19 дес.; на Тереке – 7,39 и 4,36 дес. [12, с. 11]. Беднейшие семьи не имели инвентаря и скота, вынуждены по-прежнему арендовать орудия труда. Поэтому уравнительный переворот в землепользовании возможен только за счёт трудовых наделов казачества.

Возрождение сельского хозяйства осложнялось запутанным порядком землепользования, неурегулированностью отношений между коренными жителями и переселенцами. Земельный кодекс РСФСР в 1922 г. разрешил свободу форм землепользования, включая аренду. Агрономические усовершенствования, ликвидация дальнеземелья и разрозненности участков, выделение хуторов и отрубов принесли большую пользу, повысили культуру хозяйствования. Но новый передел обострил классовую и сословную вражду. В 1923–1924 гг. земельная реформа велась за счёт населения, в основном на землях трудового пользования. Преобладало межселенное устройство (80,2 % размежеванных площадей – за 1922 г. и 81,0 % – за 1923 г.) [13, с. 429], при котором интересы казачества не ущемлялись. Но в 1924 г. внутриселенное устройство достигло уже 31,1 % по краю, в том числе 34 % в казачьих областях [13, с. 429; 14, л. 314, 316]. Многодворная община разделялась на поселки равных размеров (выселки), что дало 65 % объема распределенных земель. К широкополосице и улучшенным севооборотам перешли на 19 % площади. Выход на хутора и отруба составил 5,6 % внутриселенных работ [15, л. 147]. Дробление многодворной общины не только улучшало хозяйственные возможности крестьян, но и облегчало политический контроль государства над ней, готовило почву кооперирования. К 1925 г. в основном решена проблема безземелья крестьян в казачьих областях. На Дону бывшие иногородние увеличили фонд пользования почти в 2,5 раза; коренные крестьяне – в 2 раза [16]. На Кубани удельный вес посевов крестьян возрос за 1920–1925 гг. с 17,5 % до 30,6 % [17, с. 172]. Земельная реформа проводилась в интересах беднейших слоев. Бедняцкие семьи составили 42,3 % землеустроенных и получили 51,1 %

перераспределенных площадей; середняки – соответственно 41,9 % и 40,3 %; зажиточные – 15,8 % и 8,6 % [18, л. 318].

К началу 1925 г. межселенное устройство охватило 45 % площадей трудового пользования, внутриселенное – 10 %–12 % [19, л. 124–125, 130–131]. По данным крайстатбюро, 69,5 % хозяйств и 58,3 % сельского населения не могли оплатить услуги землеустроителей и нуждались в государственной оплате, что до 1925 г. было невозможно [20, л. 132]. Апрельский (1925 г.) Пленум ЦК разрешил сдачу земли в долгосрочную аренду на 12 лет и выделение хозяйств из общины на хутора, облегчил условия найма рабочей силы. Жёстко ограничивалась государственная поддержка колхозов и совхозов, большинство из которых жило в кредит [21, с. 341–348]. Удельный вес хозяйств края, арендовавших землю, вырос за 1925–1927 гг. с 8,4 % до 18,4 %, а имеющих посевы на арендованной земле – с 5,7 % до 12,7 %. Стало больше семей, постоянно нанимавших рабочую силу (прирост с 3,5 % до 3,9 %). Основной силой станиц стали середняцкие хозяйства, составившие 70 % арендаторов земли и работодателей [22, с. 622–623, 616–617].

Одним из важнейших факторов разжигания конфликтов стало землеустройство. Основной задачей был уравнительный передел земель за счет казачества в пользу беднейших крестьян. Поощрялся перевод хозяйства «на новые формы землепользования и севооборота, ... способствующие переходу к обобществлению» [23, л. 34]. До 1926 г. преобладало межселенное землеустройство, позволившее ослабить удаленность наделов от станиц, раздробить крупную общину на отруба и выселки, сократить количество разрозненных наделов. Данный этап не ущемлял интересы казаков и коренных крестьян-старожилов. К 1 октября 1927 г. крупные общины края раздроблены на 48,6 % площади, но преобладающей формой землепользования оставалась общинная (97,1 %). 0,9 % земли принадлежали хуторским и отрубным хозяйствам и 2 % – кооперативам [24, л. 6].

Казачья собственность на землю вызывала конфликты. Но способы земельного передела тоже порождали неприятие. Не учитывалось, что источники доходов казаков были законными и трудовыми по критериям советского законодательства. По выборочным обследованиям, в 1927 г. 73 %–75 % казаков считались середняками, 10 %–12 % – батраками и бедняками, 10 %–12 % – зажиточными [25, с. 58–59]. Среди иногородних пропорции иные: соответственно 55 %, 39,9 % и 6,1 % [25, с. 58–59; 26, с. 24–27]. Землеустройство второй половины 1920-х гг. (этап внутриселенного передела) нельзя рассматривать изолированно от подготовки коллективизации. За 1926–1927 гг. внутриселенное землеустройство завершено на 41,6 % площади земель трудового пользования в крае, т. е. на 96,4 % подлежащих переделу участков [22, с. 290]. Средний надел казачьей семьи сократился с 30–49 га (1917 г.) до 13–16 га (1928 г.) и сравнялся с крестьянским наделом [27, с. 71]. Изъятые земли уравнительно переданы 470,5 тыс. семей крестьян и беднейших казаков, в том числе 19 376 семьям, переселившимся в край за 1923–1927 гг. [12, с. 11; 28, с. 3;

29, с. 15–16]. И. В. Устиновский обобщил сведения об итогах землеустройства. В Кубанском округе норма душевого надела за 1917–1927 гг. не изменилась (2,3 дес.), выиграли от реформы 74,5 % сельских жителей, а проиграли многопайные кулацкие хозяйства [30, с. 104–106]. Но в Кубанском округе 58,6 % получивших землю бедняцких семей не имели скота, 74,2 % – инвентаря и вынуждены арендовать их [31, с. 16–17]. С учетом аренды земля становилась объектом нелегальной купли-продажи и залога. В 1927 г. 5 % зажиточных хозяйств края с посевом свыше 16 дес. владели 49,1 % сенокосилок, 56,7 % сеялок, 66,7 % молотилок, от 3 до 4,5 голов рабочего скота на семью [32, л. 33].

Итак, уравнительный передел земли подталкивал власть и иногородних бедняков к конфискации угодий зажиточных хозяйств, а равенство оставалось несбыточной мечтой в рамках НЭПа. Землепользование казаков в 1921–1927 гг. сочетало противоречивые черты: сохранение трудовых земельных наделов и общинного землепользования наряду с принудительным изъятием органами власти «земельных излишков» и началом уравнительного землеустройства. Органы власти усиливали землепользование иногородних индивидуальных хозяйств за счёт зажиточных слоёв казачества. Внеэкономический выход из этих противоречий был найден позже, в ходе коллективизации, когда упраздняется земельная община и проводится ускоренное создание коллективных хозяйств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Козлов, А. И.** На историческом повороте / А. И. Козлов. – Ростов-на-Дону, 1977.
2. Производственный план по сельскому хозяйству Юго-Востока России на 1923–24 годы // Юго-Восток. – 1924. – № 1–2. – С. 51.
3. Народное хозяйство Ростовской области за 20 лет. – Ростов-на-Дону, 1940.
4. Отчет начальника Кубанской области за 1916 год. – Екатеринодар, 1916.
5. **Гугов, Р. Х.** Совместная борьба народов Терека за Советскую власть / Р. Х. Гугов. – Нальчик, 1975.
6. **Гозулов, А. И.** Экономическая география Северного Кавказа / А. И. Гозулов. – Ростов-на-Дону, 1927.
7. СУ РСФСР. – 1920. – № 91. – Ст. 483.
8. **Арнаутов, В. К.** К восстановлению сельского хозяйства Юго-Востока / В. К. Арнаутов // Юго-Восток. – 1922. – № 2. – С. 47.
9. Экономическое районирование Юго-Востока России. – Ростов-на-Дону, 1923. – Вып. 1.
10. **Чернопицкий, П. Г.** Деревня Северокавказского края в 1920–1929 гг. / П. Г. Чернопицкий. – Ростов-на-Дону, 1987.
11. **Андреев, А. А.** Пути подъема и социалистического строительства сельского хозяйства на Северном Кавказе / А. А. Андреев. – Ростов-на-Дону, 1929.
12. **Одинцов, С. С.** Сельское хозяйство Северо-Кавказского края к десятилетию Октябрьской революции / С. С. Одинцов // Изв. Северо-Кавказ. краевого исполн. ком. – 1927. – № 11. – С. 11.

13. Перспективный план восстановления и развития сельского и лесного хозяйства Северо-Кавказского края. 1925–1929 гг. – Ростов-на-Дону, 1925. – Т. 1. – С. 429.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481.
15. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1390. Оп. 1. Д. 23.
16. Молот. – Ростов-на-Дону, 1925. – 8 янв.
17. **Чёрный, В. Ф.** Политика партии на Кубани в области землеустройства / В. Ф. Чёрный // На аграрном фронте. – 1927. – № 11–12. – С. 172.
18. ГАРФ. – Ф. Р-1235. Оп. 102. Д. 481.
19. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). – Ф. 7. Оп. 1. Д. 93.
20. ГАРО. – Ф. Р-1390. Оп. 5. Д. 482. Л. 9; Д. 639.
21. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). – 9-е изд., доп. и испр. – Москва, 1984. – Т. 3.
22. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. – Ростов-на-Дону, 1930.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. Оп. 31. Д. 169.
24. ЦДНИРО. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 456. Л. 6.
25. **Осколков, Е. Н.** Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа / Е. Н. Осколков. – Ростов-на-Дону, 1973.
26. Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. – Москва, 1929.
27. **Андреев, А. А.** По пути подъема и социалистической реконструкции сельского хозяйства / А. А. Андреев. – Ростов-на-Дону, 1928.
28. **Богданов, П. А.** Десять лет Советской власти на Северном Кавказе и наши ближайшие задачи / П. А. Богданов // Изв. Северо-Кавказ. краевого исполн. ком. – 1927. – № 11. – С. 3.
29. Сельское хозяйство Северо-Кавказского края и работа земельных органов. – Ростов-на-Дону, 1927. – С. 15–16.
30. **Устиновский, И. В.** Ленинская аграрная программа и ее осуществление на Северном Кавказе (октябрь 1917–1927 гг.) / И. В. Устиновский. – Ростов-на-Дону, 1989.
31. Сельское хозяйство Кубани и пути его развития. – Краснодар, 1928.
32. ЦДНИРО. – Ф. 7. Оп. 1. Д. 409.

УДК 94(47).084

А. А. Воробьев

К ВОПРОСУ О МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЕ БОЛЬШЕВИКОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Рассмотрен такой аспект культурной политики большевистской партии, как монументальная пропаганда, когда идеи внутренней политики преподносились населению страны путем сношения возведенных ранее памятников и замены их другими.

Ключевые слова: памятники, монументы, пропаганда, большевистская партия, революционные деятели, прогрессивные общественные деятели.

Захватившие в конце 1917 г. власть в России большевики были очень озабочены воспитанием у широких народных масс страны передовых, социалистических и коммунистических воззрений для последующего прививания им нового образа жизни, основанного на идеях гуманизма, равенства всех людей и неизбежности победы мировой социалистической революции. Для этого большевикам было необходимо уничтожить уже имевшиеся на территории России памятники, установленные царскими властями, и установить свои, новые. Снос старых памятников начался сразу же после прихода большевиков к власти и продолжился в 1918 г., когда, фактически, был поставлен вопрос о полной замене всех старых монументов на новые. Так, в газете «Бедняк», издававшейся в 1918 г. в Смоленске и являвшейся печатным органом Северо-Западного областного комитета РКП (б), в октябре 1918 г. подтверждалось, что «все царские истуканы (т. е. памятники) должны быть снесены до первой годовщины Октябрьской революции» [1]. Одновременно со сносом старых памятников руководство большевистской партии разработало перечень общественных деятелей, которым надо было установить новые памятники.

ЦК партии большевиков и СНК (Совнарком) 28 июля 1918 г. утвердили список лиц, которым было предложено поставить монументы. Список был разбит на шесть категорий. К первой категории относились революционеры и общественные деятели: Спартак, братья Гракхи, Брут, Бабеф, Маркс, Энгельс, Бебель, Лассаль, Жорес, Лафарг, Вальян, Марат, Робеспьер, Дантон, Гарибальди, Стенька Разин, Пестель, Рылеев, Герцен, Бакунин, Лавров, Халтурин, Плеханов, Володарский, Фурье, Сен-Симон, Роберт Оуэн, П. Алексеев, Желябов, Софья Перовская, Кибальчич. Во вторую категорию входили писатели и поэты: Толстой, Достоевский, Лермонтов, Белинский, Чернышевский, Шевченко, Новиков, Кольцов, Радищев, Некрасов. К третьей категории относились философы и ученые: Вл. Соловьев, Ломоносов, Менделеев. К четвертой категории относились художники: Рублев, Ал. Иванов, Врубель, Козловский, Казаков. В пятую категорию вошли композиторы: Мусоргский, Скрябин, Шопен. Шестую (последнюю) категорию составили артисты: Мочалов, Комиссаржевская [2].

На наш взгляд, стоит прокомментировать данный список, особо отметив в нем наличие или отсутствие ряда кандидатур. Из перечня революционеров и общественных деятелей бесспорным (с точки зрения правящей большевистской партии) было включение в него таких личностей, как Карл Маркс и Фридрих Энгельс, которые явились основоположниками нового течения в истории мирового революционно-освободительного движения – марксизма (впоследствии трансформировавшегося в марксизм-ленинизм). Кандидатура Спартака (вождя одного из самых известных в древнейшей истории человечества восстаний рабов) также вполне объяснима, как и братьев Гая и Тиберия Гракхов, боровшихся за политические и имущественные права плебса в Древнем Риме. Зато кандидатура Марка Юния Брута является весьма противоречивой,

ибо довольно часто он приравнивался к Иуде, ставшему символом предательства. Кандидатуру Брута большевики оправдывали тем, что он, по их мнению, являлся одним из первых в мировой истории борцов с абсолютизмом в лице провозгласившего себя императором Гая Юлия Цезаря. Затем в списке следовал ряд зарубежных революционеров и общественных деятелей, начиная со времен Великой французской буржуазной революции (Марат, Дантон и Робеспьер) и завершая лидерами западно-европейского рабочего и социалистического движения конца XIX – начала XX ст. (Бebelь, Жорес, Лафарг). Совершенно справедливо большевиками в данный список были включены классики утопического социализма: Фурье, Сен-Симон, Оуэн. Далее в списке были только российские революционеры, начиная от декабристов (Пестеля и Рылеева), включая революционеров-народников (Кибальчича, Желябова и Перовскую) и завершая «отцом» российского марксизма, лидером партии меньшевиков Плехановым.

Включили в список и Степана Разина, обозвав его по-народному Стенькой, а также Володарского и Халтурина. Три последние кандидатуры, по нашему мнению, тоже (с точки зрения все тех же членов большевистской партии) являются довольно противоречивыми, ибо им вполне можно было противопоставить Емельяна Пугачева, Веру Засулич и некоторых других гораздо более известных российских революционеров и общественных деятелей. Более всего заслуживал включения в упомянутый список Емельян Пугачев, ибо ареал крестьянской войны под его руководством был значительно шире ареала казацко-крестьянского восстания под предводительством Степана Разина. Тем не менее большевики не включили его в список деятелей, которым надлежало воздвигнуть первые советские монументы в советской же России. Не включили в список и Засулич, поскольку она впоследствии стала меньшевичкой, а заслужившая почетное прозвище «бабушки российской революции» (и заслуживавшая, по нашему мнению, включения в «монументальный» список) Брешко-Брешковская затем стала членом партии социалистов-революционеров (эсеров).

В категорию поэтов и писателей вполне мог быть включен соратник Чернышевского известный поэт-демократ Добролюбов, а в категорию ученых и философов по столь же непонятным причинам не были включены Зелинский (создатель первого в мире противогаза), Можайский (создатель первого в мире летательного аппарата), создатели электрической лампочки Лодыгин и Яблочков. Список явно мог быть гораздо больше, особенно это касается революционеров и общественных деятелей разных исторических эпох, но и, главным образом, писателей и поэтов, философов и ученых, художников, композиторов и артистов. Однако «монументальный» список был таким, каким он стал и был опубликован в тогдашних средствах массовой информации (газетах).

В завершение можно сделать следующие выводы:

1) захватившим в конце 1917 г. власть в России большевикам было очень важно произвести скорейшую замену старых памятников на новые, ибо, с их точки зрения, представители широких народных масс страны должны были видеть ежедневно не монументы, которые были воздвигнуты в предыдущие времена различным князьям, царям и прочим представителям старой, феодальной или капиталистической, России, а памятники прогрессивным общественным деятелям, которые на протяжении всей истории мирового человечества боролись против эксплуататорских классов;

2) указанный нами «монументальный» список обсуждался на заседании ЦК партии большевиков под председательством Ленина, который и настоял на включении в него лидера партии меньшевиков Плеханова, аргументировав свою точку зрения тем, что первая марксистская организация в России (группа «Освобождение труда») была создана в 1883 г. именно Плехановым;

3) первые советские монументы были крайне недолговечными, ибо в 1918 г. в России только еще началась гражданская война и иностранная военная интервенция, а металла или камня для их изготовления в стране крайне не хватало (достаточно вспомнить о том, что первый мавзолей Ленина был изготовлен из дубовых досок и только значительно позже был перестроен уже как каменный), как, впрочем, и хороших скульпторов, поэтому первые советские памятники изготавливались из гипса, который быстро разрушался под воздействием атмосферных осадков;

4) ввиду этого памятники очень быстро приходилось менять и постепенно из приведенного нами списка исчезли напрочь многие деятели, которым ранее памятники устанавливались (Сен-Симон, Фурье, Оуэн, Бебель, Spartak, «первый борец с абсолютизмом» Марк Юний Брут и многие другие);

5) смене памятников и монументов в советской России (впоследствии Советском Союзе) способствовало и то, что после смерти в 1924 г. общепризнанного лидера партии большевиков Ленина в партии развернулась борьба за единоличное лидерство, завершившаяся победой в ней Сталина, имевшего совсем другие взгляды на многие аспекты внутренней политики, включая и монументальную пропаганду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бедняк. – 1918. – 25 окт.
2. Известия Бежицкого Совета рабочих и крестьянских депутатов. – 1918. – 24 июля (6 авг.).

УДК 94(47).083

А. А. Воробьев, В. Д. Выборный

ПРЕСТУПЛЕНИЯ БОЛГАРСКИХ И ТУРЕЦКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ПРОТИВ РУССКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассмотрен такой малоизученный в отечественной историографии аспект Первой мировой войны, как преступления болгарских и турецких военнослужащих против русских военнопленных в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: русские военнопленные, турецкие и болгарские военнослужащие, преступления, Гагская конвенция, Первая мировая война.

В Первой мировой войне противоборствующими сторонами явились два военно-политических блока: Антанта и Тройственный союз. В Антанту первоначально входили Франция, Россия и Англия, а в Тройственный союз – Германия, Австро-Венгрия и Италия. Однако вскоре после начала Первой мировой войны Тройственный союз превратился в Четверной союз, ибо к нему примкнула Османская империя (Турция). В 1915 г. под влиянием немецкого наступления на Восточном (русско-германском) фронте в ряды союзников Германии и Австро-Венгрии вступила Болгария, но вышла из прежде Тройственного союза Италия, которой страны Антанты пообещали больше земель, нежели Германия с Австро-Венгрией. Таким образом, получилось, что уже в 1915 г. (т. е. на второй год Первой мировой войны) противниками России стали и Турция, и Болгария. И если вступление в войну против России Турции было вполне ожидаемо, ибо именно против Турции Россия провела за свою историю больше всего войн, то появление в стане противников не только России, но и православно-славянских стран, которые все входили в состав Антанты (Сербии и Черногории), Болгарии было воспринято во всех славянских странах очень неоднозначно, в первую очередь в России. Российские правящие круги надеялись, что Болгария, как минимум, займет в Первой мировой войне нейтральную позицию, что и происходило до 1915 г. Сербия и ее соседка (Черногория) вступили в войну с самого начала на стороне Антанты и России [1, с. 27].

Однако Болгария, которая считалась обиженной и обделенной по итогам двух Балканских войн 1912–1913 гг., в 1915 г. совершила предательство по отношению к своим православным братьям и нанесла неожиданный удар в спину сербской армии, главные силы которой сражались с австро-венгерскими войсками [2, с. 97–99]. До 1916 г. болгарские и русские войска не встречались между собой на поле боя. Турки же еще в конце 1914 г. попробовали начать наступление на территорию России в Закавказье, однако потерпели поражение от русских войск в сражении у города Сарыкамыш, а в 1916 г. русские войска

полностью захватили инициативу ведения боевых действий на Кавказском фронте в свои руки [3, с. 124]. В 1916 г. уже под влиянием победоносного наступления русской армии, получившего название «Брусиловского прорыва», и последовавшего за ним разгрома австро-венгерской армии в Первую мировую войну на стороне Антанты выступила ранее нейтральная Румыния, войска которой сразу же потерпели поражение от немецких и австро-венгерских войск. Спасать очередного незадачливого союзника пришлось России, которая растянула свою и без того немалую линию фронта еще на 1500 км на юг, создав Румынский фронт. В 1916 г. на Балканах был создан и Салоникский фронт, где войска Антанты сражались против болгарских, турецких и австро-немецких войск. На Румынском и Салоникском фронтах русской армии довелось воевать против болгарской армии. В ходе боевых действий против турецкой и болгарской армий русские войска не только несли потери убитыми и ранеными, но и военнопленными, численность которых, следует признать, была гораздо ниже, чем численность русских солдат и офицеров, которые попали в плен к австро-венгерским и немецким войскам.

Согласно 4-й Гаагской международной конвенции, подписанной 18 октября 1907 г., в четвертой статье второй главы «О военнопленных» говорится следующее: «военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных отрядов, взявших их в плен, с ними надлежит обращаться человеколюбиво, все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью». В восьмой статье второй главы говорится, что «военнопленные, удачно совершившие побег и вновь взятые в плен, не подлежат никакому взысканию за свой прежний побег» [4, с. 305–306]. На практике, однако, очень часто права военнопленных нарушались неприятельскими войсками. Ранее нам уже приходилось писать о нарушениях прав русских военнопленных турецкими и болгарскими военными, но в силу ограниченного объема той публикации изложить побольше фактического материала по заявленной проблеме не удалось [5, с. 15–18]. Регистрацией преступлений против русских военнопленных занималась ЧСК (Чрезвычайная следственная комиссия) под председательством сенатора Государственной думы Российской империи Кривцова.

5 августа 1916 г. в своей телеграмме председатель ЧСК из Петрограда доводил до всеобщего сведения, что «допрошенный 23 июля 1916 г. в качестве свидетеля турецкоподданный Фаламас Понапешьян (судя по фамилии армянин или курд по национальности) показал, что он был свидетелем того, как в городе Мелязкерт турки под командой паши (генерала по-турецки) Гаджи-Амди-бека, захватив в плен сто двадцать человек русских солдат, подвергли их пыткам и умертвили. Они резали их буквально на куски, сдирали с живых кусками кожу, уродовали до неузнаваемости так, что на умерших нельзя было смотреть без ужаса. Одного русского солдата, по приказу турецкого офицера Мамеда Седхи Сардара, турки в холод раздели догола и погнали совершенно нагого под

конвоем в другой город. Входившие в командный состав этого турецкого отряда германские офицеры, в том числе два генерала, знали об этих зверствах, но никакого протеста не заявили и турок не останавливали [6]. 26 июля 1916 г. Кривцов довел до сведения всех, что, по показаниям старшего унтер-офицера русской армии (в современной армии это звание старшего сержанта) Григория Галкина, он, будучи взят в плен австрийцами, бежал из лагеря для военнопленных, который находился в оккупированном австро-венгерскими войсками сербском городе Семендрия, переплыв реку Дунай на деревянном ящике. По словам Галкина, через Сербию бежало много русских военнопленных, на которых болгары устраивали облавы (т. к. река Дунай является пограничной рекой между Сербией и Болгарией, то русские пленные попадали на территорию Болгарии). Он лично видел одного ограбленного болгарскими солдатами русского пленного, с которого болгары сняли не только сапоги, но и брюки, а если сербы укрывали у себя беглых русских военнопленных на территории Сербии, которая была временно оккупирована болгарскими войсками, то болгарские солдаты выгоняли хозяев из домов и сжигали их со всеми вещами [6].

В завершение мы можем сделать следующие выводы:

1) Турция сразу вступила в Первую мировую войну потому, что она являлась давней соперницей России и желала отторгнуть от России ряд ее территорий (в частности, Закавказье);

2) Болгария поначалу сохраняла нейтральный статус, но в 1915 г. в ней возобладали старые обиды на своих православно-славянских собратьев (особенно Сербию и Черногорию) и она вступила в войну на стороне давних общеславянских недругов (Германии и Турции);

3) то, что турки жестоко обращались с русскими военнопленными, можно было ожидать, ибо в Османской империи в начале XX столетия почти все беды тогдашней Турции связывали с Россией и уровень русофобии в Турции был очень высок;

4) едва ли кто-либо в России в начале XX в. думал о том, что военные преступления против русских военнопленных будут совершать «братушки-болгары», которых Россия освободила от турецкого ига в последней четверти XIX в.;

5) однако правящие круги Болгарии во главе с немецкой царской династией поставили болгарский народ в ряд злейших врагов России за то, что Россия мало поддержала территориальные претензии Болгарии после первой Балканской войны 1912 г., когда болгарские войска заняли большую территорию, но вынуждены были отдать ряд спорных земель сербам и грекам;

6) в советские времена о военных преступлениях болгар против русских военнопленных вообще ничего не писали, ибо это противоречило трактовке «вековой дружбы между советским и болгарским народами»;

7) впрочем, и в целом о Первой мировой войне в те времена сообщалось очень мало и скупо, называя эту войну «империалистической», «германской» и прочими эпитетами, напрочь забыв о том, что в России в начале XX в. ее называли Второй Отечественной войной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Воробьев, А. А.** Черногорско-российские отношения в XIX–XXI вв.: путь от союзнических отношений между Черногорией и Россией до их разрыва / А. А. Воробьев // Россия и славянские страны в XIX–XXI вв.: материалы Междунар. науч. конф. – Брянск: Аверс, 2018. – С. 23–29.

2. **Воробьев, А. А.** Балканские войны 1912–1913 гг. и их влияние на политическое и национальное развитие славянских народов / А. А. Воробьев // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. ВА РБ, Минск, 13–14 апр. 2017 г.: в 4 ч. – Минск: ВА РБ, 2017. – Ч. 1. – С. 96–99.

3. **Воробьев, А. А.** Кавказский фронт русской армии в период Первой мировой войны и его влияние на ее ход и итоги / А. А. Воробьев // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной безопасности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию создания кафедры соц. наук ВА РБ, Минск, 16–17 мая 2013 г.: в 2 ч. – Минск: ВА РБ, 2014. – Ч. 1. – С. 124–126.

4. **Рендулич, Л.** Фатальные ошибки вермахта. Почему Германия проиграла войну: пер. с нем. / Л. Рендулич. – Москва: Яуза; Эксмо, 2006. – 320 с.

5. **Воробьев, А. А.** Русские военнопленные и нарушения международного права войсками Четверного союза в период Первой мировой войны / А. А. Воробьев // Актуальные проблемы права, образования и психологии: сб. науч. тр. – Могилев: Ин-т МВД, 2022. – Вып. 10. – С. 14–19.

6. Известия штаба XI армии. – 1916. – 8 авг.

УДК 94(47).083

А. А. Воробьев, А. Е. Игнатович

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1914 Г. И ИХ ОЦЕНКА Э. ЛЮДЕНДОРФОМ

Аннотация. Изложено, как были оценены боевые действия русской армии в 1914 г. одним из руководителей германской армии периода Первой мировой войны – генералом Эрихом фон Людендорфом. Отмечается, что Эрих фон Людендорф в целом высоко оценивал боевые действия русской армии в первый год Первой мировой войны, но низко оценил русских генералов, особенно Ренненкампа.

Ключевые слова: Первая мировая война, русская армия, боевые действия, генералы, Людендорф.

В Первой мировой войне одними из главных соперников являлись Россия, представлявшая военно-политический блок Антанты, и Германия, входившая сначала в Тройственный, а потом Четверной военный блок. Первая мировая война едва ли не с самого ее начала пошла вовсе не по тем планам, которые разрабатывались военными стратегами и генеральными штабами основных воевавших стран, в первую очередь Германии. По «плану Шлиффена» Германия должна была в кратчайшие сроки на западе нанести поражение Франции, а затем уже обратить свои войска на восток (против России). Планируя таким образом военную кампанию, немцы исходили из того, что «русские долго запрягают» и они не смогут быстро оказать помощь своей западной союзнице (Франции). Кроме того, высшее немецкое командование, пытаясь определить первоначальные планы русской армии, учитывало и очень неудачную конфигурацию границы между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией, с другой. На крайнем западе Российской империи еще с начала XIX в. образовался «польский выступ». С севера над ним нависал германский (восточно-прусский) «балкон», а с юга «польскому выступу» России угрожали австро-венгерские территории. Сосредоточенные в «польском выступе» русские войска опирались не только на систему полевых оборонительных укреплений, но и на крепости, которые были построены в нем в конце XIX ст. Достаточно сильные для XIX в. крепости существовали в Прасныше (ныне Пшасныш в Польше), Новогеоргиевске (ныне Модлин в Польше) и Осовце [1, с. 69–70]. С точки зрения немецкого генерального штаба, до разгрома германской армией Франции сдерживать русскую армию на востоке должна была австро-венгерская армия. Реальность, однако, стала совершенно противоположной, ибо русская армия неожиданно для немцев начала наступление на Восточную Пруссию, застав врасплох расположенные там немецкие войска.

Генерал Людендорф Первую мировую войну начал на Западном фронте и сумел отличиться при взятии немецкими войсками бельгийского города Льеж, за что император Вильгельм II наградил его орденом «Pour le merite». Этот орден (по-русски назывался «За боевые заслуги») являлся высшей военной наградой Германской империи в 1871–1918 гг. 22 августа 1914 г. Людендорф был переведен на Восточный фронт (против русской армии), где он пробыл на посту начальника штаба главнокомандующего два года (до 28 августа 1916 г.) [2, с. 38]. 20 августа 1914 г. Людендорф был принят начальником генерального штаба германской армии генералом фон Мольтке, который сообщил ему, что 8-я немецкая армия имела задачу выбить с территории Восточной Пруссии войска 1-й, «неманской», русской армии под командованием генерала Ренненкампа, но сделать этого не сумела. Затем немецкие войска решили нанести сначала удар по 2-й русской, «наревской», армии под командованием генерала Самсонова, испытывая очень большие опасения по поводу того, что армия Ренненкампа могла нанести немцам удар во фланг. Однако Ренненкампа,

имея против своих двадцати четырех пехотных и нескольких кавалерийских дивизий только две немецкие кавалерийские бригады, не двинулся с места [2, с. 44]. На самом деле немцы, включая самого Людендорфа, сильно преувеличивали силы армии Ренненкампа, которая имела к началу войны в своем составе только шесть дивизий, а потом уже была усилена до четырнадцати дивизий [2, с. 57].

Тем не менее, пользуясь бездействием армии Ренненкампа, немцам удалось разгромить русскую армию под командованием генерала Самсонова, который, попав в окружение, застрелился, чтоб не попасть в плен. Его жена приезжала в Восточную Пруссию по делам военнопленных и нашла могилу мужа. За разгром армии Самсонова Людендорф получил Железный крест 2-й степени, которым, как и одержанной победой, очень гордился [2, с. 51–52]. В Галиции же, по словам Людендорфа, обстановка развивалась неблагоприятно, ибо русские войска разбили австро-венгерские восточнее Львова и развивали успешное наступление на запад [2, с. 53]. 4 сентября 1914 г. немецкие войска начали наступление против армии Ренненкампа и 13 сентября сумели вытеснить войска армии Ренненкампа из Восточной Пруссии [2, с. 60]. Проезжая через восточно-пруссские земли, которые ранее были заняты русскими войсками, Людендорф не удержался от привычного немцам искажения действий русских войск на временно ими занятой территории. Так, описывая отбитый у русских войск город Норденбург, он записал в своем дневнике, что город был невероятно загрязнен, а городской рынок весь был полон нечистот [2, с. 62]. Думается, что в действительности картина не была такой, как ее описал Людендорф, ибо несколько позднее он же отмечал, что в августе и сентябре 1914 г. многие русские части вели себя образцово, винные погреба и склады охранялись, а Ренненкамп старался поддерживать в своих войсках дисциплину и порядок. Однако вслед за данными словами он уже писал о том, что «война сопровождалась бесконечным ожесточением и большими ужасами, казаки были дики и свирепы, они жгли и грабили, многие жители были убиты, совершались насилия над женщинами» [2, с. 62]. При этом Людендорф ни слова не сказал о поведении немецких и австро-венгерских войск на занятых ими в ходе военных действий землях Франции и России.

15 сентября 1914 г. генерала Людендорфа перевели в Польшу для оказания помощи австро-венгерским войскам, которые терпели сокрушительное поражение от русской армии в Галиции. 18 сентября Людендорф провел переговоры о совместных действиях армий Германии и Австро-Венгрии с эрцгерцогом (т. е. наследником австро-венгерского императорского престола) Фридрихом и начальником генерального штаба австро-венгерской армии генералом Конрадом (Конрад было имя генерала фон Хетцендорфа). Называя начальника генерального штаба австро-венгерской армии только по имени (т. е. Конрадом), Людендорф явно хотел подчеркнуть личные хорошие отношения между ним и Хетцендорфом, что и было выражено им позднее в его

дневнике: «Душой военного руководства австро-венгерской армии являлся генерал фон Конрад, это был умственно исключительно одаренный полководец» [2, с. 68]. 27 сентября 1914 г. 9-я немецкая армия, переброшенная для поддержки австро-венгерских войск, была готова перейти к контрнаступлению против русской армии в Галиции и Польше, наступление это началось 4 октября [2, с. 71, 77]. Спланированное совместное наступление немецких войск на Варшаву и смешанных австро-венгерских и немецких частей в Польше и Галиции довольно быстро захлебнулось, не достигнув поставленных целей, и уже в ноябре 1914 г., по словам Людендорфа, русские войска сами перешли в наступление с территории Польши. Это наступление русской армии несло непосредственную угрозу столице Германской империи (Берлину), ибо кратчайшим путем до Берлина для русских войск была именно территория «польского выступа» [1, с. 69]. Однако наступление русских войск тоже не было особенно удачным и не привело к коренному переходу стратегической инициативы ведения боевых действий в руки русской армии.

В завершение мы можем сделать следующие выводы:

1) Эрих фон Людендорф являлся одним из наиболее известных руководителей германской армии в период Первой мировой войны и немало сделал для того, чтобы германская армия сумела вести войну на два фронта (против Франции и Англии на западе и против России на востоке);

2) именно благодаря Людендорфу и Гинденбургу германская армия смогла нанести поражение русским войскам, которые в 1914 г. неожиданно для Германии начали наступление против немецких войск, стремясь отвлечь их от столицы Франции – Парижа;

3) генерал Эрих фон Людендорф высоко оценивал боевые качества русских солдат, которые были стойкими в бою и умели хорошо строить оборонительные укрепления; так, по его утверждению, солдаты 1-й русской армии под командованием генерала Ренненкампа в Восточной Пруссии имели сильные и искусно укрепленные позиции [2, с. 56];

4) особенно высоко Людендорф ценил русских солдат из сибирских корпусов [2, с. 77];

5) самого генерала Ренненкампа, как военачальника, Людендорф оценивал невысоко, ибо именно бездействие 1-й русской армии под командованием Ренненкампа помогло немцам разгромить 2-ю русскую армию под командованием генерала Самсонова;

6) впрочем, генерал Ренненкампф вскорости был отстранен от командования русскими войсками и отправлен в отставку, что, по нашему мнению, следовало сделать быстрее, ибо тогда, имея на месте Ренненкампа другого командующего, можно было не допустить разгрома армии генерала Самсонова, однако история не терпит сослагательного наклонения и то, что случилось, то случилось;

7) генерал же Ренненкампф, который, к слову говоря, ничем хорошим себя не проявил еще во время русско-японской войны 1904–1905 гг., оказался на заметке у царских властей России благодаря тому, что «успешно» подавил первую революцию в России 1905–1907 гг. на территории Сибири и Дальнего Востока;

8) о полководческих данных генерала Самсонова Людендорф не говорил, но отметил его мужество, когда тот застрелился, не имея возможности вывести свои войска из окружения;

9) 1914 г. был самым коротким в истории Первой мировой войны и очень ограниченным по территориям, на которых развернулись боевые действия, поэтому генерал Людендорф не имел возможности оценить полководческие качества других русских генералов, за исключением нами названных.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Воробьев, А. А.** О некоторых причинах поражений Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны (сравнительный анализ с причинами поражений русской армии на начальном этапе Первой мировой войны) / А. А. Воробьев // 1941 год в истории Беларуси (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): сб. ст. Респ. воен.-ист. конф., Минск, 1 июня 2011 г. – Минск: ВА РБ, 2012. – С. 69–74.

2. **Людендорф, Э.** Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: пер. с нем. / Э. Людендорф. – Москва: Вече, 2014. – 704 с.

УДК 332.2(476)(091)

А. У. Ерашэвіч

СПЕЦЫЯЛЬНАЕ ПАЛЮБОЎНАЕ МЕЖАВАННЕ Ў БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯХ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ: АРГАНІЗАЦЫЙНА-ФІНАНСАВЫЯ АСПЕКТЫ

Анотацыя. Раскрываюцца арганізацыйна-фінансавыя аспекты правядзення спецыяльнага прымірыцельнага межавання ў Віцебскай і Магілёўскіх губернях Расійскай імперыі ў 30-х – пачатку 60-х гг. XIX ст.

Ключавыя словы: спецыяльнае межаванне, пасрэдніцкія камісіі, пасрэднікі, землямеры, фінансавае забеспячэнне, беларускія губерні.

Паспяховае правядзенне дзяржавай генеральнага межавання на тэрыторыі арганізаваных Магілёўскага і Полацкага намесніцтваў, далучаных да Расійскай імперыі пасля першага падзелу Рэчы Паспалітай у 1772 г., падвялі ўрад Паўла I да думкі аб распаўсюджванні яго правіл і прынцыпаў на беларускія землі, уключаныя ў склад расійскай дзяржавы пасля другога (1793) і трэцяга (1795) падзелаў Рэчы Паспалітай. Пачалася падрыхтоўка генеральнага межавання ў

Літоўскай і Мінскай губернях і частке апошняй, перададзенай у склад Беларускай губерні.

Але правал спробаў эксперыментаў дзяржаўнага суцэльнага межавання ў Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губернях з-за напружанай сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў краі і пасіўнага супраціўлення мясцовых памешчыкаў, зацікаўленых у прырашчэнні (пашырэнні) вотчынных зямель за кошт казённых і шляхам абезземельвання сялян, абумовілі зварот цэнтральных улад да практыкі так званага спецыяльнага палюбоўнага межавання, якое з'яўлялася лагічным працягам генеральнага межавання. Дзяржаўнае генеральнае межаванне зводзілася да вызначэння акружных граніц зямельных дач для ўсіх землеўладальнікаў, спецыяльнае ж прызначалася для вылучэння граніц прыватных участкаў змяшаных зямельных дач некалькіх уладальнікаў у акружнай мяжы ці азначала ўнутранае размежаванне бяспрэчных агульных і цераспалосных зямель. Калі генеральнае межаванне насіла абавязковы характар і фінансавалася дзяржавай, то спецыяльнае базавалася на супрацьлеглых прынцыпах добраахвотнасці і платнасці межавых паслуг за кошт землеўласнікаў. У спецыяльным межаванні выдзяляліся дзве яго разнавіднасці: коштнае, якое ажыццяўлялі наёмныя за кошт землеўласнікаў землемеры ў раёнах, дзе не было праведзена генеральнае межаванне, і палюбоўнае, якое здзяйснялася пры дапамозе пасрэднікаў, а рэальна найчасцей тых жа землемераў.

Пасля рэарганізацыі органаў мясцовага дзяржаўнага кіравання пры Кацярыне II межавыя справы ў губернях вырашалі губернскія і павятовыя землемеры, а дакументальныя вынікі межавання зямель афармляліся ў губернскіх чарцёжных. Згодна з указам ад 06.05.1806 г. павятовыя землемеры пад кантролем ніжніх земскіх судоў атрымалі права самастойна ўдзельнічаць у адводзе спрэчных зямель, складаць планы зямельных участкаў. Тэмпы росту штатнага жалавання губернскіх землемераў (было павялічана ў 1812 г. і 1819 г.) і павятовых землемераў (узмоцнена ў 1830 г.) адставалі ад росту цэн на асноўныя харчовыя прадукты ў выніку абсяцэння кошту папяровых асігнацый. Для спраўнага выканання сваіх службовых абавязкаў, у асноўным для пакупкі межавых інструментаў і канцылярскіх матэрыялаў, землемеры былі вымушаны выкарыстоўваць частку з уласнага жалавання. Так, з 1798 г. па 1805 г., у асноўным на пакупку матэрыялаў, прагоны і рамонт інструментаў, павятовыя землемеры Віцебскай губерні ўтрымалі 360,53 ½ р. уласных грошай.

Недастаткова поўнае бюджэтнае фінансаванне межавых расходаў павялічвала ролю павятовых землемераў у мясцовай супольнасці. Землемеры павінны былі мець неабходны комплекс разнастайных ведаў, звычай, вопыту для ажыццяўлення разнапланавых сфер практычнай дзейнасці: ведаць нарматыўна-прававыя акты межавога заканадаўства, валодаць псіхалагічнай устойлівасцю, разбірацца ў тэхналогіях межавання і мець пэўныя тэхнічныя веды, быць цягавітымі і інш. Іх магчымасць вырашаць паземельныя спрэчкі ў

патрэбным землеўласніку кірунку павялічвала ролю неафіцыйных заробкаў, хабарніцтва, узнімала іх сацыяльны прэстыж, ступень уплыву на дваранскую карпарацыю і падымала значэнне як часткі правінцыяльнай адміністрацыйнай эліты.

Павелічэнне пазямельных спрэчак у выніку драблення памешчыцкага землеўладання, накладзеныя забароны на свабоднае абарачэнне памешчыцкай зямлі з-за яе закладу за прынятыя дзяржаўныя абавязацельствы, казённых і прыватных крэдытных даўгі, неабходнасць аддзялення казённых зямель ад памешчыцкіх вымагалі паскорыць спосаб палюбоўных зямельных падзелаў і адасобіць участкі прыватнага ўладання ў межах агульнага і цераспалоснага землекарыстання.

У 1836 г. імператарскія ўлады ініцыявалі падрыхтоўку добраахвотнага, прымірыцельнага, спецыяльнага размежавання зямель дач агульнага валодання і цераспалосных казённых, грамадскіх і прыватных уладанняў. Памешчыкаў стымулявалі без плацяжу крапасных і гербавых пошлін за трохгадавы тэрмін пры ўдзеле пасрэднікаў дамовіцца аб падзеле саўладальніцкіх зямельных дач і ўзгадніць граніцы з саўладальнікамі шляхам свабоднага абмену і саступкі зямельных угоддзяў і сялянскіх двароў. Перавагі палажэння аб спецыяльным межаванні ў канцы 1838 г. былі распаўсюджаны на ўсе генеральна неабмежаваныя губерні.

Для ажыццяўлення спецыяльных мерапрыемстваў па размежаванні грамадскіх дач у кожнай з генеральна абмежаваных губернях (Віцебскай і Магілёўскай), згодна з інструкцыяй ад 21.06.1839 г., ствараліся пасрэдніцкія камісіі ў губернскіх цэнтрах пад старшынствам губернскіх прадвадзіцелей дваранства, кожная ў складзе павятовага прадвадзіцеля дваранства губернскага горада, наяўных дэпутатаў і губернскага землемера, у якія маглі ўваходзіць і па некалькі землемераў межавога корпуса, а таксама інстытут асобных пасрэднікаў у паветах. Грашовыя выдаткі ўтрымання пасрэднікаў, іх праезд, сродкі на наём пісьмаводцы, пісараў, канцылярскія і іншыя неабходныя межавыя патрэбы перакладаліся на агульныя зборы губернскіх земскіх павіннасцей.

З пачатку 1840 г. для дапамогі пасрэднікам пры пасрэдніцкіх камісіях і павятовых пасрэдніках арганізоўваліся канцылярыі. У кожную пасрэдніцкую камісію прызначаўся пісьмаводца з жалаваннем да 200 р. серабром, 2 ці 3 пісары з выдачай кожнаму ад 50 да 80 р. серабром і адлічэннем на канцылярскія выдаткі да 100 р. серабром штогод. Для раз'ездаў пасрэднікаў з зацвярджэння губернатара выплачвалася сума ад 200 да 400 р. серабром штогод. Таксама пасрэднікі маглі разлічваць на атрыманне сутачных грошай у час сапраўдных палявых работ падчас размежавання зямельных дач і здзяйснення здымкаў. Прадстаўленні пасрэдніцкіх камісій аб штогадавым утрыманні канцылярыі і служачых пры павятовых пасрэдніках палюбоўнага размежавання земляў зацвярджаў начальнік губерні па нормах забеспячэння губернскіх.

Пасрэднікам грошы выдаваліся наперад па трэцім года: у паветах, дзе было 2–3 пасрэднікі, ім на раз’езды выдаткоўвалася да 150 р. на кожнага, аднаму – 300 р., а калі ён абслугоўваў 2 паветы – 400 р. Сутачныя грошы асігнаваліся пасрэднікам па іх чынам за 180 дзён заняткаў, але паводле ўласнага меркавання пасрэдніцкія камісіі маглі скарачаць сумы водпуску сталовых і раз’ездных грошай.

Акрамя забеспячэння павятовых пасрэднікаў, прадугледжваліся выдаткі з межавога капіталу Міністэрства дзяржмаёмасцей для ўтрымання ўпаўнаважаных чыноўнікаў ад палат дзяржмаёмасцей. Губернатары з дазволу Міністэрства дзяржмаёмасцей мелі магчымасць заснавання пры палатах дзяржаўных маёмасцей асобных часовых сталоў для вырашэння спраў па палюбоўным адмежаванні цераспалосных казённых зямель ад прыватных уладанняў да сканчэння канчаткага тэрміну спецыяльнага размежавання казённых і прыватнаўладальніцкіх зямель. Утрыманне ўпаўнаважаных і сталоў пры палатах дзяржмаёмасцей, створаных да 13.07.1851 г., пераводзілася на зборы губернскіх земскіх павіннасцей.

Землямерныя работы па спецыяльным межаванні ажыццяўлялі асобы з межавога корпуса. Акрамя прагонных і жалавання, чыны межавога корпуса атрымлівалі сутачныя грошы: штаб-афіцэры – па 60 кап., обер-афіцэры і землямерныя памочнікі класных чыноў – па 45 кап., тапографы не афіцэрскага звання і малодшыя землямерныя памочнікі без класных чыноў – па 15 кап., унтэр-афіцэры – па 6 кап., радавыя – па 4,5 кап. у суткі. Сутачныя грошы выдаваліся з сум утрымання няпоўнага камплекту губернскіх і павятовых землямераў і вярталіся ў дзяржаўную казну з землеўладальнікаў. У час, свабодны ад палявых межавых работ (з 01.12. да 01.04.), землямерным чынам межавога корпуса сутачныя грошы выдаткоўваліся на кошт губернскіх земскіх павіннасцей. Чыны межавога корпуса, камандзіраваныя для межавых дзеянняў і пакінутыя на зіму пры губернскіх пасрэдніцкіх камісіях, атрымлівалі сутачныя грошы ў залежнасці ад званняў і займаемых пасадак. У дадатак, членам межавога корпуса, якіх пасрэдніцкія камісіі выкарыстоўвалі для палюбоўнага спецыяльнага межавання, вылучаліся кватэрныя грошы з сум губернскіх земскіх збораў у палавінным памеры ад сутачных у час іх пражывання ў зімні час у гарадах пасля сканчэння палявых межавых работ.

Землеўладкаваннем спрэчных зямель займаліся і межавыя служачыя чыны губернскага ведамства, якія знаходзіліся ў падпарадкаванні Межавога дэпартаменту Сената і адначасова мясцовых улад губернскага кіравання і ўпраўляючага Межавым корпусам. Усе губернскія, павятовыя, асобныя землямеры і канцылярскія служкі пры чарцёжных атрымлівалі штатнае жалаванне. Камандзіраваным для межавання губернскім і павятовым землямерам выдавалі прагонныя грошы з экстраардынарных сум належных ведамстваў ці агульных даходаў дзяржаўнага казначэйства з наступным зваротам з землеўладальнікаў.

У цэлым, былі прыняты меры для кадравага ўмацавання землямернага корпуса. Правілы і парадак выплат землямерам межавога корпуса распаўсюджваліся і на землямераў губернскага ведамства. Межавыя чыны межавога корпуса і губернскага ведамства, задзейнічаныя ў спецыяльным размежаванні зямель, за палявыя работы атрымлівалі плату за розныя віды працы. Аднак сума заробку за размежаваную дачу не магла быць больш 8 кап. за дзесяціну зямлі. Былі дакладна вызначаны расцэнкі асноўных відаў здзельных палявых межавых і чарцёжных работ і аплаты землямераў межавога корпуса, распаўсюджаныя і на павятовых землямераў. З сумы за палявыя работы толькі 65 % адлічалася да выдачы землямеру, а астатнія 30 % пераводзіліся межавым чынам пад яго начальствам (памочнікам і чарцёжнікам), 5 % перасылаліся чарцёжнай. Але грошы за выкананыя межаўшчыкамі работы па палюбоўнаму спецыяльнаму межаванню паступалі несвоечасова. Да 01.12.1858 г. нядоімка здзельнай платы чыноў межавога корпуса за здзейсненыя імі палявыя і чарцёжныя работы склала ў Магілёўскай губерні 17044,31 р.

Наогул, крыніцы расходаў па спецыяльным межаванні былі рознымі. З земскіх збораў фінансаваліся расходы па ўтрыманні губернскіх пасрэдніцкіх камісій і павятовых пасрэднікаў, упаўнаважаных ад палат дзяржмаёмасцей па палюбоўным спецыяльным межаванні.

Разнастайнымі былі выдаткі памешчыкаў, звязаныя з палюбоўным спецыяльным межаваннем. За атрыманне за дзяржаўнай пячаткай межавых планаў і кніг землеўладальнікі ўносілі збор па 0,5 кап. за дзесяціну раней абмежаванай зямлі. З землеўласнікаў спаганялася асобная плата за агляд арыгінальных межавых планаў з межавымі кнігамі, за выраб з ніх копій і іх праверку ў памеры 3 р. за кожны ліст паперы, за напісаны ліст у арыгінальных і скапіраваных межавых кнігах – 25 кап. Гэтыя грошы адсылаліся ў чарцёжныя для дапамогі па меркаванні начальства добрасумленным чарцёжнікам. Памеры землеўласніцкіх грашовых адлічэнняў залежылі ад часу межавання, адлегласці ўладання ад горада, складу землямерных аддзелаў і інш. Агульны расход памешчыкаў за летнія межавыя работы даходзіў да 20 кап. з дзесяціны зямлі.

Паколькі спецыяльнае палюбоўнае межаванне праводзілася па жаданні саміх землеўласнікаў за іх кошт, было неабавязковым, а яго хуткаму ажыццяўленню перашкаджалі аб'ектыўныя і суб'ектыўныя фактары (неўраджаі, недахоп землямераў), тэрмін размежавання агульных і цераспалосных зямельных дач пастаянна працягваўся: паводле указа ад 21.06.1839 г. – на 2 гады, указа ад 10.06.1841 г. – на 5 гадоў, у 1846 г. – яшчэ на 4 гады, а потым на няпэўны тэрмін. Фактычна абавязковым з 1850 г. было межаванне зямельных угоддзяў, якія знаходзіліся ў агульным валоданні з дзяржаўнымі сялянамі. Добраахвотны характар спецыяльнага межавання даваў землямерам толькі магчымасць уздзейнічаць на мясцовых памешчыкаў угаворамі, растлумачыць ім значнасць урадавай межавой акцыі і схіляць іх («побуждаць») да дзеянняў у патрэбным накірунку.

Усяго ў Магілёўскай і Віцебскай губернях з генеральна абмежаваных 3584 зямельных дач і 7372536 дзесяцін зямлі былі знойдзены 1242 зямельныя дачы (34,7 %) і 4579351 дзесяціна (62,1 %) агульных і цераспалосных зямель уладанняў супольнага карыстання, з якіх у выніку спецыяльнага палюбоўнага межавання з 1836 г. па 1863 г. было размежавана толькі 46,8 % (581 зямельная дача) і 41,1 % (1884217 дзесяцін зямлі), але яшчэ засталася размежаваць 53,2 % зямельных дач (661) і 58,9 % (2695134 дзесяціны зямлі) панскіх угоддзяў і сялянскіх сервітутаў.

Такім чынам, для паскарэння вырашэння пазямельных спрэчак пасля ліквідацыі межавых судаў і ўпарадкавання землеўладкавання спрэчных зямельных угоддзяў у сувязі з рэарганізацыяй кіравання дзяржаўнай вёскай і правядзеннем інвентарнай рэформы ўлады стымулявалі памешчыкаў і дабіваліся ад іх згоды на бясплатны абмен спрэчных зямель, за выключэннем забароненых. Але добраахвотны характар, неабавязковасць спецыяльнага палюбоўнага межавання ў Віцебскай і Магілёўскай губернях абумовілі яго маруднасць, валакіту, у тым ліку з-за мноства неспрыяльных фактараў (недахопу кваліфікаванага персаналу землямераў і інш.). Выдаваемых грошай служачым пасрэдніцкіх камісій і павятовым пасрэднікам, як і ніжнім чынам межавага корпуса, было недастаткова з прычыны дарагоўлі на прадукты харчавання пасля шэрагу неўраджаяў у Віцебскай губерні.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Матэрыялы для преобразования межевой части в России. Записка, составленная по распоряжению и указанию управляющего Межевым корпусом: в 5 ч. Ч. 2: Нынешнее состояние межевой части в России. – Санкт-Петербург, 1864.
2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 1416. Воп. 4. Спр. 32. Арк. 92–92 адв.
3. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 791. Арк. 152.
4. Свод законов Российской империи. – Санкт-Петербург, 1857. – Т. 10. – Ч. 3: Законы межевые.

УДК 94(47+57)

А. С. Мельникова

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. Раскрываются основные мероприятия Советской власти, направленные на оказание социальной помощи населению Беларуси. Отмечается, что несмотря на тяжелое финансово-экономическое положение республики, социальной поддержке граждан уделялось значимое внимание уже на стадии первых социалистических преобразований.

Ключевые слова: Беларусь, Советская власть, социальная помощь, население, социальное страхование, биржи труда, борьба с безработицей, проблема беспризорности, социальные приюты, поддержка инвалидов.

Значительную роль в поддержке жизненного уровня населения Беларуси играла социальная помощь, которая стала оказываться с первых лет становления Советской власти.

Поддержка особенно требовалась малообеспеченным жителям республики, в числе которых были нетрудоспособные по инвалидности, безработные, семьи, кормильцы которых погибли на войне, и т. д. [1, с. 170].

В губернских и уездных центрах были созданы отделы социального обеспечения, за помощью к которым могли обратиться нуждающиеся в социальной поддержке граждане.

С целью координации деятельности новообразованных отделов созывались съезды, на которых обсуждались текущие вопросы, принимались соответствующие резолюции. Так, 5 марта 1919 г. в Минске проходил съезд представителей отделов социального обеспечения Минской губернии. На нем были заслушаны доклады о деятельности отделов на местах, решались организационные вопросы.

В числе задач, которые были обозначены на съезде, были следующие: создание учреждений по охране материнства и младенчества в крупных городах провинции, организация распределения молока, обучение персонала для вышеуказанных учреждений посредством обучения желающих на специальных курсах [2, с. 2].

Коллегия комиссариата социального обеспечения регулярно проводила проверки местных отделов. Выявленные в их деятельности нарушения подлежали устранению в кратчайшие сроки.

Активная работа проводилась по борьбе с безработицей. В средствах массовой информации и специальных объявлениях сообщались адреса специальных пунктов для регистрации безработных. Безработным уезда рекомендовалось явиться в «корреспондентские» пункты для постановки на учет. В числе городов, отработавших о ликвидации безработицы к весне 1919 г., относился город Бобруйск [3, с. 4].

Отделы социального обеспечения и охраны труда обеспечивали выдачу пособий безработным лицам. Для получения соответствующих выплат безработному необходимо было иметь карточку биржи труда; паспорт или иной документ, подтверждающий личность, а семейным лицам – документ, подтверждающий наличие членов семьи и их количество; удостоверение с последнего места работы, а также профсоюзную карточку [4, с. 4].

С конца 1921 г. получило развитие социальное страхование, по которому безработным на протяжении шести-девяти месяцев оказывалась денежная помощь. Средний ее размер составлял примерно 5–6 р. на человека ежемесячно.

Однако государство не имело средств для выдачи этой суммы всем безработным. В 1925–1926 гг. ее получали около 30 % граждан, не имевших заработка. Остальным шла помощь из других источников: от выделения субсидий, денежных кредитов, временной работы на предприятиях, где они работали ранее.

Безработные имели льготы на коммунальные услуги, проезд на железнодорожном транспорте, для них организовывалось дешевое либо бесплатное питание, выдавались пайки [1, с. 170–171].

Социальное страхование предусматривало выплату помощи в связи с временной безработицей в результате болезни либо увечья, беременности и родов, а также пенсии инвалидам труда, войны и др.

Постепенное развитие социального страхования охватывало значительную часть лиц, работавших в учреждениях, на государственных, кооперативных и частных предприятиях. Страховой бюджет базировался на отчислениях взносов государственными организациями в размере 10 % от фонда заработной платы, а частными – 20 %. Уже к середине 1923 г. было застраховано около 40 тыс. рабочих (без железнодорожников) [1, с. 171].

Как уже отмечалось, безработным предоставлялась возможность питаться бесплатно в столовых. Обеспечение питанием осуществлялось по талонам. Однако организация бесплатного питания сопровождалась различными сложностями и, как следствие, нареканиями со стороны безработных.

Так, в одной из столовых города Минска в марте 1919 г. возникли перебои с обеспечением горячими обедами и хлебом. В срыве поставок был обвинен Горпродком [5, с. 4].

Поиском трудовых мест для безработных занимались биржи труда, которые предварительно осуществляли регистрацию лиц, нуждавшихся в трудоустройстве, выясняли уровень их профессиональной квалификации, выполняли заявки на рабочую силу со стороны различных учреждений, предприятий, отслеживали трудовую миграцию [6, с. 4].

Для безработных, имевших проблемы со здоровьем, были предусмотрены пособия и отпуска. Пособия соответствовали минимальному заработку в республике. Выздоровливающим безработным предоставлялся отпуск до одного месяца. На предоставление отпуска сроком свыше одного месяца требовалось специальное решение президиума отдела социального обеспечения и охраны труда [7, с. 4].

Комитетами труда велась регистрация несчастных случаев на производстве. Сведения о последних фиксировались, сами происшествия подвергались расследованию, а пострадавшим оказывалась необходимая социальная помощь [8, с. 4].

При отделах социальной помощи действовали медико-санитарные секции. На медицинскую помощь могли рассчитывать как застрахованные рабочие, так и безработные [9, с. 4].

В числе лиц, которые нуждались в социальной поддержке, были граждане, пострадавшие в результате событий Первой мировой войны. К примеру, в редакцию газеты «Бедняк» поступило письменное обращение от гражданина Николая Толстика, который сообщил о том, что немецкие солдаты во время оккупации Минска ранили его в руку и ногу. Мужчина констатировал, что вследствие ранения потерял руку и стал инвалидом, не имевшим средств к существованию. Редакция печатного органа посоветовала ему обратиться за помощью в уездный отдел социального обеспечения, в функциональные обязанности которого входило размещение инвалидов в специальные учреждения – убежища для инвалидов [10, с. 4].

Значимой проблемой для общества и государства была проблема беспризорности. Отделы социального обеспечения контролировали работу детских приютов, в которые помещали детей разных возрастов. В приютах бывшие беспризорники не только обеспечивались питанием, одеждой, но и обучались различным трудовым навыкам.

В частности, девочек обучали рукоделию, а мальчиков – столярному, сапожному и другому ремеслу. В первые послереволюционные годы приюты сталкивались с множеством проблем: нехваткой продовольствия, комплектов одежды, белья, обуви и других предметов, необходимых бывшим беспризорникам.

Решать задачу обеспечения приютов приходилось исходя из скромных финансово-экономических возможностей региональных органов.

В числе задач, стоявших перед отделами детских приютов, стояла и задача поддержания детей с умственными и физическими нарушениями. С этой целью в приюты приглашались специалисты соответствующего профиля, преимущественно на добровольной основе.

Отдельной проблемой являлась проблема устройства, перевоспитания детей, вовлеченных в преступную деятельность. Для последних были организованы специальные приюты, для работы в которых были привлечены подготовленные квалифицированные кадры [11, с. 4].

Сложной задачей для правительства и общества являлась организация учреждений для престарелых лиц. Отношение к последним было более прохладным, чем к подрастающему поколению. Неоднократно проверки богоделен выявляли многочисленные нарушения условий проживания и организации питания пожилых людей.

Постепенно помощь со стороны государства нуждающимся лицам росла. По неполным данным, в 1921 г. помощь оказывалась 276 тыс. граждан республики, что составляло около 10 % всего населения. Большую часть из них составляли безработные. Их количество увеличилось с 1922 г. по 1926 г. почти вдвое и составило 34743 человека. В значительной степени этот рост произошел в связи с расширением территории республики [1, с. 170].

Также проводились мероприятия и по социальному обеспечению крестьян. Для сельских жителей социальное страхование отсутствовало. Поэтому помощь им оказывалась через сельские товарищества взаимопомощи. В Беларуси они стали создаваться в 1922 г. Товарищества оказывали помощь крестьянам в форме денежной, натуральной, трудовой и правовой поддержки. Денежная помощь предусматривала выдачу кредита; натуральная – помощь инвентарем, семенами, строительными материалами; трудовая – помощь при сборе урожая, строительстве и т. д. [1, с. 171].

В начале 1920-х гг. оказываемая крестьянам помощь носила ограниченные размеры, однако она постепенно росла. Если весной 1927 г. товарищества взаимопомощи оказали помощь семенным фондом 63,6 тыс. крестьянских хозяйств, то в 1929 г. – 73,4 тыс. Товариществами выдавалась и денежная помощь. В 1928 г. на поддержку слабых хозяйств было выделено 408,3 тыс. р., а в 1930 г. – 597,7 тыс. р. С 1930 г. в колхозах сельские товарищества взаимопомощи постепенно были реорганизованы в кассы взаимопомощи [1, с. 171].

Таким образом, реализация социальной помощи населению являлась важным направлением государственной политики с первых лет становления Советской власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 5: Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал.: М. Косцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.
2. Съезд представителей социального обеспечения Минской губернии // Звезда. – 1919. – 4 марта. – С. 2.
3. Бобруйск. Ликвидация безработицы в городе // Звезда. – 1919. – 4 марта. – С. 4.
4. Рабочая жизнь. Помощь безработным // Звезда. – 1919. – 7 марта. – С. 4.
5. В столовой для безработных // Звезда. – 1919. – 6 марта. – С. 4.
6. В отделе распределения рабочей силы (Биржа труда) // Звезда. – 1919. – 9 марта. – С. 4.
7. О пособиях и отпусках больным безработным // Звезда. – 1919. – 10 мая. – С. 4.
8. Охрана труда // Звезда. – 1919. – 4 мая. – С. 4.
9. В медико-санитарной секции // Звезда. – 1919. – 10 мая. – С. 4.
10. Справочник «Бедняка» // Бедняк. – 1919. – 13 апр. – С. 4.
11. Детские приюты // Звезда. – 1919. – 29 марта. – С. 4.

УДК 94(476):331.108

І. А. Пушкін

ПАДРЫХТОЎКА БЕЛАРУСКІХ КАДРАЎ ВЫШЭЙШАЙ КВАЛІФІКАЦЫІ Ё ЭПОХУ «РАЗВІТОГА САЦЫЯЛІЗМА»

Анотацыя. Аналізуецца падрыхтоўка беларускіх кадрў вышэйшай кваліфікацыі для прамысловасці ў 1970–1980-я гг. Раскрыты некаторыя асаблівасці фарміравання кадравага складу прамысловасці БССР. У выніку выяўлены станоўчыя і адмоўныя заканамернасці падрыхтоўкі кадрў у савецкі перыяд. Устаноўлена, што спробы выправіць становішча ў эканоміцы шляхам падрыхтоўкі кадрў вышэйшай кваліфікацыі і ўкаранення розных метадаў павышэння якасці і эфектыўнасці кадравага патэнцыялу ва ўмовах існавання савецкай эканамічнай сістэмы не прынеслі чаканага выніку.

Ключавыя словы: кадры, кадры вышэйшай кваліфікацыі, падрыхтоўка кадрў, перападрыхтоўка і павышэнне кваліфікацыі, Беларусь, савецкі перыяд.

Лічыцца, што ў савецкую эпоху была створана эфектыўная сістэма падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі кадрў для ўсіх галін эканомікі. Наша мэта – прааналізаваць падрыхтоўку беларускіх кадрў вышэйшай кваліфікацыі для прамысловасці ў 1970–1980-я гг., што дазваляе лепш зразумець змены ў сістэме падрыхтоўкі кадрў у пераходны постсавецкі перыяд і ў сучаснай Беларусі.

Напрыканцы 1960-х – пачатку 1970-х гг. у гаспадарча-культурным комплексе БССР не хапала спецыялістаў з вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыяй, якія павінны былі замяніць на вытворчасці так называемых «практыкаў» – работнікаў, якія працавалі на адказных пасадах не ў адпаведнасці з атрыманай адукацыяй, а выключна дзякуючы практычнаму вопыту.

Савецкая Беларусь адставала ад іншых рэгіёнаў СССР па колькасці спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй. Так, на тысячу насельніцтва тут прыходзілася 57 спецыялістаў такога ўзроўню, у той час як па краіне гэты паказчык складаў 65 чалавек. Нягледзячы на тое, што ў рэспубліцы працавалі 28 вышэйшых навучальных устаноў (ВНУ) з колькасцю 137,3 тыс. студэнтаў, па гэтаму паказчыку БССР сярод саюзных рэспублік займала толькі 11-е месца. Увядзенне новых прамысловых прадпрыемстваў стварала яшчэ большы дэфіцыт інжынерных кадрў, асабліва ў галіне машынабудавання, вылічальнай тэхнікі, аўтаматызаваных сістэм кіравання, патрэбнасць у якіх задавальнялася на 58 % [1, с. 469].

У маі 1970 г. ЦК КПБ накіраваў у ЦК КПСС ліст «Аб стане развіцця навукі і вышэйшай адукацыі ў Беларускай ССР», дзе ўздымалася пытанне аб неабходнасці адкрыцця ў рэспубліцы шэрагу вышэйшых навучальных устаноў. З 1 студзеня 1973 г. на базе тэхналагічнага факультэта Магілёўскага машынабудаўнічага інстытута (сёння – Беларуска-Расійскі ўніверсітэт) пачаў працаваць Магілёўскі тэхналагічны інстытут (з 2021 г. – Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

харчовых і хімічных тэхналогій). Ён стаў адзінай у рэспубліцы вышэйшай установай, якая разгарнула падрыхтоўку спецыялістаў для харчовай і перапрацоўчай галін аграпрамысловага комплексу і хімічнай прамысловасці [4, арк. 2–53]. На базе філіяла Беларускага тэхналагічнага інстытута з 1974 г. шматпрофільную падрыхтоўку інжынераў разгарнуў Наваполацкі палітэхнічны інстытут. З 1 студзеня 1980 г. вышэйшая школа БССР папоўнілася яшчэ адной навучальнай установай – Гомельскім кааператыўным інстытутам. У выніку ў 1985/86 нав. г. колькасць ВНУ ў Беларускай ССР дасягнула 33, а кантынгент студэнтаў склаў 181,9 тыс. чалавек [1, с. 469].

У 1981–1985 гг. пачалася падрыхтоўка інжынерных кадраў па кірунках «Сістэмы аўтаматызаванага праектавання», «Аўтаматызацыя і комплексная механізацыя хіміка-тэхналагічных працэсаў», «Робататэхнічныя сістэмы», «Будаўніцтва цеплавых і атамных электрастанцый», «Паўправадніковыя і мікраэлектронныя прыборы» і інш. Калі ў 1971 г. кадры рыхтаваліся па 165 спецыяльнасцях, то ў 1985 г. – па 2056. За 1981–1984 гг. выпуск спецыялістаў у галіне электроннай тэхнікі і аўтаматызацыі вырас на 27,5 %, комплекснай механізацыі, машынабудавання – на 45 %, аўтаматызаваных сістэм кіравання – на 66 %. Колькасць спецыялістаў па эксплуатацыі і наладцы станкоў з праграмным кіраваннем павялічылася ў 2,4 разы, рамонту і абслугоўванню бытавой радыёэлектроннай тэхнікі – у 5,5 разы і г. д. Рэалізоўвалася Комплексная праграма па падрыхтоўцы і перападрыхтоўцы кадраў у вобласці стварэння і эксплуатацыі робататэхнічных комплексаў (РТ), гнуткіх вытворчых сістэм (ГВС) і сістэм аўтаматызаванага праектавання (САПР). У васьмі ВНУ Беларусі толькі за 1987 г. падрыхтавалі адпаведных спецыялістаў у колькасці 1274 чалавек [3, с. 137; 6, арк. 132, 133]

Патрабаванні тэхнічнага прагрэсу ў вытворчасці паспрыялі стварэнню вучэбных кафедраў на вядучых прадпрыемствах БССР. Так, у пачатку 1970-х гг. на Мінскім трактарным заводзе была створана кафедра калёсных трактароў Беларускага палітэхнічнага інстытута. З верасня 1975 г. на Беларускам аўтамабільным заводзе пачала дзейнічаць кафедра вялікагрузных аўтамабіляў. У сярэдзіне 1980-х гг. на Магілёўскім ВА «Хімвалакно» стварылі філіял кафедры «Хімічнай тэхналогіі высокамалекулярных злучэнняў» Магілёўскага тэхналагічнага інстытута [1, арк. 471; 4, арк. 214–215]. Арганізацыя такіх вучэбных структур садзейнічала больш эфектыўнаму выкарыстанню кваліфікаваных завадскіх кадраў для навучання і выхавання будучых спецыялістаў, збліжэнню вучэбнага працэсу з вытворчасцю, больш шырокаму выкарыстанню ў вучэбных мэтах вытворчай базы прадпрыемстваў.

На падрыхтоўцы кадраў вышэйшай кваліфікацыі негатыўна адбівалася недастатковае фінансаванне. Не хапала ўласных вучэбных плошчаў. Хранічнай была праблема забеспячэння студэнцкай моладзі інтэрнатамі. Складанасці ў арганізацыі вучэбнага працэсу, нізкая зарплата выпускнікоў ВНУ зніжалі зацікаўленасць моладзі ў набыцці вышэйшай адукацыі. Калі ў 1975 г. у БССР

дакументы на паступленне ў ВНУ падаваў кожны дзесяты выпускнік, то ў 1981 г. – толькі дваццаты, што на чвэрць зменшыла колькасць абітурыентаў. За 1970–1980 гг. колькасць выпускнікоў, якія здавалі экзамены на дзённыя аддзяленні вышэйшай школы, скарацілася з 42 % да 32 %, а па ўсіх формах навучання – з 48 % да 36 % [1, арк. 473; 3, арк. 138].

Нягледзячы на прынятыя арганізацыйныя меры, праблема забеспячэння прамысловага комплексу рэспублікі кадрамі вышэйшай кваліфікацыі працяглы час заставалася не вырашанай. У 1985 г. на прадпрыемствах БССР кожны другі кіраўнік цэха і яго намеснік, кожны трэці галоўны спецыяліст, палова эканамістаў, каля 70 % галоўных і старшых бухгалтараў не мелі вышэйшай адукацыі. У той жа час шмат дыпламаваных кадраў выкарыстоўваліся не па спецыяльнасці. Напрыканцы 1984 г. больш за 111 тыс. з іх працавалі на пасадах, якія не патрабавалі ні вышэйшай, ні сярэдняй спецыяльнай адукацыі [7, арк. 25–26; 8, арк. 13, 15; 9, арк. 14–15; 10, арк. 65].

У даследуемы перыяд праблему забеспячэння неабходнымі кадрамі ў пэўнай ступені дапамагала вырашыць сістэма перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі. У БССР сетка павышэння кваліфікацыі кіруючых работнікаў і спецыялістаў народнай гаспадаркі ўключала на 1985 г. 136 вучэбных цэнтраў, створаных пры 34 міністэрствах і ведамствах БССР, у тым ліку 12 інстытутаў, 13 факультэтаў, 19 вучэбна-курсавых камбінатаў, 59 курсаў і 33 іншых вучэбных цэнтра, у якіх штогод праходзілі абучэнне каля 70 тыс. чалавек. Акрамя таго, у БССР былі вучэбныя цэнтры павышэння кваліфікацыі саюзнага падпарадкавання. Змены, якія адбываліся ў палітычным і эканамічным развіцці краіны, выклікалі неабходнасць перагляду тэматыкі і зместу навучальнага працэсу. За 1988–1989 гг. пры ВНУ БССР былі арганізаваны два міжгаліновых інстытута, 11 факультэтаў і курсаў павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кіруючых работнікаў і спецыялістаў у галіне новай тэхнікі і прагрэсіўных тэхналогій, удасканалення гаспадарчага механізма, знешнеэканамічных сувязей. У 1989 г. у БССР павысілі кваліфікацыю больш за 180 тыс. кіруючых работнікаў і спецыялістаў, з іх у інстытутах – 44 %, на факультэтах – 8 %, на курсах – 48 %.

Існавалі недахопы і невырашаныя праблемы. Павышэнне кваліфікацыі вельмі часта падмянялася нарадамі, семінарамі, тэхнічнай вучобай. Не забяспечвалася ўстаноўленая перыядычнасць абучэння кадраў, якая складала 10 год (пры норме – 5 год), а для кіраўнікоў прадпрыемстваў (арганізацый), работнікаў органаў кіравання – больш 15–20 год. Дзяржаўная сістэма павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў пачынаючы з 1988 г. адчувала вялікія цяжкасці з камплектаваннем.

Яшчэ адной формай павышэння кваліфікацыі былі стажыроўкі кіраўнікоў і галоўных спецыялістаў. Міністэрствы і ведамствы БССР вызначалі пералікі лепшых прадпрыемстваў і арганізацый для стажыроўкі ў іх кадраў прамысловасці, будаўніцтва, транспарта, гандлю, бытавога абслугоўвання насель-

ніцтва, калгасаў, саўгасаў і іх вытворчых падраздзяленняў. Адзначаючы вялікую карысць і значнасць стажыровак, варта адзначыць, што часам стажыроўка пераўтваралася ў фармальнасць – спецыялісты (асабліва кіраўнікі) з'яўляліся толькі ў пачатку стажыроўкі, каб скласці і зацвердзіць план яе праходжання, і напрыканцы, каб забраць станоўчы водгук і пасведчанне.

Аналіз падрыхтоўкі, перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі беларускіх кадраў у эпоху «развітога сацыялізма» і апошнія пяці год існавання Савецкай Беларусі дазваляе адзначыць, што станоўчым было развіццё ў рэспубліцы вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі. Пачалася падрыхтоўка кадраў па новых спецыяльнасцях, абумоўленых запытамі навукова-тэхнічнага прагрэсу. Існавалі розныя формы перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі работнікаў. Адмоўным было тое, што пры падрыхтоўцы спецыялістаў дзейнасць навукова-даследчых, праектна-канструктарскіх і тэхналагічных арганізацый, навуковых падраздзяленняў ВНУ не была канцэнтравана ў поўнай меры на вырашэнні найважнейшых навукова-тэхнічных праблем. У прыватнасці, стварэнне якасных і канкурэнтаздольных тавараў народнага спажывання на аснове ўкаранення новых, перадавых тэхнічных распрацовак. Нягледзячы на няўхільны рост удзельнай вагі асоб з вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыяй сярод інжынерна-тэхнічных работнікаў і скарачэнне долі «практыкаў», па ранейшаму назіралася расслаенне кіраўніцкіх кадраў прамысловасці і прадпрыемстваў на групы «практыкаў» і спецыялістаў з высокай профільнай адукацыяй.

Спробы выправіць становішча ў эканоміцы шляхам падрыхтоўкі кадраў вышэйшай кваліфікацыі і ўкаранення розных метадаў павышэння якасці і эфектыўнасці кадравага патэнцыялу ва ўмовах існавання савецкай эканамічнай сістэмы не прынеслі чаканага выніку. У перыяд «развітога сацыялізма» на адказных пасадах як у сферы дзяржаўнага кіравання, так і ў прамысловасці пераважалі асобы сталага ўзросту. Нізкая змяняльнасць і адсутнасць матэрыяльнай матывацыі ў працы спецыялістаў перашкаджалі абнаўленню кадравага патэнцыялу і развіццю эканомікі БССР. З 1985 г. у сувязі з правядзеннем палітыкі «паскарэння і перабудовы» спрабавалі шляхам вылучэння на кіруючыя пасады новых работнікаў правесці працэс «амаладжэння» кадравага патэнцыяла краіны, але гэтага не адбылося таму, што сістэма рэалізацыі кадравай палітыкі заставалася ранейшай.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа; Экоперспектива, 2011. – 728 с.
2. 40 лет Могилевскому государственному университету продовольствия / редкол.: В. А. Шаршунов (пред.). – Минск: БГУ, 2013. – 463 с.
3. **Пушкін, І. А.** Кадравы патэнцыял прамысловасці ўсходніх рэгіёнаў БССР (1944–1991): манаграфія / І. А. Пушкін, А. Р. Агееў. – Магілёў: БДУТ, 2022. – 302 с.

4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 1039.
5. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці (ДАГАМаг). – Ф. 9. Воп. 149. Спр. 15.
6. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВц). – Ф. 1-п. Воп. 124. Спр. 8.
7. ДАГАМаг. – Ф. 9. Воп. 162. Спр. 12.
8. ДАВц. – Ф. 1-п. Воп. 161. Спр. 28.
9. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 575.
10. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 10. Спр. 2274.

УДК 94(450) + 32(450)

Н. М. Савченко

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ПЕРВОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Освещена проблема политического кризиса Первой Итальянской Республики в первой половине 1990-х гг. в российской историографии. Несмотря на проявляемый исследователями интерес к истории Италии, отмечается, что данная тема представлена фрагментарно.

Ключевые слова: Италия, итальянистика, политический кризис, российская историография.

Исследователи Российской Федерации всегда проявляли неугасающий интерес к истории Италии, ее политическому и социально-экономическому развитию в послевоенный период, а также внешней политике и российско-итальянским отношениям. В результате были изданы сотни научных работ. В них были детально проанализированы такие проблемы, как становление и функционирование государственных институтов; наследие антифашистского движения Сопротивления; основные этапы и тенденции политической борьбы в Италии; трансформация традиционных итальянских партий и движений; проявление регионалистских и сепаратистских тенденций, терроризм и борьба с мафией. Такие ученые, как В. П. Любин, И. Б. Левин, И. В. Григорьева, Н. П. Комолова, Ю. П. Лисовский, К. Г. Холодковский, внесли значительный вклад в изучение проблем итальянской истории послевоенного периода. З. П. Яхимович и Н. Ю. Попов занимались проблемой создания и деятельности итальянского парламента. Вопросы внешней политики Италии второй половины XX в. изучали такие ученые, как Т. В. Зонова, О. Н. Барабанов, Н. К. Арбатова, О. В. Муромцева, Е. А. Матвеева и др.

При освещении ключевых проблем итальянской истории российские исследователи учитывают особенности развития общественных и государственных институтов, региональную специфику, традиционные устои итальянской политической культуры.

Среди всех вышеперечисленных ученых пальма первенства, несомненно, принадлежит доктору исторических наук, публицисту, переводчику, специалисту в области новейшей истории ряда европейских стран и международных отношений, ведущему научному сотруднику Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) Валерию Петровичу Любину.

В 2013 г. в Институте всеобщей истории РАН была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук С. М. Гавриловой на тему «Политическая история современной Италии (1945–2011) в трудах российских ученых», по итогам которой была издана монография. Соискатель подробно проанализировала изданные научные работы и отметила, что труды В. П. Любина наиболее полно освещают политическую культуру послевоенной Италии, деятельность Итальянской социалистической партии (ИСП), анализируют события, начавшиеся в 1990-е гг. и ставшие переломными в истории республики. И. Б. Левин также исследует проблему итальянского кризиса и политического переустройства. Ю. П. Лисовский изучает этапы развития и упадка итальянской демократии, анализирует влияние «Южного вопроса» на социальные конфликты в итальянском обществе. Понять процессы, происходившие в Италии после Второй мировой войны, помогают научные труды Н. П. Комоловой. Автор детально объясняет, как движение Соппротивления повлияло на формирование институтов власти и возрождение парламентской системы страны. К. Г. Холодковский подробно исследует рабочее движение в Италии, социально-политическое сознание, партийную систему в послевоенный период. В работах Т. В. Зоной детально изучаются вопросы дипломатии и внешней политики Италии [1].

В 1990-е гг. началась коренная перестройка политической системы, традиционные партии были дискредитированы коррупционными скандалами, вскрытыми благодаря проведенной операции по борьбе с коррупцией «Чистые руки», и исчезли с политической арены. На их месте возникли новые партийные движения и союзы, непривычные для итальянского политического ландшафта, радикально обновился состав политической элиты, пропорциональную избирательную систему сменила мажоритарная, начался переход ко Второй республике, и в целом, политический облик Италии кардинально изменился. Эти события, несомненно, привлекли внимание российских исследователей.

Проблема политического кризиса Итальянской Республики в первой половине 1990-х гг. является важным и актуальным аспектом в изучении новейшей истории страны. Это был кризис, включающий делегитимацию всей институциональной архитектуры и политической практики, оставшихся неизменными на протяжении почти пятидесяти лет. В обществе назрела необходимость основательных институциональных реформ для установления

новых политических правил. В СМИ велись оживленные дебаты, был проведен ряд важных референдумов.

Эти перемены не остались незамеченными в научном мире и привлекли внимание историков, политологов, социологов и других исследователей в Италии и за рубежом. В отечественной исторической науке проблема политического кризиса, его причин, этапов и последовавших за этим перемен в социально-политической жизни Италии исследована недостаточно.

В российской историографии рассматриваемая проблема представлена лишь отдельными статьями, посвященными некоторым ее аспектам. В целом они носят фрагментарный характер и, соответственно, не могут дать четкого представления о причинах острого политического кризиса Первой Итальянской Республики. Некоторые исследователи посвятили свои работы проблеме возникновения этого феномена в итальянской истории и скрупулезно прослеживали его этапы (В. П. Любин, С. Старцев), другие искали ответ на него в социально-экономическом развитии страны в послевоенное время (А. В. Авилова, Г. Н. Зевелева, Н. Паклин). Среди российской научной литературы, изданной с 1990-х гг., следует выделить, прежде всего, работы И. Б. Левина и В. П. Любина [4, с. 59]. Несомненный интерес представляет монография В. П. Любина, посвященная столетней истории ИСП. Автор представил социалистов в контексте сложной и своеобразной партийно-политической системы как часть левых сил и попытался по-новому интерпретировать феномен «итальянского социализма», учитывая достижения российской и зарубежной историографии.

Определенную историографическую ценность сохранили фундаментальные исследования, подготовленные Институтом всеобщей истории АН СССР и Институтом научной информации по общественным наукам АН СССР, в которых отражены важнейшие точки зрения историков и политологов на события, происходившие в Италии до конца 1980-х гг. Работы советских авторов дают цельное представление о послевоенной истории Италии и помогают глубже понять процессы, оказавшие воздействие на современную ситуацию в стране. Труды В. И. Гантмана, Н. В. Гоффе, Ю. П. Лисовского, Л. Б. Попова отличаются основательным подбором фактического материала и высоким уровнем анализа.

Все вышеуказанные авторы, так или иначе, внесли вклад в изучение политической истории Италии 1990-х гг. Однако в Российской Федерации масштабы изучения проблемы политического кризиса Первой Итальянской Республики пока недостаточны по сравнению с работами в области исследования этой проблемы в итальянской и англо-американской историографии.

Малоизвестные и новые источники, которые хранятся в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а также в уникальном книжном фонде Института научной информации по общественным наукам Российской Федерации (ИНИОН РАН) и Государственной публичной исторической

библиотеки России (ГПИБ), представляют несомненный интерес для исследователей. В АВП РФ содержатся документы единой референтуры по Италии первого европейского отдела МИД СССР (фонд 98), а также посольства СССР в Италии (фонд 176). Они содержат официальные материалы по многим аспектам проблемы политического кризиса Итальянской Республики, которые помогают сформировать целостное представление о причинах кризиса. В частности, необходимо отметить подробные хроники внутривластных событий, происходивших в Италии в конце 1960-х – середине 1980-х гг., доклад заместителя генерального секретаря ИКП Э. Берлингуэра на заседании ЦК и ЦИК ИКП 21 апреля 1970 г., так называемый «Пакет» Фанфани, содержащий предложения к переговорам о восстановлении коалиционного правительства «левого центра», а также данные о государственных программах инвестирования в южные районы страны. В ИНИОН РАН и ГПИБ России наряду с документальными материалами содержатся и нарративные источники, представляющие несомненный интерес для исследователей.

В 2000-е гг. российские исследователи продолжали заниматься изучением процессов, происходивших в Италии, и пристально следить за изменениями в политической и социально-экономической жизни страны. В мае 2014 г. в Институте Европы РАН состоялась международная научная конференция, по результатам работы которой был издан сборник научных трудов, посвящённых актуальным проблемам развития современной Италии, в том числе трансформации политической системы, феномену Сильвио Берлускони в истории Италии, иммиграционной политике, российско-итальянским отношениям [3, с. 5].

В 2015 г. вышел сборник статей по итогам конференции, проведенной в Институте мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН). В ней также приняли участие итальянисты из Института всеобщей истории РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Высшей школы экономики, Института Европы РАН и других научно-исследовательских центров. Исследователи рассмотрели проблемы политической и экономической модернизации, вопросы структурного реформирования итальянской экономики и влияния реформ на социальную сферу, реформу избирательной системы, вопросы внешней политики Италии [2, с. 5–6].

Таким образом, несмотря на отсутствие в Российской Федерации центров изучения истории современной Италии, существует достаточное количество исследователей, занимающихся проблемами исторического, политического и социально-экономического развития Итальянской Республики. В российской итальянистике рассматриваются не только ключевые моменты политической истории послевоенной Италии, но и некоторые менее важные аспекты. Однако ряд проблем остается либо мало изученным, либо вообще незатронутым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гаврилова, С. М.** Политическая история современной Италии (1945–2011) в трудах российских ученых: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / С. В. Гаврилова; Ин-т всеобщей истории РАН. – Москва, 2013.
2. Италия в начале XXI века: сб. ст. по итогам конф. / отв. ред. А. В. Авилова, Ю. Д. Квашнин. – Москва: ИМЭМО РАН, 2015. – 152 с.
3. Итальянская Республика в меняющемся мире = The Italian Republic in a Changing World / Под ред. А. А. Язьковой. – Москва: Ин-т Европы РАН, 2014. – 142 с.
4. **Савченко, Н. М.** Политический кризис Итальянской Республики в первой половине 1990-х гг.: проблемы историографии / Н. М. Савченко // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 2. – С. 58–62.

УДК 93

Л. Н. Соза

ЕВРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА КОЛОМНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Рассмотрено положение еврейской диаспоры в уездной Коломне Московской губернии во второй половине XIX – начале XX в. На основе сравнительного анализа рассмотрен национально-конфессиональный состав Коломны и других уездных городов губернии. Архивные материалы позволили выявить изменения в численности еврейского населения. Определено, что в 60–80-х гг. XIX в. происходило увеличение количества иудеев за счет притока мигрантов из западных губерний; напротив, на рубеже веков наблюдалось сокращение численности вследствие правительственных притеснений. Изучена хозяйственно-экономическая деятельность еврейского населения, определены основные виды занятий – торговля и ремесло, которые обеспечивали горожан товарами и продукцией повседневного спроса. Несмотря на правительственные гонения, еврейская диаспора мирно соседствовала с коренным населением, сохраняла приверженность своим религиозным традициям, что не исключало единичные переходы в православие.

Ключевые слова: еврейская диаспора, иудаизм, национально-конфессиональный состав, Московская губерния, Коломенский уезд, черта оседлости.

Российская империя являлась многонациональным и поликонфессиональным государством, поэтому ее судьба во многом зависела от состояния и обустройства населяющих ее народов. Обращение к конфессиональному составу населения во второй половине XIX – начале XX в. предполагает изучение вопроса межэтнических отношений в российском обществе, в том числе истории еврейских диаспор. Еврейские общины, расселенные в различных губерниях империи, различались уровнем экономического и социокультурного развития, что определило специфику их включения в структуру того или иного региона [1]. Москва и Московская губерния стали одним из регионов центральной России, куда направлялись миграционные

потоки иудейского населения и, как следствие, происходила ассимиляция евреев в русском обществе.

На территории Московской губернии крупным торгово-промышленным городом являлась уездная Коломна, где проживали представители всех этносов и конфессий. Подробные сведения о численности национально-конфессионального населения Коломны были извлечены из комплекса отчетной документации местной полицейской власти, ведомостей губернской статистики. Такого рода материалы представлены в фондах Коломенского уездного полицейского управления (ф. 492), Московского губернского статистического комитета (ф. 199), Московской казенной палаты (ф. 51), Центрального государственного архива г. Москвы (далее – ЦГА г. Москвы). Введение в научный оборот этих источников позволяет проследить представительство и качественные изменения городских конфессий в Коломне, в частности еврейской диаспоры, более чем за 25 лет.

Кроме христиан, в Коломне проживало много приверженцев иных верований – иудаизма, протестантизма, католицизма, ислама (магометанства, мусульманства). Если учесть, что в описываемое время религиозная принадлежность была теснейшим образом увязана с национальной, то становится очевидным постоянное соседство городских великороссов с представителями других этносов. Численность иноверческих групп не оставалась стабильной ни по численности, ни по составу и изменялась в связи с экономической и политической ситуацией в стране и регионе.

Материалы Переписи населения 1897 г. дают возможность, опираясь на сведения о родном языке жителей, рассмотреть национальный состав Коломны. В городе с традиционно основным русским населением проживали поляки, чехи, словаки, литовцы, латыши, эстонцы, французы, немцы, евреи, итальянцы, англичане, цыгане, татары, чуваша. Самые многочисленные инонациональные диаспоры составляли: поляки – 241 человек (1,2 %), немцы – 175 человек (0,86 %) и евреи – 143 человека (0,7 %) (табл. 1).

Наряду с Коломной, такой же пестрый конфессиональный состав имели только промышленные города губернии – Серпухов и Богородск. Для сравнения, в городах торгово-ремесленного и аграрного типов – Клин, Дмитров, Бронницы, Можайск, Волоколамск, Руза и др. – представители иных (неправославных) вероисповеданий либо отсутствовали, либо были единичны [2, л. 27–62].

В 1860–1880-х гг. в Коломне наблюдалось увеличение количества иудеев (евреев) с 72 человек в 1866 г. и 101 – в 1871 г. до 162 – в 1882 г., что было связано с принятием ряда законов (1856–1879), разрешающих евреям отдельных категорий проживание в любом районе Российской империи: купцам первой гильдии, тем, кто закончил высшие учебные заведения, механикам, пивоварам, винокурам, дантистам, аптекарским помощникам, фельдшерам. Местное еврейское население начало стремительно увеличиваться

в 1870-х гг., когда социальное притеснение в «черте оседлости» совпало с экономическим подъемом в губернии.

Табл. 1. Распределение населения г. Коломны по родному языку и сословиям в конце XIX в.

Население	Родной язык						
	рус-ский	поль-ский	роман-ский	немец-кий	ост. индо-евро-пейский	еврей-ский	турец-ко-татар-ский
Дворяне потомственные	306	32	–	10	–	–	–
Дворяне личные, чиновники не из дворян	357	5	–	2	–	–	–
Лица духовного звания	495	–	–	–	–	–	–
Потомственные и личные почетные граждане	248	–	–	13	–	–	–
Купцы	408	–	–	–	–	3	–
Мещане	7994	53	1	58	52	135	–
Крестьяне	9627	150	–	12	3	4	27
Иностранные подданные	11	7	22	80		–	–
Лица, не указавшие сословия	134	1	–	3	–	1	–
Всего	19580	248	23	178	55	143	27

Источники: Первая Всеобщая перепись населения 1897 г., Московская губерния. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. XXIV. – С. 334–337.

Но с 1890-х гг. прослеживается обратное: численность еврейской диаспоры в Коломне уменьшилась к 1897 г. до 101 человека, а к 1909 г. – до 50. Последний показатель сохранился и на 1913 г. Такая отрицательная динамика объясняется известными правительственными стеснениями для проживания евреев вне «черты оседлости». В 1882 г. «Временные правила» вновь запрещали российским подданным еврейской национальности селиться вне городов и местечек (кроме еврейских колоний, занимающихся земледелием), арендовать, приобретать в собственность и распоряжаться недвижимым имуществом.

В 1891 г. был введен запрет механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам переселяться в Москву и губернию, а те, кто уже там жил, должны были выехать в «черту оседлости».

Архивные документы свидетельствуют, что проживавшие в Коломне иудеи (купцы и мещане) в большинстве своем являлись уроженцами Могилевской, Ковенской, Люблинской и Полтавской губерний. Так, например,

Эльман Абрам, Кормер Нохим, Кантер Лейман, Фейдман Лейба и Ленский Абрам были причислены к могилевским мещанам; Кантер Юда и Шен Арон – оршанским мещанам. Еврейская диаспора, имевшая официально разрешенный молельный дом, стремилась сохранить традиции и обрядность веры предков. Поэтому религиозные обряды совершались в доме одного из уважаемых членов общины – Манасевича Маркуса, имевшего свидетельство московского общественного раввина на право совершения иудейских обрядов [3, л. 33–49]. Отметим, что факты рождения, браков, смертей фиксировались в метрических книгах, которые велись в московской хоральной синагоге.

Тем не менее уездным полицейским управлением фиксировались случаи принятия евреями христианства (православия). Архивы сохранили дела «О просьбе переkreщенного из евреев О. Левина приписать его к коломенскому мещанскому обществу и выдать вид на жительство», «Прошение М. Хаушпигеля христианского вероисповедания о причислении к мещанскому обществу» и т. д.

В Коломне евреи приобретали в городской управе промысловые свидетельства, что позволяло им заниматься торговлей и ремеслом. Статистическими ведомостями учтены (по специальностям) следующие еврей-ремесленники: портные, часовщики, булочники, скорняки, золотых и серебряных дел мастера, сапожники, цирюльники, слесари.

В фондах ЦГА г. Москвы сохранились документы о получении купчихой 2-й гильдии Доброй Хаушпигель промыслового свидетельства на торговое предприятие 2-го разряда, а провизором Германом Левитаном – на торговое предприятие также 2-го разряда и т. п. [4, л. 8]. Наибольшей популярностью в городе пользовались часовые мастерские Н. М. Кормера, С. В. Поллера, Н. Ф. Ремпе и Я. Б. Позина, которые находились на центральной Астраханской улице.

В донесении пристава г. Коломны Коломенскому уездному исправнику о евреях, проживающих в городе в 1891 г., указывается, что часовщик Н. М. Кормер «работает сам лично, имеет двоих рабочих; имеет свидетельство и действительно занимается своим ремеслом». Хотя в городе, говорилось в документе, «имелись русские часовщики Зуборев и Иванов, но к коим имелось мало доверия», большинство жителей обращалось к Кормеру как «имеющему порядочный магазин и добросовестно выполняющему работы». Часто население пользовалось услугами золотых и серебряных дел мастера Б. Я. Вакса, портных Л. Ханзеля и Э. И. Хаушпигеля, торговца Е. Л. Ханзеля [5, л. 23]. В начале XX в. на центральной улице города – Астраханской – размещались велосипедные мастерские-магазины И. Н. Бугарева (ремонт занимался владелец с сыновьями) [6, л. 66 об.], было подобное заведение и еврея С. В. Поллера (наряду с ремонтом, предлагались велосипедные принадлежности по оптовым ценам).

В 1891 г. коломенский уездный исправник в рапорте на имя московского губернатора, представляя сведения о лицах еврейской национальности, в заключении сделал необоснованный, не подкрепленный фактами вывод: «еврейская каста, поселившаяся к кругу еврейского населения, положительно не приносит никакой пользы последнему, а, напротив, разоряет христианство ... евреи, где бы не селились, под предлогом различного ремесла, высасывают последние крохи у христиан, относящихся ко всему с доверием». Подобные умозаключения отражали настроения российского общества к еврейству в период правительственных гонений 90-х гг. XIX в. В этот период шло значительное выселение иудеев за «черту оседлости», в связи с чем полицейской частью представлялись подробные характеристики евреев с обоснованием выдворения. Однако изгнанию не подлежали наиболее «ценные персоны». Так, Вакс Берхо получил право на продление срока пребывания в Коломне, поскольку являлся золотых и серебряных дел мастером и «за отсутствием в городе других таких мастеров выселению не подлежал»; известный в городе часовщик Позен Янкель также не подлежал выдворению. Но это были единичные случаи, и большинство лиц еврейской национальности с семьями из города были выселены [7, л. 16].

И только в начале XX в. на волне Первой русской революции, в связи с введением в 1905 г. указа о веротерпимости, притеснения и гонения на евреев были ослаблены.

Таким образом, анализ комплекса архивных документов показал, что на протяжении второй половины XIX в. происходила интеграция евреев в экономическую и социокультурную структуру Московского региона. В Коломне, как крупном промышленно-торговом городе, существовала значительная еврейская диаспора, численность которой изменялась на протяжении исследуемого периода: в 60–80-х гг. XIX в. происходило увеличение количества иудеев за счет притока мигрантов из западных губерний; напротив, на рубеже веков наблюдалось сокращение численности вследствие правительственных притеснений. Хозяйственно-экономическая деятельность еврейского населения была связана с торговлей и ремеслом, которые обеспечивали горожан товарами и продукцией повседневного спроса. Несмотря на правительственные гонения, еврейская диаспора мирно соседствовала с коренным населением, сохраняя приверженность своим религиозным традициям, что не исключало единичные переходы в православие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Комятова, А. Н.** Еврейство в социокультурном пространстве северного города Российской империи XIX – начала XX века / А. Н. Комятова // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 6.
2. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 199. Оп. 2. Д. 698.
3. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 152.

4. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 51. Оп. 7. Д. 3030.
5. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 581.
6. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 350.
7. ГБУ «ЦГА Москвы». – Ф. 492. Оп. 2. Д. 152.

УДК 351.853.3(476.4)+904:726.82(476.4)«13/18»

В. В. Черевко

«СЕКРЕТНО, СРЕДИ БЕЛА ДНЯ»: ЭПИЗОД КЛАДОИСКАТЕЛЬСТВА В ЧАУСОВСКОМ УЕЗДЕ В 1781 Г.¹

Аннотация. Описаны поиски клада, происходившие в Чаусовском уезде Могилёвского наместничества в 1781 г. Информация о «кладорытии» содержится в мемуарах чиновника Г. И. Добрынина, бывшего непосредственным участником поисков. Интересной подробностью является то, что поиски проводились чиновниками по секретному поручению наместника Н. Б. Энгельгардта. Местом, где предположительно был спрятан клад, являлось действующее сельское кладбище возле деревни Смолки. Информация о кладе была получена местным шляхтичем от «старых людей» и не подтвердилась. Сообщение Г. И. Добрынина содержит ценную информацию о целенаправленном нарушении погребений для поиска клада, предпринятом официальными должностными лицами.

Ключевые слова: кладоискательство, кладбище, мемуары Гавриила Добрынина, Чаусовский уезд Могилёвского наместничества.

Места последнего упокоения всегда имеют особый статус. Посещение их в определённые дни, поддержание в порядке могил умерших родственников объединяют представителей разных поколений, обеспечивают единство семьи и память о предках. В традиционной белорусской культуре регламентировались и правила поведения на кладбищах. Так, брать себе, забирать что-либо с кладбища не было принято, даже если речь идёт о ягодах или природных цветах. Сознательное ограбление могил в крестьянской среде однозначно запрещалось и осуждалось [2, с. 404–405]. Подобное отношение к погребениям сохранялось у представителей привилегированных сословий. Такое отношение к кладбищам и погребениям в целом продолжает бытовать и сейчас.

Разумеется, на старых, существующих долгое время кладбищах при захоронениях происходили случаи нарушения более ранних погребений [3, с. 124, 127]. Могло иметь место и целенаправленное нарушение погребений для подзахоронений. Но такие действия были либо ненамеренными, либо объяснялись особенностями погребальной практики (подзахоронение ребёнка в

¹Работа выполнена в рамках проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Погребальные памятники Полоцка XI–XVIII вв. в контексте развития синхронных некрополей Белорусского Подвинья: погребальный обряд, инвентарь, палеоантропологическая характеристика» (№ ГР 20221071 от 06.07.2022).

могилу умершего родственника) [4, с. 122–123]. Они не преследовали цели поиска ценных предметов.

Подобные представления и практика поведения не всегда распространялись на погребения, которые не воспринимались местным населением в качестве «своих». Известны случаи поиска кладов в курганах. Раскопками курганов занимались и крестьяне, и археологи-любители из числа помещиков. Такие действия, проводимые как с научной целью, так и из меркантильных интересов, были частной инициативой. Эпизод кладоискательства, произошедший в Чаусовском уезде в 1781 г., интересен как тем, что поиски клада проводились государственными служащими по поручению могилёвского наместника, так и тем, что поиски происходили на действующем кладбище. Сведения об этом случае содержатся в мемуарах Гавриила Ивановича Добрынина [1].

Г. И. Добрынин – чиновник, служивший в Могилёвском наместничестве (губернии) в конце XVIII – первой четверти XIX в. Его записки «Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная» содержат ряд любопытных зарисовок, отражающих быт провинциального чиновничества [5, с. 485]. Мемуарист дал критическую оценку некоторым губернским руководителям и описал ряд нестандартных жизненных и служебных ситуаций. Одной из таких ситуаций является эпизод с поиском клада, изложенный в параграфе с характерным названием «Кладорытие» [1, с. 141].

Началом истории, произошедшей в 1781 г., стал визит к Г. И. Добрынину его друга и коллеги Д. Р. Чугаевича, который вручил мемуаристу «секретный губернаторский ордер». В документе сообщалось, что некий шляхтич Норкевич обратился к властям с некоей информацией о кладе. В этой связи прокурору могилёвского губернского магистрата Полтавцеву и автору мемуаров предписывалось найти клад («оную поклажу»). Распоряжение было подписано Николаем Богдановичем Энгельгардтом, могилёвским наместником (губернатором) [1, с. 141–142].

Явившись в соответствии с указанием на квартиру к Полтавцеву, мемуарист нашёл его в довольно большой компании за завтраком. Компания радостно приветствовала гостя. Обсуждение «секретного» поиска, к недоумению рассказчика, велось открыто. После Полтавцев, Добрынин, Норкевич и два посторонних шляхтича на двух экипажах выехали из Могилёва по направлению к Чаусам – «секретно, среди бела дня», как иронически записал Добрынин. Заночевав в казённом имении Петровичи и затребовав там крестьян-«лопатников» для поиска клада, экспедиция прибыла на место поиска на следующее утро [1, с. 142–143].

Местом, где был зарыт клад, Норкевичем было определено действующее кладбище возле деревни Смолки Чаусовского уезда. Ещё по пути выяснилось, что информатор имеет самое неопределённое представление о кладе, который предстояло искать. Его сведения сводились к нехитрой информации: «все

старые люди знают и уверяют». По прибытии на место подозрения автора записок подтвердились. Норкевич не смог назвать место, где был закопан клад. Прокурор Полтавцев самоустранился от руководства поисками и занялся приготовлением обеда в придорожной корчме. Между тем работы ожидали сорок (!) затребованных из казённого имения крестьян. После обеда Г. И. Добрынин безуспешно попытался выведать у Норкевича хоть какие-нибудь приметы места. Услышав, что искать следует «тут на кладбище», чиновник, несмотря на скептическое отношение к этой идее, разделил крестьян попарно и велел им копать друг навстречу другу «по всему кладбищу, кому и где угодно, и где только можно» [1, с. 143–146].

«Кладорытие» продолжалось до вечера и весь следующий день. По словам мемуариста, были выкопаны не только отдельные кости, но и нарушены недавние погребения. Поиски клада на кладбище «всех живущих в окрестных селениях привели в ужас» [1, с. 146]. Никаких следов сокровища при этом не обнаружилось. На третий день участники поисков, посоветовавшись, приказали крестьянам закопать все ямы и траншеи. Неудачу экспедиции при докладе губернатору решено было объяснить недостоверностью сведений, полученных от невежественных и суеверных старых людей. Поиски на этом были завершены [1, с. 146].

Эпизод подаётся Г. И. Добрыниным в юмористическом ключе. Мемуарист осуждает жадность и корыстолюбие организаторов экспедиции, которые при этом оказались не способны организовать сам поиск. Любопытно, что являясь выходцем из семьи священника [5, с. 485] и выказывая скептическое отношение к самой возможности обнаружения клада на кладбище, автор не демонстрирует ни осуждения, ни возмущения «кладорытием» на действующем деревенском кладбище при церкви.

Таким образом, мемуары Г. И. Добрынина содержат редкое и ценное свидетельство о поисках клада, организованных по секретному поручению могилёвского наместника Н. Б. Энгельгардта в 1781 г. Поисками занимались два чиновника, якобы обладавший сведениями о местоположении клада шляхтич и, несмотря на конфиденциальность поручения, некоторое количество посторонних людей. Непосредственно «археологические раскопки» проводили сорок крестьян из казённого имения. Источником информации о сокровище послужили неопределённые сообщения «старых людей», что может трактоваться в рамках характерных для «народной археологии» представлений. Местом, где предположительно был спрятан клад, оказалось действующее кладбище, что не смутило организаторов. Клад в итоге так и не был найден. Сообщение Гавриила Ивановича Добрынина любопытно не только подробным описанием процесса поиска, но и тем, что организаторами подобной экспедиции стали губернские власти, а не частные лица. Сам эпизод с упомянутыми анекдотическими подробностями описан мемуаристом с явным расчётом позабавить читателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Добрынин, Г. И.** Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная [Электронный ресурс] / Г. И. Добрынин // Русская старина. – 1871. – Т. IV, № 8. – С. 97–153. – Режим доступа: <https://www.runivers.ru/lib/book4646/57324/>. – Дата доступа: 28.02.2023.

2. **Лобач, У. А.** Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве / У. А. Лобач. – Мінск : Тэхналогія, 2013. – 510 с.

3. **Чараўко, В. У.** Археалагічныя раскопкі на могільніку каля в. Жарнасекава Бешанковіцкага раёна Віцебскай вобласці ў 2013 г. / В. У. Чараўко // История и культура на стыке эпох и цивилизаций: историко-культурное наследие как ресурс и результат развития общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию М. К. Огинского, Минск, 25–26 сент. 2015 г. – Минск : Белнаучкнига, 2015. – С. 122–127.

4. **Чараўко, В. У.** Парушэнне пахаванняў і пахавальная практыка сельскага насельніцтва Беларускага Падзвіння позняга сярэднявечча – ранняга новага часу / В. У. Чараўко // Романовские чтения – 13: сб. ст. Междунар. науч. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – С. 122–123.

5. Щ. Добрынин Гавриил Иванович [Электронный ресурс] // Русский биографический словарь. Т. 6: Дабелов – Дядьковский / изд. под наблюдением А. А. Половцева. – Санкт-Петербург: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1905. – С. 485. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002921429?page=489>. – Дата доступа: 28.02.2023.

УДК 94(47).043

В. В. Шапошник

ЗАВЕЩАНИЕ ВАСИЛИЯ III И ВОПРОС О СУЩЕСТВОВАНИИ РЕГЕНТСКОГО СОВЕТА ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ¹

Аннотация. Рассматривается вопрос о содержании несохранившегося до нашего времени завещания (духовной грамоты) великого князя Василия III. Очевидно, что наследником престола в завещании объявлялся старший сын государя Иван Васильевич (будущий первый русский царь Иван Грозный). Однако в 1533 г. Иван был трехлетним ребенком и, очевидно, реально править не мог. В историографии утвердилось мнение, что умирающий Василий III передал управление государством до совершеннолетия наследника «регентскому» или «опекунскому» совету. Вместе с тем в последние годы появились утверждения, что «регентства» в Московской Руси не существовало. Автор пришел к выводу о том, что хотя в России того времени не было специального законодательства о регентстве и не использовались термины «регент», «регентский» или «опекунский совет», тем не менее можно

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00151 «Изменения состава и облика правящей элиты Русского государства в переломные периоды российской истории в XVI–XVII вв. (боярское правление, опричнина, Смутное время, царствования Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентство царевны Софьи)». – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/22-18-00151/>.

говорить о том, что фактически регентство имело место. И по предсмертным распоряжениям великого князя Василия III был создан регентский совет.

Ключевые слова: регентский совет, опекунский совет, власть, Василий III, Иван IV, духовная грамота.

В монархических государствах бывают ситуации, когда правитель не может выполнять свои функции. Как в таком случае осуществляется управление страной? Должно возникнуть регентство. Когда монарх сможет выполнять свои обязанности, полномочия регента или регентского совета прекращаются. Такие эпизоды были во многих государствах. В России также были периоды, когда возникала необходимость в подобном органе. Далее будет рассмотрен вопрос о том, существовало ли регентство в России после смерти великого князя Василия. Его наследнику Ивану IV было три года от роду и управлять страной он, очевидно, не мог.

Кто же должен был управлять страной в период его малолетства? В историографии пишется об «опекунах», «опекунском совете», «правительстве», «боярском совете», «регентском совете»². Споры идут о персональном составе «опекунов», «правителей» и «регентов». Кто бы ни входил в состав этих групп, эти лица должны были управлять государством в то время, когда великий князь Иван IV был ребенком. Управляя государством, они выполняли функции регента или регентского совета, хотя эти слова в отечественных источниках XVI в. не встречаются. Но отсутствие современной терминологии в источниках не может свидетельствовать о том, что не было самого явления.

Однако в последнее время в литературе появились утверждения о том, что регентства в России XVI в. не существовало. Так, М. М. Кром пришел к выводу о том, что институт регентства в нашей стране не сложился. Как пишет исследователь, «институт регентства как таковой не был выработан московской политической традицией; не существовало ... и самих понятий «регент» и «регентство». М. М. Кром отмечает, что в Священной Римской империи и Франции полномочия регента регулировались правовыми нормами. В России же XVI в. ничего подобного не было. Вместе с тем ученый указывает, что в условиях малолетства Ивана IV «реальные рычаги власти находились в руках других лиц, стоящих у трона», и говорит о том, что существовали «особые властные полномочия душеприказчиков» покойного великого князя Василия III. Свои выводы исследователь повторил и в другой работе: «последние распоряжения Василия III не предполагали создания каких-либо новых должностей или органов власти» и отмечает, что «в источниках нет ... следов деятельности мифического коллективного органа, именуемого в историографии «регентским» или «опекунским советом»³.

Безусловно, по распоряжениям Василия III не было создано особого органа

²См. [2, с. 226–232; 3; 7; 10, с. 81–87; 11, с. 33–36; 13, с. 12–51; 14, с. 60].

³См. [4, с. 22–23, 82, 164–167, 603–615; 5, с. 89–92].

власти с четко очерченными полномочиями. Однако великий князь понимал, что в период малолетства Ивана IV власть в стране должна перейти в чьи-то руки. Иван Грозный впоследствии писал, вспоминая о событиях 50-х гг. XVI в., что он «доидохом лет нарока отча, и под повелительми и приставники нам быти не пригоже»⁴. Отсюда следует, что Василий III определил возраст, с которого его сын должен начать самостоятельное правление. Но в таком случае можно говорить о «регентстве», «регентском» или «опекунском совете», пусть даже и при отсутствии таких терминов и специальных законов.

В свое время я обратил внимание на список бояр, «писанных» в духовной грамоте великого князя Василия, и предположил, что указанным в ней лицам поручалось ведение политических дел в период малолетства Ивана IV⁵. Недавно М. М. Кром, отметив важность сделанного мной наблюдения, не согласился с тем, что указанные в духовной грамоте великого князя Василия бояре могли получить какие-то особые полномочия⁶.

Для прояснения вопроса обратимся к записи, которую дал удельный князь Владимир Андреевич Старицкий Ивану IV в 1554 г. Среди обязательств князя Владимира есть такое: «А без бояр ми сына твоего, никоторого дела не далати, которые бояре в твоей государя моего душевной грамоте писаны ...».⁷ Речь идет о том, что в духовной грамоте Ивана Грозного были упомянуты бояре, которые должны были принимать участие в управлении страной при царевиче Иване Ивановиче и его матери царице Анастасии Романовне. Записанных в духовной грамоте бояр можно назвать участниками регентского или опекунского совета, который бы получил власть в случае смерти царя Ивана.

По аналогии можно полагать, что в завещании Василия III, скорее всего, были указаны бояре, получившие особые полномочия по управлению государством. В следующий раз вопрос об управлении государством при малолетнем наследнике встал в марте 1553 г., когда Иван Грозный тяжело заболел и произошел так называемый «боярский мятеж». События, произошедшие в период болезни Ивана IV, описаны в приписке к Царственной книге⁸. К моменту болезни у Ивана IV был единственный ребенок – царевич Дмитрий. Естественно, что Грозный хотел, чтобы престол наследовал Дмитрий. Была составлена духовная грамота, наследником объявлялся сын. Часть придворных целовала крест царевичу без промедления. Приписка называет их поименно⁹. Очевидно, что сам царевич Дмитрий править не мог. Следовательно, царь должен был позаботиться о том, кто же будет реально править государством до

⁴См. [6, с. 21].

⁵См. [13, с. 12–51]. Перечень бояр находится в дополнительных статьях к Новгородской летописи по списку Дубровского в [9, с. 261].

⁶См. [5, с. 93].

⁷См. [12, с. 467].

⁸См. [8, с. 522–526].

⁹См. [8, с. 523].

взросления наследника. Встал вопрос об опекуном совете. Здесь обращают на себя внимание те царские приближенные, которые принесли присягу первыми. Это члены Ближней думы и влиятельные бояре. Именно эти лица должны были составить регентский или опекунский совет при царевиче Дмитрие.

Для подтверждения того, что имена бояр вносились в духовную грамоту, опять обратимся к записи Владимира Старицкого от 1554 г. К этому моменту царевич Дмитрий уже скончался, но у Ивана IV родился второй сын, царевич Иван. Была составлена новая духовная грамота. В ее тексте и был, очевидно, расписан порядок управления государством в случае смерти Грозного. В духовной грамоте были указаны бояре, без одобрения которых князь Владимир Андреевич должен был «никоторого дела не делати»¹⁰. События марта 1553 г. позволяют говорить о том, что в случае смерти Грозного власть в стране на определенное время должна была перейти регентскому совету.

К началу 60-х гг. XVI в. относится еще один эпизод, связанный с возможным появлением регентского совета. После смерти первой жены царь в 1561 г. вступил в брак с Марией Темрюковной¹¹. Новый брак потребовал составления новой духовной грамоты. Сыновья Ивана IV были еще детьми, и на случай царской смерти надо было определиться с тем, в чьи руки перейдет власть в стране. Так же, как и предыдущая, эта духовная грамота до нас не дошла. Однако сохранилась крестоцеловальная запись ряда придворных, которые были записаны в царском завещании¹². Ряд исследователей пришли к выводу, что это члены возможного (в случае царской смерти) регентского совета¹³. Однако М. М. Кром не согласился с этим, он пишет о том, что «в документе ... не говорится о передаче ... властных полномочий». Это лишь присяга высокопоставленных лиц, которые обязались служить царевичам Ивану и Федору Ивановичам и царице Марии¹⁴. Но в таком случае становится непонятным, почему в царской духовной грамоте оказались записаны именно эти деятели. Представляется, что вписанные в текст царской духовной грамоты лица получали важные полномочия по управлению государством. То есть в крестоцеловальной записи мы имеем состав возможного регентского или опекунского совета.

Приведенные данные, по моему мнению, позволяют утверждать, что регентство в России существовало. Только надо подразумевать под ним не наличие специальных законов, должностей и терминов, а практику, когда властные полномочия по управлению передавались тем или иным лицам.

¹⁰См. [12, с. 465–468].

¹¹См. [8, с. 333].

¹²См. [12, с. 474].

¹³См. [1, с. 86–89; 10, с. 142–143].

¹⁴См. [5, с. 94].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зимин, А. А.** Опричнина Ивана Грозного / А. А. Зимин. – Москва: Мысль, 1964. – 535 с.
2. **Зимин, А. А.** Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. / А. А. Зимин. – Москва: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – 511 с.
3. **Корзинин, А. Л.** К вопросу об опекуном совете при малолетнем Иване IV / А. Л. Корзинин // Вестн. СПбГУ. Сер. 2. История. – 2014. – Вып. 2. – С. 5–16.
4. **Кром, М. М.** «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века / М. М. Кром. – Москва: Новое лит. обозрение, 2010. – 888 с.
5. **Кром, М. М.** Спорные вопросы политической истории России 30-х гг. XVI в. / М. М. Кром // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2022. – № 1 (87). – С. 89–100.
6. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. – Ленинград: Наука, 1979. – 432 с. – (Литературные памятники).
7. **Пресняков, А. Е.** Завещание Василия III / А. Е. Пресняков // Сб. ст. по русской истории, посвящ. С. Ф. Платонову. – Петроград: Тип. им. Гутенберга, 1922. – С. 71–80.
8. Полное собрание русских летописей. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – Т. 13. – 544 с.
9. Полное собрание русских летописей. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 43. – 368 с.
10. **Скрынников, Р. Г.** Царство террора / Р. Г. Скрынников. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 573 с.
11. **Смирнов, И. И.** Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века / И. И. Смирнов. – Москва; Ленинград: АН СССР, 1958. – 516 с.
12. Собрание государственных грамот и договоров. – Москва: Тип. Н. С. Всеволожского, 1813. – Ч. 1. – 533 с.
13. **Шапошник, В. В.** Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века / В. В. Шапошник. – Санкт-Петербург: Наука, 2020. – 296 с.
14. **Юрганов, А. Л.** Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.) / А. Л. Юрганов. – Москва: Квадрига, 2019. – 192 с.

СЕКЦИЯ 3.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 81'33

А. Л. Дзядзінкін

МАДЭЛЯВАННЕ ЛІНГВАПСІХАЛАГІЧНАГА ТЫПАЖУ (ПАРТРЭТА) ЭКСТРЭМІСТА

Анатацыя. Мадэляванне лінгвапсіхалагічнага тыпажу (партрэта) экстрэміста магчыма на аснове рознага роду тэкстаў. Як правіла, гэта полікодавыя (крэалізаваныя) тэксты, у якіх прысутнічае цэлы шэраг знакавых сістэм – музыка, сімвалы, вербальныя адзінкі і г. д. На аснове дадзеных тэкстаў зроблена спроба стварыць мадэль лінгвапсіхалагічнага тыпажу экстрэміста.

Ключавыя словы: юрыслінгвістыка, лінгвістычная эксперталогія, экстрэмізм, лінгвапсіхалагічны тыпаж, полікодавы (крэалізаваны) тэкст.

У барацьбе з экстрэмізмам значнае месца займае юрыслінгвістыка. Яна грунтуецца, з аднаго боку, на юрыспрудэнцыі, а з другога – на шэрагу лінгвістычных дысцыплін: камунікатыўнай лінгвістыцы, стылістыцы, тэорыі маўленчых жанраў, неарыторыцы і іншых галінах, прадметам даследавання якіх з’яўляецца тэкст у яго шматгранных праявах. Цяжка пераацаніць нават сам факт узаемадзеяння праваахоўных органаў з лінгвістамі-экспертамі, якія праводзяць даследаванні, рыхтуюць заключэнні ў рамках судовых лінгвістычных экспертыз, кансультуюць юрыстаў па пытаннях прыналежнасці тых ці іншых выказванняў да экстрэмісцкіх.

Для правядзення лінгвістычных экспертыз па справах аб экстрэмізме распрацоўваюцца аб’ектыўныя працэдуры ідэнтыфікацыі прыкмет злачынстваў. У гэтым напрамку найбольшы ўклад унеслі такія даследчыкі, як А. М. Баранаў [1] і А. І. Галяшына [2].

Найважнейшай задачай даследавання з’яўляецца распрацоўка лінгвапсіхалагічнага партрэта экстрэміста. У сучаснай лінгвістыцы маецца некалькі тэрмінаў, якія часам выкарыстоўваюцца як сінанімічныя. Гэта «моўная асоба», «моўны / маўленчы партрэт», «ідыястыль», «тыпаж». Не ўдаючыся ў падрабязны аналіз названых катэгорый, прапануем іх дыферэнцаваць. Калі гаворым пра звычайнага, «абагульненага» чалавека (напрыклад, студэнта), выкарыстоўваем тэрмін «моўная асоба», калі апісваем індывідуальную асобу (напрыклад, канкрэтнага палітыка), то ўжываем катэгорыю «моўны / маўленчы партрэт». Калі ж гаворка ідзе пра дэлінквентную асобу, мэтазгодна выкарыстоўваць паняцце «лінгвапсіхалагічны тыпаж» (партрэт).

«Лінгвапсіхалагічны тыпаж» (партрэт) як вобраз прадстаўніка вызначанай групы выяўляецца не толькі па спецыфічных характарыстыках вербальных паводзін, але і па каштоўнасных арыентацыях, вызначаных псіхалагічных рысах.

У рамках судовых лінгвістычных даследаванняў было падрыхтавана каля сотні заключэнняў, на падставе якіх паспрабавалі стварыць лінгвапсіхалагічны тыпаж (партрэт) экстрэміста.

Важная роля ў працэсе пабудовы псіхалагічнага элемента ў партрэце (тыпажы) экстрэміста належыць яго асобе. Псіхалагічныя аспекты асобы ўяўляюць сабой адносна стабільны комплекс якасцей, якімі вызначаюцца тыповыя формы паводзін.

Да псіхалагічных асаблівасцяў асобы экстрэміста трэба аднесці:

- нізкую сацыяльную адаптацыю;
- няўстойлівыя маральна-культурныя каштоўнасці;
- праблемы ў сферы камунікацыі;
- агульную незадаволенасць становішчам у грамадстве.

Псіхалагі вылучаюць наступныя псіхатыпы, схільныя да здзяйснення злачынстваў: гіпертымны, шызоідны, эпілептоідны, цыклоідны, эмацыйна-лабільны, сензітыўны, істэроідны.

Асаблівую цікавасць уяўляюць камунікатыўныя рысы, якія цесна звязаны з псіхалагічнымі аспектамі асобы. Асобам, схільным да экстрэмісцкай дзейнасці, уласцівы асаблівыя формы камунікатыўнага паводзін, якія не дазваляюць ім ажыццявіць поўную інтэграцыю ў сферу сацыяльных стасункаў. Гэта ў першую чаргу ментарства, якое заключаецца ў спробе падпарадкаваць сабе людзей, што выяўляецца ў тэкстах, якія змяшчаюць рознага роду асацыяльныя заклікі: «*Русский, иди с нами!*»; «*Партизаны Беларуси, совершайте диверсии!*».

У гэтых прыкладах праяўляецца эпілептоідны тып асобы, калі чалавек паводзіць сябе як дыктатар. У такога тыпу асобы характэрнымі рысамі з'яўляюцца жорсткасць і ўладнасць.

Да лінгвістычных асаблівасцей асобы экстрэміста таксама трэба аднесці выкарыстанне моўных сродкаў, якія выказваюць негатыўныя, зневажальныя характарыстыкі ў адрас якой-небудзь сацыяльнай групы або яе прадстаўнікоў.

Да падобных моўных сродкаў адносяцца інвектывы, г. зн. словы і выразы, якія складаюць у сваёй семантыцы і экспрэсіўнай афарбоўцы інтэнцыю аўтара абразіць або прынізіць ворага, дамагчыся змены паводзін адрасата.

Інвектыва, з'яўляючыся праявай прагматыкі, рэалізуецца, перш за ўсё, на лексічным узроўні. У слоўніках звычайна ўжываюцца наступныя інвектыўныя пазнакі: лаянк., неўхвал., пагард. словы.

Мэтазгодна вылучаць тры кампаненты інвектыўнай стратэгіі: адмоўную ацэнчанасць, імкненне панізіць сацыяльны статус адрасата і абавязковую наяўнасць аб'екта абразы.

У экстрэмісцкіх тэкстах выкарыстоўваюцца наступныя катэгорыі інвектыў:

1) інвектыўныя намінацыі з негатыўным ацэначным кампанентам, якія відавочна адносяцца да характарыстыкі груп па нацыянальнай, расавай, рэлігійнай і іншых сацыяльных прыкметах. Такой, да прыкладу, з’яўляецца намінацыя «хачы». У тэкстах экстрэмісцкага зместу прасочваецца негатыўная ацэнка дадзенай намінацыі як ураджэнцаў Каўказа ці Сярэдняй Азіі.

У якасці прыкладу выкарыстання намінацыі «хачы» можа служыць наступны крэалізаваны тэкст, які падвергся экспертызе на прадмет наяўнасці ў ім прыкмет экстрэмізму:

выяўлены кампанент – двое збіваюць трэцяга;

вербальны кампанент (тлумачальны надпіс) – *«Встречать хачей нужно примерно так!»*;

2) жаргонныя намінацыі эўфемістычнага характару з негатыўнай ацэнкай групы па нацыянальнай, расавай, рэлігійнай і іншых прыкметах. Такой, напрыклад, з’яўляецца намінацыя «акабы». У тэкстах экстрэмісцкага зместу прасочваецца негатыўная ацэнка «акабаў» як супрацоўнікаў праваахоўных органаў (часцей – міліцыі). Намінацыя паходзіць ад абрэвіятуры «А.С.А.В.», якая, у сваю чаргу, узыходзіць да ангельскай «all cop are bastards» («усе супрацоўнікі паліцыі – ублюдкі»). Дадзеная намінацыя ўжываецца ў двух арфаэпічных варыянтах: «акаб» і «эй сі эй бі».

У якасці прыкладу выкарыстання намінацыі «акабы» можа служыць наступны крэалізаваны тэкст, які падвергся экспертызе на прадмет наяўнасці ў ім прыкмет экстрэмізму:

выяўлены кампанент – чэрап з косткамі;

вербальны кампанент (тлумачальны надпіс) – *«Смерть акабам!»*;

3) семантычна імпліцытныя намінацыі. Яны ні напрамую, ні праз эўфемістычныя сродкі не звязаны з ацэнкай груп па нацыянальных, расавых, рэлігійных і іншых сацыяльных прыкметах, але ўстойліва ўжываюцца з негатыўнай інтэнцыяй у тэкстах экстрэмісцкага зместу.

Па-першае, такімі з’яўляюцца намінацыі, дзе члены рэцэсіўнай групы параўноўваюцца з жывёламі, раслінамі ці неадушаўлёнымі прадметамі. Тым самым дэманструецца іх непаўнавартаснасць у параўнанні з членамі дамінантнай групы. Усе падобныя параўнанні маюць адмоўную канатацыю: «шаўкі», «твары» (у значэнні «нікчэмныя людзі»), «бараны» (у значэнні «дурныя людзі»), «чуркі» (у значэнні «нячулыя людзі»), «малпы» (у значэнні «брыдкія людзі»), «анучы» (у значэнні «слабавольныя людзі»).

Па-другое, гэта намінацыі зняважлівай, у тым ліку абсцэнай лексікі (вульгарныя выразы, табуізаваныя словы, звязаныя з цялесным нізам і фізіялагічнымі адпраўленнямі): «п...дары» (у значэнні «людзі з нетрадыцыйнымі сэксуальнымі поглядамі»), «у... бкі» (у значэнні «разумова недасканалыя людзі»).

Юрыслінгвістыка як адносна новы напрамак у лінгвістыцы павінна стварыць алгарытм сістэматызацыі маўленчага матэрыялу, які дазваляе

ўстанавіць лінгвапсіхалагічнае аблічча асобы. А гэта і ёсць «лінгвапсіхалагічны тыпаж» (партрэт). Акрамя чыста моўных характарыстык экстрэміста, трэба разгледзець яго каштоўнасныя арыентацыі і псіхатып, асаблівасці моўнай свядомасці і камунікатыўных паводзін.

Тэорыя лінгвапсіхалагічных тыпажаў (партрэтаў) становіцца напрамкам мовазнаўства, які актыўна развіваецца, знаходзячыся на стыку псіхалінгвістыкі, юрыслінгвістыкі, лінгвакультуралогіі і лінгваперсаналогіі, што выклікае неабходнасць іх практычнага прымянення ў судовай экспертызе.

Такім чынам, удалося наблізіцца да стварэння лінгвапсіхалагічнага тыпажу (партрэта) экстрэміста, які мае шэраг характарыстык «дэструктыўнай (дэлінквентнай) асобы».

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Баранов, А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основы и практика : учебное пособие / А. Н. Баранов. – Москва: ФЛИНТА; Наука, 2013. – 592 с.

2. **Галяшина, Е. И.** Лингвистика vs экстремизма: в помощь судьям, следователям, экспертам / Е. И. Галяшина. – Москва : Юридический Мир, 2006. – 96 с.

УДК 800:802.0

Ю. В. Есионова

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ АББРЕВИАТУР ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК И НА ЯЗЫК В ЦЕЛОМ

Аннотация. Изучено влияние аббревиатур интернет-языка как на английский язык, так и на язык в целом. Дается понятие об основных лингвистических особенностях выражения коммуникации в компьютерном языке, представлены примеры наиболее распространенных аббревиатур и сокращений, используемых в интернет-коммуникации. Приводится заключение о влиянии аббревиатур и сокращений на изменение лексического состава любого языка.

Ключевые слова: аббревиатура, интернет-язык, сокращение, эмограмма, «смайлы», социолингвистика.

Интернет, как информационная и коммуникативная платформа, стал необходим в нашей повседневной жизни. В последние десятилетия деятельность лингвистов, таких как Дэвид Кристал, Бренда Данет и Сьзан Си. Хэрринг, была связана с проблемами влияния компьютерного языка на язык живого общения. Главное, что вызывает беспокойство относительно основных характеристик интернет-языка, это пренебрежение пунктуацией, использование сокращений, свободная конструкция самого предложения (*e. g. Will let you*

know), множество разговорных сокращений (*e. g. bye, cos, v slow, s/thing*), аббревиатур (*e. g. CU, idk, lol*) и символов выражения эмоций (смайлов).

Основной вклад в изучение данной проблемы с точки зрения социолингвистики внес британский ученый Дэвид Кристал, который охарактеризовал интернет-язык в качестве среды, «которая является электронной, глобальной и интерактивной» [4, с. 18].

Британским лингвистом Наоми С. Бэйрон было выделено две лингвистические особенности выражения коммуникации в компьютерном языке: «смайлы и интернет-оскорбления» [1, с. 20].

Смайлы (эмограммы) впервые появились в 1982 г. Их создателем был Скотт Фальман, который писал: «Я предлагаю следующую последовательность символов для обозначения шутки: :-)». «На самом деле это экономит время для того, чтобы выразить вещи, которые не являются смешными, учитывая современные тенденции. Используйте для этого :-(» [2]. На данный момент существует более 75 видов эмограмм, которые строятся не только путём комбинирования знаков препинания (как это было в момент их появления), а также с помощью цифр и буквы, для символизации эмоций.

Вторая лингвистическая характеристика, согласно Бэйрон, – это «интернет-оскорбления», т. е. «использование грубого или вульгарного языка», что является результатом «отсутствия слуховых и визуальных сигналов языка компьютера» [1, с. 21].

Помимо смайлов и интернет-оскорблений, Бэйрон также выделяла еще одну форму интернет-общений – использование сокращений и аббревиатур [1, с. 21]. Некоторое подобие эмограмм, аббревиатур и сокращений существовало еще в древних рукописях. Для рукописей, например, это выражалось в минимальной затрате времени на создание книги, а для пользователей интернета это, скорее, экономия времени, места и сил, особенно когда компьютерное общение происходит в режиме онлайн.

Следующую причину включения сокращений в интернет-язык следует искать в социолингвистике – это желание обозначить свою принадлежность к какой-то сетевой группе. Дэвид Кристал, описывая роль в языке некоторой сетевой группы, отмечает, что «главное использование сленга состоит в том, чтобы показать, что ты являешься частью банды!» [3, с. 56].

Наиболее распространенные аббревиатуры в интернет-языке [1, с. 21]: *brb – be right back; btw – by the way; irl – in real life; cul8r – see you later; lol – laughing out loud*. Кроме того, с ростом популярности использования аббревиатур появился целый ряд аббревиатур-синонимов, которые могут быть использованы в различных ситуациях и создаваться либо с помощью букв, либо с помощью букв и цифр: *cul – see you later; idk – I don't know; dk – don't know; jk – just kidding; ta4n – that's all for now; hhok – ha ha only kidding; tafn – that's all for now*.

Сокращения больше не ограничиваются словами или короткими фразами, а могут составлять целые предложения: *aysos* – *Are you stupid or something?*; *cio* – *Check it out*; *gtg* – *Got to go*; *wdys* – *What did you say?* Некоторые слова могут быть сокращены до двух или трёх букв: *pls* – *please*; *thx or tx* – *thanks*; *we* – *whatever* [4, с. 86].

В связи с тем, что интернет является глобальной системой и развивался как английская сеть, использование аббревиатур начало проникать в другие языки. Например, в немецком языке – *AWS* = *Auf Wiedersehen!* (*Good-bye*), *BS* = *Bis spatter* (*CU, See you later*), *G* = *Grinsen* (*smile*); в французском – *A+* = *À plus* (*L8R, later*), *b1sur* = *Bien sûr* (*Of course*), *CPG* = *C'est pas grave* (*INBD, it's no big deal*); в русском – *cnc* = *спасибо* (*tnx, thank you*), *ДР!* = *День рождения* (*Happy birthday!*), *7я* = *семья* (*family*). В некотором смысле эти слова, как и их английские предшественники, были придуманы для экономии времени и сокращения процесса общения.

Все рассмотренные сокращения в интернет-языке оказывают существенное влияние на изменение лексического состава любого языка, который развивается ежедневно в результате увеличения количества новых слов. На появление новых аббревиатур в первую очередь оказывают влияние неязыковые факторы: в стандартном (литературном) английском языке, например, новые изобретения и понятия в определенной области влекут за собой появление новых терминов, требующих внедрения их в терминологическую систему; для ненормативного английского – мотивация, чтобы сэкономить время и силы на общение через электронные устройства, возможность быть принятым в команду, в которой человек работает, или в социальную группу, к которой он принадлежит вне сети Интернет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Baron, N. S.** *Always On: Language in an Online and Mobile World* / N. S. Baron. – Oxford University Press, 2010. – 304 p.
2. **Campbell, T.** *The First E-Mail Message*. PreText Magazine [Electronic resource] / T. Campbell. – Mode of access: <http://pretext.com/mar98/features/story2.htm>. – Date of access: 05.03.2023.
3. **Crystal, D.** *The Cambridge Encyclopedia of Language* / D. Crystal. – 2th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
4. **Crystal, D.** *Language and the Internet* / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

УДК 81

И. Н. Лапицкая

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ КАК СРЕДСТВО ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНЕШНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Анализируются диалектные имена существительные, характеризующие внешность человека по его физическим особенностям. Рассматриваются особенности семантики и эмоционально-оценочные свойства данного разряда лексических единиц в говорах могилевско-смоленского пограничья.

Ключевые слова: говоры могилевско-смоленского пограничья, диалектизм, лексико-семантическая группа, синонимический ряд, отрицательная эмоционально-оценочная коннотация.

В составе диалектной лексики говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП), как и в других народных говорах, существует большое количество эмоционально окрашенных оценочных слов, значения которых обращены к человеку. Объединенные сходством семантики как формы выражения качественной оценки лица, такого рода диалектизмы могут выражать различные аспекты этой качественной оценки – оценку внешнего вида человека, его умственных способностей, особенностей поведения и др.

В работах, посвященных описанию данного разряда лексических единиц в говорах МСП, основное внимание уделяется наиболее многочисленной семантической группе диалектизмов, отражающих характеристику людей по особенностям их поведения. Вместе с тем интерес представляет изучение лексического своеобразия менее многочисленных семантических групп диалектизмов, одна из которых включает слова-характеристики внешности человека.

Как показывает фактический материал, диалектные слова-характеристики внешнего вида человека в зависимости от выражаемого ими значения условно можно распределить по двум семантическим подгруппам:

- 1) слова, характеризующие общие физические особенности внешности человека;
- 2) слова, характеризующие частные физические особенности внешности человека.

Среди наиболее распространенных объектов эмоционально-оценочной характеристики общих физических особенностей внешности человека в говорах МСП являются его вес и рост. При этом семантика таких номинаций демонстрирует особое внимание диалектоносителей к тем или иным физическим признакам, отступающим от нормы.

Так, объектом многочисленных номинаций в говорах МСП становится человек, чей вес (по мнению говорящих) значительно превышает установ-

ленную норму: *ардюк, бабёха, бавтрюк, бамбиза, бандура, берестень, бирюк, гарголя, глѣк, дерюга, кавэшка, качулка, колода, колхида, кулёма, лапеза, лепёха, мамоха, мерлина, мешулка, пехтерь, телепень, тельпух* и др. Большинство слов данного синонимического ряда содержит отрицательную эмоционально-оценочную коннотацию, что отражает сложившееся представление о невысокой трудоспособности таких людей: *Як чалавек дужа тоўсты, што ў дверы ни прализая, – во еты чалавек и ёсь бирюк* (Титовка, Клим. Мгл.); *Дычка ў горади такой гарголяй стала, у дверы ни праходить* (Любавичи, Мон. Смл.); *Барысава жонка нейкая калода, во якая тоўстая* (Милейково, Мст. Мгл.); *Пыгляди на сябе: ни баба, а лянёха стала. Ести меньш нада, дык и гыварыть на тябе нихто так ня будя* (Милейково, Мст. Мгл.); *Яки гэта чалавек пяхтерь, яго и абайти трудна, тольки и зная, што есть* (Н. Дедин, Клим. Мгл.).

При определенном ситуативно-контекстном употреблении некоторые диалектные слова с отрицательной эмоционально-оценочной коннотацией могут получать дополнительные семантические оттенки «крупный», «здоровый», «сильный» и выражать таким образом положительную оценку, ср.: *Ты ўжо стала тыкая лапеза, ажна ў дверы ни ўлазиш* (Липовка, Хот. Мгл.); *Муж у яе ня роўня другим: и ў плечах шырей, и на росту вышэй, таки лапеза* (Горы, Гор. Мгл.); *Во ардюк какой, здарывяк; щѣки, как памидоры, а помачи никакой, усё сыма раблю* (Соино, Хисл. Смл.); *У тым канцы дярёўни ардюк жыве, быка зывалить адин* (Любавичи, Мон. Смл.).

Антонимичную микрогруппу к данному синонимическому ряду составляют слова, обозначающие человека, чей вес, наоборот, оказывается ниже установленной нормы: *склезень, хлбостина, хлыстик, худоба: Во яки ты склезянь стаў, ад ветра хистаюцца* (Костюшково, Гор. Мгл.); *Такога худобы я шчэ ня видала, аш кости гримать* (Варваровка, Хот. Мгл.).

Обычно диалектизмы с такой семантикой содержат в структуре лексического значения дополнительные денотативные компоненты «высокий рост» (*хлбостина*), «невысокий рост» (*хлыстик*), «болезненный, хилый человек» (*склезень*). При этом все отмеченные слова выражают отрицательную эмоциональную оценку, поскольку излишняя худоба человека, как и его излишняя полнота, по мнению говорящих, отрицательно влияет на качество и результат труда.

Еще одним параметром, по которому характеризуется человек с точки зрения общих особенностей внешности, является рост.

Слова данной семантической группы формируют два синонимических ряда, которые вступают друг с другом в антонимические отношения. Это синонимический ряд диалектных лексем с общим значением «человек высокого роста» (*ахаха, байдук, бамбиза, бич, большуха, бурдила, кобылятник, поплетина, хлбостина*) и синонимический ряд диалектизмов с общим значением «человек низкого роста» (*карандаш, карапет, карюзлик, кныш, кожан, коржак, малороска, шупик*).

Диалектные номинации высокого человека имеют, как правило, негативную окраску, поскольку реализуют при употреблении дополнительную сему «ленивый»: *Ходить дылда лянвивая – во, кажуть, бамбиза пайшоу* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *У сасетки сыны бурдилы такая, а работыть ня хочуть, на маткиной шэи сидять* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

Вместе с тем некоторые слова синонимического ряда с общим значением «человек высокого роста» могут включать в структуру значения факультативные семы «здоровый», «крепкий», что делает возможным варьировать их употребление для выражения положительной или отрицательной эмоциональной оценки: *Ну и бич жа ты, здаравенны таки, а нидзе ни работаши* (Горы, Гор. Мгл.); *Да Василя брат прыехаў на днях, во эта бич дыг бич* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Гэтаму б мужыку работать за плугам замест каня, а ён, кабылятник таки, сядить дома ды яшчэ и жонку бьеть* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Колька – он кабылятник, за им как за каминай стяной* (Милейково, Мст. Мгл.).

В свою очередь для слов синонимического ряда с общим значением «человек низкого роста» в целом характерна негативная, уничижительная оценка людей с такой физической особенностью: *Урадила нейкага карюзлика. Ад зямли ня видна, у людей памиж нох заблушца можыть* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Бывала, чалавека малога звали карандаш или кажсан, смиялись над им: «Эй, ты, карандаш, кажсан, куды пайшоу?»* (Доброселье, Мон. Смл.).

Контекстный анализ диалектных лексем, характеризующих частные особенности внешности человека, также свидетельствует о неодобрительном отношении к человеку, который отличается от других своими физическими особенностями, например: формой губ (*грибозвон, грибошлён, грибан*): *Хто за такога грыбазвона замуш пойдя? У яво ж губы нижы пыдбаротка свисають* (Кр. Знамя, Красноп. Мгл.); величиной и формой ушей (*лопух*): *А божя ж мой, во ўжо лапух вырас, вушы ў яго, што лыкатыры* (Звенчатка, Клим. Мгл.); формой глаз (*прищюра* «человек с узкими глазами», *бельмастик* «человек с большими глазами», *обребала* «косоглазый человек»): *Ну и прыщюра твой сасет, глыза як шчолачки* (Горы, Гор. Мгл.); *Во Нинка сасецкая абрэбала, у яе глыза кривыя* (Березетня, Мст. Мгл.); формой носа (*кирпач*): *Любила красивага хлопца, а замуш пышла за кирпыча с парысячым носам* (Тростино, Хот. Мгл.); формой ног (*кривандель*): *Каб этай Кати кривандель у мужуки пунаўся* (Звенчатка, Клим. Мгл.); внешней непривлекательностью: (*аскарюзник, гидляк, пужало, рябуха*): *Во аскарюзник пашоу, страшыдла* (Соино, Хисл. Смл.); *К яму и патхадить нипрыятна: у прышчах, баляўках увесь – адным словам, гидляк* (Узлоги, Хот. Мгл.); наличием большого живота (*курдюк*): *Во курдюк: пуза наеў, аж рубашка ня сходицца* (Узлоги, Хот. Мгл.); наличием дефекта речи (*картавешка*): *Вихтуся Тиляннёва шыпилявить, ды яшчэ «рэ» ни выгыварваить – картавешка нейкая* (Милейково, Мст. Мгл.); наличием хромоты (*кандыба, колдыбка, колдогер, кольгун, курбыль*): *С кальгуном етым тры часы*

ити будиш (Сорокопуды, Гор. Мгл.); наличием плохого слуха (*глухачка*, *глухень*): *Кума мыя тыкая глухачка, што можаш горла сабе пырвать, крычаўшы, а яна ня чуить* (Селец, Мст. Мгл.).

Таким образом, анализ диалектной лексики, характеризующей внешность человека по его физическим особенностям, демонстрирует тематическое разнообразие таких наименований и наличие у большинства из них различной степени интенсивности отрицательной оценочности.

В связи с этим следует отметить, что преобладание пейоративной оценки над мелиоративной у слов, характеризующих внешние физические качества человека, является отличительной чертой не только говоров МСП, это, по справедливому утверждению Н. А. Лукьяновой, «языковая универсалия» [1, с. 63]. Положительные качества человека как будто не замечаются субъектами номинации, потому что воспринимаются как норма. Отступления же от нее оцениваются говорящими отрицательно.

Помимо сказанного, интерес представляет способ формирования ряда диалектных номинаций. Им является метафорический перенос наименования на основе тех или иных мотивационных признаков, преимущественно сходства внешнего вида объектов сравнения, например: *глёк* 1) «глиняный кувшин с узким горлом», 2) «толстый человек, толстяк»; *дерюга* 1) «грубое самотканое одеяло, сшитое в виде мешка из двух полотнищ», 2) «о толстом человеке»; *кавэшка* 1) «жирная курица», 2) «о полном, тучном человеке»; *пехтерь* 1) «веревочная сетка, в которую накладывали сено», 2) «о толстом человеке»; *тельпух* 1) «колода», 2) «толстый, неуклюжий человек, увалень»; *бандура* 1) «длинная дубовая лавка», 2) «о толстой, неповоротливой женщине»; *берестень* 1) «корзинка, кузовок из бересты», 2) «глиняная посуда, обернутая берестой», 3) «толстый, неповоротливый человек, увалень»; *бабушечка* 1) «булка, лепешка из муки; пампушка», 2) «о полном, упитанном ребенке»; *хлобостина* 1) «прут, хворостина», 2) «высокий, худой человек»; *поплетина* 1) «длинная жердь», 2) «человек высокого роста»; *горбыль* 1) «небольшая возвышенность, пригорок, холм», 2) «горбатый или сутулый человек»; *гнилушка* 1) «старое, ветхое жилище; халупа», 2) «хилый, болезненный человек»; *трухлё* 1) «сухое, сгнившее дерево», 2) «болезненный, слабый, немощный человек»; *рябуха* 1) «рябая курица», 2) «женщина с лицом, усеянным веснушками»; *пужало* 1) «пугало, чучело», 2) «о некрасивом человеке»; *аксамитка* 1) «ткань бархат», 2) «изделие из бархата», 3) «о красивой девушке».

Реже основой метафорического переноса становится сходства цвета: *рудка* 1) «корова, лошадь рыжей масти», 2) «рыжеволосый человек»; *беляшка* 1) «гриб волнушка белая», 2) «о светловолосом, белокуром ребенке».

Таким образом, изучение семантики и эмоционально-оценочных свойств имен существительных, характеризующих внешность человека, расширяет научное представление о языковых особенностях диалектной лексики в говорах могилевско-смоленского пограничья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения : учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Новосиб. ун-т, 1983. – 79 с.

УДК 372.881.111.1

В. Н. Ставский

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДУГЛАСА БРАУНА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»

Аннотация. Современная методика преподавания иностранного языка нацелена на развитие коммуникативных навыков студентов, формирование у них мотивации к общению на иностранном языке. В настоящее время преподаватель должен более активно использовать новые образовательные технологии обучения иноязычной коммуникации, владеть теоретическими знаниями отечественной и мировой педагогической мысли, применение которых поможет ему в процессе практического обучения иностранному языку. Особый интерес представляет методика, разработанная американским лингвистом Дугласом Брауном. Анализируются возможности применения методики Д. Брауна при обучении немецкому языку студентов специальности «Регионоведение».

Ключевые слова: коммуникативный метод, методологические подходы, мотивация.

В настоящее время главной целью обучения иностранному языку является развитие навыков общения на иностранном языке. Это требует усвоения преподавателем новых образовательных технологий, прежде всего овладения им технологии обучения иноязычной коммуникации. Преподаватель должен владеть теоретическими знаниями отечественной и мировой педагогической, психологической, лингвистической научной мысли, а также уметь применять эти знания на практике.

Большое количество ученых развивали теорию практики обучения иностранным языкам. Преподаватели иностранного языка могут применять следующие подходы к обучению иностранным языкам: бихевиористский, индуктивно-сознательный, интегративный, коммуникативный, сознательный, системный, деятельностный и др. Практическое применение разнообразных подходов показывает сильные и слабые стороны каждого из них. Преподаватель, выбирая подходы, останавливается на тех, которые более эффективны.

Автор разделяет мнение представителя советской и российской школы методологии иностранных языков Е. В. Пасова, что неправильно сформулированные принципы обучения ставят под удар весь процесс обучения. Принцип – это начало или то, что является основанием для обучения иностранным языкам.

ранному языку. Дидактические принципы обучения иностранному языку разноплановы, каждый из принципов может в той либо иной степени быть применен в процессе преподавания иностранных языков.

Обратимся к принципам, которые были разработаны американским лингвистом, методологом Дугласом Брауном. Дуглас Браун предложил следующие принципы обучения иностранным языкам: принцип автоматизма, принцип переноса, принцип ожидания награды, принцип самосознания, принцип идентичности, принцип взаимодействия, принцип лингвокультуры и принцип действия.

Принцип автоматизма действует очень замечательно при погружении в иноязычную социокультурную среду. Тот, кто изучает иностранный язык, быстро усваивает выражения и речевые обороты, не задумываясь о некоторых грамматических конструкциях и т. д. Чем человек моложе, тем легче ему себя чувствовать в иноязычной среде, запоминать фразы и слова. Но как быть преподавателю, когда нет возможности послать студентов на долгую языковую практику за рубеж и т. д.? На занятиях студенты могут смотреть короткие оригинальные фильмы, где действие происходит в немецкоязычной среде. Затем преподаватель и студенты обговаривают эту историю, повторяют слова, выражения, услышанные в фильме, закрепляют их, доводя до автоматического употребления.

Принцип переноса либо смысловое обучение. Перенос – это воздействие имеющихся знаний на новые знания. Принцип переноса знаний предполагает осмысление полученной информации, соотнесение ее с уже имеющейся информацией. Студенты, изучающие темы по страноведению, осмысленно переносят знания по теме «Германия» на темы «Беларусь», «Российская Федерация» и т. д. Они владеют необходимым лексическим запасом слов, позволяющих описать географическое положение, природу, климат изучаемой страны и региона. Принцип смыслового обучения предполагает опору на уже имеющиеся у студентов языковые навыки и знания. Этот принцип можно сопоставить с принципом учёта родного языка. Студент осознанно подходит к изучению иностранного языка, сравнивая его схожесть и расхождение с родным языком. В отечественной педагогической мысли этот принцип рассматривается в русле «сознательный подход к обучению иностранным языкам».

В основе этого принципа «ожидания награды» лежит бихевиористский подход. В отечественной педагогике принцип «ожидания награды» применяли всегда. В своей педагогической практике автор также прибегает к нему, когда студенты явно улучшают свои знания либо сознательно стремятся к этому. Здесь главное не переборщить с похвалой. Любая похвала должна быть заслужена. Часто преподаватели переоценивают вклад обучающегося, что может сыграть плохую шутку в усвоении языка. Все же студента нужно убедить, что изучение иностранного языка ему необходимо.

Принцип самосознания можно обозначить как принцип внутренней мотивации. Автор согласен с Дугласом Брауном, что именно внутренняя убежденность в том, что иностранный язык тебе необходим, играет важнейшую роль в усвоении иностранного языка. У студента должно возникнуть стойкое желание изучать иностранный язык.

Реализация принципа инвестиций помогает лучше освоить иностранный язык. При подготовке и проведении занятия по иностранному языку необходимо создавать атмосферу активности, сотрудничества, развивать обратную связь со студентами. Необходимо больше использовать индивидуальный подход к студентам, давать им возможность самостоятельно выбирать задания. На индивидуальность и неповторимость особенностей личности еще обращал внимание Е. И. Пассов.

Принцип взаимодействия реализуется в развитии коммуникативных навыков студентов, в их направленности на коммуникацию и сотрудничество. Преподаватель должен давать максимальную возможность для студентов общаться на иностранном языке на уроке. Во многом похож на принцип ситуативности. Преподаватель может помочь студентам создавать ситуации, которые побуждают их общаться друг с другом на иностранном языке во время занятий. Как отмечал Е. И. Пассов: «Постоянное практическое пользование языком делает обучение привлекательным, ибо согласуется с конечной целью и тем самым обеспечивает усвоение говорения как средства обучения» [1, с. 36].

Реализация принципа лингвокультуры помогает усвоению лингвострановедческого материала, основ межкультурной коммуникации. На занятиях необходимо приводить примеры социокультурного характера, которые подкрепляются учебными и художественными видеофильмами, чтением оригинальных литературных произведений.

Принцип действия во многом напоминает принцип сознания. Данный принцип нацелен на активное поощрение учащихся пользоваться иностранным языком. Преподаватель должен помогать учащимся активно усваивать иностранный язык, действовать на языке. Лучше всего реализуется при проведении летней практики студентов специальности «Регионоведение», когда студенты должны переводить письменные тексты, а также осуществлять деятельность на иностранном языке.

Автор считает, что при проведении и планировании занятий по иностранному языку необходимо сочетать все приведенные выше принципы и подходы для того, чтобы добиться лучшего результата.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод к обучению иноязычному говорению / Е. И. Пассов. – 2-е изд. – Москва: Просвещение, 1991. – 223 с.

УДК 81`25

А. Г. Фомин, А. В. Андряшина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОВ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ «АВИАЦИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ КАНАДСКОГО СЕРИАЛА «MAYDAY»)

Аннотация. Выявлены особенности перевода английских терминов терминосистемы «Авиация». Основная трудность перевода научно-технических текстов, в частности текстов, посвященных авиационной тематике, заключается в правильном подборе эквивалента в целевом языке. Перевод терминов терминосистемы «Авиация» осуществляется разными способами, самый распространенный из них – модуляция, включающая следующие модели перевода: «причина – следствие», «метафора – метафора», «метафора – неметафора», «абстрактное – конкретное». Данный способ перевода позволяет переводчику незначительно трансформировать значение термина исходного языка на основе логических связей значений соотнесенных терминов переводного и исходного текстов. Исследование способов перевода терминов выявляет особенности рассматриваемой терминосистемы, что способствует достижению максимальной эквивалентности текста перевода тексту оригинала.

Ключевые слова: термин, терминосистема, способы перевода.

Введение. Перевод терминов является важным вопросом в языкознании, т. к. нахождение правильного соответствия терминам на языке перевода позволяет достичь эквивалентности текста перевода. Эту тенденцию можно проследить на такой предметной области, как «Авиация».

Так как данное исследование сосредоточено на анализе способов перевода терминов, рассмотрим некоторые определения данного понятия. По словам А. А. Реформатского, термины – это «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 61]. В данном определении отмечается, что термин представляет собой слово специальной сферы употребления, выражающее научно-технические понятия и требующее дефиницию. Уточняется структура термина: термин может быть не только однокомпонентным, но и многокомпонентным, т. е. может быть представлен как в виде слова, так и в виде словосочетания.

В отличие от дефиниции, предложенной А. А. Реформатским, в определении Г. Рондо утверждается, что термин является лингвистическим знаком в том смысле, в каком он определен Ф. де Соссюром. То есть термин – это языковая единица, состоящая из означаемого и означающего [9, с. 21]. Г. Рондо использовал семиотический подход к определению термина, утверждая, что термин – это знак, который состоит из означающего и означаемого.

В данном исследовании актуальна дефиниция, предложенная В. М. Лейчиком: «термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется,

углубляется в процессе познания (когниции), перехода от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [3, с. 21–22]. Действительно, в технических текстах информация зашифрована в терминах, которые являются точками доступа к более сложным языковым структурам. Чтобы их перевести, необходимо понять концепты, которые обозначают эти термины [7, с. 13].

Термины включены в определенную терминосистему, а именно упорядоченную совокупность терминов, выражающих систему понятий специальной области знаний, между которыми существует обязательная связь [2, с. 103].

Любые термины в научно-технических текстах нуждаются в переводе. С. А. Хоменко, Е. Е. Цветкова и И. М. Басовец в своей работе выделяют следующие способы перевода: подбор эквивалента, транслитерация, транскрибирование, транскрипция с элементами транслитерации, калькирование, описательный перевод [6, с. 12–13].

Жан-Поль Вине и Жан Дарбельне в своих трудах выделяют следующие способы перевода: модуляцию [10, с. 47], конкретизацию, генерализацию, свертывание (имплицитация) и эксплицитацию [1, с. 378].

Выделяют следующие варианты модуляции:

- 1) «причина – следствие» [10, с. 89–90];
- 2) «метафора – метафора»;
- 3) «метафора – неметафора»;
- 4) «неметафора – метафора»;
- 5) «конкретное – абстрактное»;
- 6) «абстрактное – конкретное» [8, с. 577].

Р. Ф. Пронина выделяет следующие способы перевода терминов-словосочетаний [4, с. 21–22]:

- 1) дословный перевод русскими словами и словосочетаниями (калькирование);
- 2) использование родительного падежа;
- 3) использование различных предлогов;
- 4) перевод какого-либо компонента поясняющими словами;
- 5) изменение порядка следования компонентов.

Методы и материалы. Для анализа способов перевода терминов было отобрано 55 английских терминов терминосистемы «Авиация». Источником языкового материала послужил канадский сериал «Mayday» (15-й сезон) на английском и русском языках.

В работе были использованы следующие методы исследования: сопоставительный анализ перевода, который позволяет найти сходства и различия термина в языке оригинала и термина в языке перевода; переводческий анализ, позволяющий проанализировать прием перевода термина переводного текста.

Результаты. Самым продуктивным способом перевода английских терминов терминосистемы «Авиация» является **модуляция**, т. к. данный способ перевода характеризуется многочисленными примерами.

Выделяются следующие модели модуляции:

1) «причина – следствие» (*single-place homebuilt airplane* – *одноместный самодельный самолет*, *power* – *тяга*, *ram air temperature probe* – *датчик температуры торможения*).

«The sensor, called a *ram air temperature probe* juts out from the nose of the plane. It measures the outside air temperature and feeds the information to the engines during flight» – «*Датчик температуры торможения* находится на носу самолета. Он измеряет температуру воздушного потока и передает информацию двигателям во время полета».

Рассмотрим термин-словосочетание *ram air temperature probe* (*датчик температуры торможения*). Переводчик использовал прием логического развития от причины к следствию, т. к. значения термина исходного и переводного языков имеют причинно-следственную связь, которая проявляется в том, что от скорости движения потока воздуха происходит его торможение;

2) «метафора – метафора» (*control tower* – *диспетчерская башня*, *black box* – *черный ящик*, *climb* – *взлететь*, *nose of the airplane* – *нос самолета*, *bucket door* – *ковшовые створки*, *wing* – *крыло*).

«Thrust reversers are used on landing to help the plane slow down. When engaged, *bucket doors* open to deflect the jet blast and redirect it forward» – «Реверсоры тяги используются при посадке, они помогают самолету сбросить скорость. При включении открываются *ковшовые створки*, которые перенаправляют воздушный поток вперед».

В данном примере термин-метафора *bucket doors* переведен с помощью метафорического переноса на основании подобия функций двух предметов. Реверс тяги – это перенаправление воздушного потока в обратное положение. Достичь этой цели помогают *ковшовые створки*, которые в открытом положении напоминают ковш.

Как у англоязычных, так и у русскоязычных терминов метафорически преобразованные значения основаны на отождествлении предметов с человеком, животными, частями тела человека и животных, а также с бытовыми предметами;

3) «метафора – неметафора» (*twin turboprop* – *двухмоторный турбовинтовой самолет*, *apron* – *перрон*).

«Taxi to *apron T2*» – «Выруливайте на *перрон T2*».

Модель «метафора – неметафора» означает, что в исходном тексте термин представлен в виде метафоры, однако в переводном тексте метафора не сохранилась;

4) «конкретное – абстрактное» (*commuter plane* – *региональный рейс*).

«*The commuter plane is now 90 seconds to touchdown*» – «*Региональный рейс должен был приземлиться через 90 секунд*».

В оригинальном тексте термин «*plane*» представлен в виде конкретной сущности, в тексте перевода произошла трансформация значения термина, в результате чего название стало означать абстрактную сущность.

Следующий по продуктивности способ перевода – **подбор эквивалента** (27 %) (*touchdown* – *приземление*, *sensor* – *датчик*, *probe* – *датчик*, *lift* – *подъемная сила*, *flap* – *закрылок*, *slat* – *предкрылок*, *throttle* – *дроссельная заслонка*, *heater* – *подогрев*, *takeoff* – *взлет*).

«*The flaps on Flight 5022 were not extended for takeoff*» – «*Во время взлета закрылки на борту 5022 не были выпущены*».

Подбор эквивалента означает максимальную смысловую близость термина оригинального текста и термина переводного текста.

Калькирование (14 %) (*speeding* – *ускорение*, *takeoff weight* – *взлетный вес*, *multi-engine planes* – *многодвигательные самолеты*, *to set the flap* – *установить закрылки*, *electronic relay* – *электронное реле*, *electrical scheme* – *электрическая схема*).

«*The sensor and the takeoff warning both pass through the same electronic relay*» – «*Датчик и предупреждающий сигнал подключены к одному электронному реле*».

Экспансия (5 %) (*intersecting runways* – *пересекающиеся взлетно-посадочные полосы*, *jet* – *реактивный лайнер*, *takeoff weight* – *вес перед взлетом*, *maintenance area* – *зона технического обслуживания*).

«*There are three intersecting runways at Quincy*» – «*В аэропорту Куинси три пересекающиеся взлетно-посадочные полосы*».

Данный прием заключается в том, что переводчик превращает имплицитную информацию в эксплицитную. Данный прием включает в себя добавление поясняющих фраз.

Перестановка компонентов (4 %) (*engine failure* – *отказ двигателя*, *engine power* – *тяга двигателя*).

«*Engine power is especially crucial during the first few moments of flight*» – «*Тяга двигателя особо важна в первые секунды полета*».

В данном примере произошло изменение порядка следования элементов в переводном тексте по сравнению с текстом оригинала.

Имплицитация (4 %) (*controllers on the tower* – *авиадиспетчеры*, *thrust reverser* – *реверс*).

«*Controllers in the tower provided more promising lead*» – «*Авиадиспетчеры дали более обнадеживающую подсказку*».

Имплицитация – практика создания менее подробной информации в языке перевода. Как видно из примера выше, словосочетание оригинального текста превратилось в слово в тексте перевода.

Калькирование и транслитерация (4 %) (*King Air – Кинг Эар, Span Air – Спан Эар*).

«*King Air A90 is a much smaller twin turboprop*» – «*Кинг Эар A90 – небольшой двухмоторный турбовинтовой самолет*».

Данный способ перевода проявляется в транслитерации редуцированных гласных, непроизносимых согласных, двойных согласных.

Транслитерация (2 %) (*terminal – терминал*).

«*Ladies and gentlemen, we are experiencing a minor technical problem. We are just going to head back to the terminal to see if we can to sort it out*» – «*Дамы и господа, у нас небольшая техническая заминка, нам придется вернуться в терминал и попытаться ее устранить*».

При транслитерации графологические единицы исходного языка заменяются графологическими единицами языка перевода. В процессе транслитерации текста лингвист заменяет каждую букву в исходном языке на соответствующую букву в переводном языке на основе традиционно установленного набора правил.

Данный способ перевода является непродуктивным, т. к. он продуктивен лишь на начальных этапах развития терминосистем. По мере дальнейшего развития терминосистемы появляются термины, которые требуют трансформации значения при переводе.

Вывод. Результаты исследования показали, что одной из особенностей перевода английских терминов терминосистемы «Авиация» является то, что **модуляция** выступает самым распространенным способом перевода терминов. Данный способ перевода позволяет переводчику незначительно трансформировать значение термина исходного языка на основе логических связей значений соотнесенных терминов переводного и исходного текстов. Исследование способов перевода терминов выявляет особенности рассматриваемой терминосистемы, что способствует достижению максимальной эквивалентности текста перевода тексту оригинала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гарбовский, Н. К.** Теория перевода: учебник / Н. К. Гарбовский. – Москва: Моск. ун-т, 2004. – 544 с.
2. **Кияк, Т. Р.** Лингвистические аспекты терминоведения: учебное пособие / Т. Р. Кияк. – Киев: УМКВО, 1989. – 103 с.
3. **Лейчик, В. М.** Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Москва: URSS, 2007. – 254 с.
4. **Пронина, Р. Ф.** Пособие по переводу английской научно-технической литературы / Р. Ф. Пронина. – Москва: Высшая школа, 1973. – 197 с.
5. **Реформатский, А. А.** Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

6. **Хоменко, С. А.** Основы теории и практики перевода научно-технического текста с английского языка на русский / С. А. Хоменко, Е. Е. Цветкова, И. М. Басовец. – Минск: БНТУ, 2014. – 202 с.
7. **Faber, P. A.** Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language / P. A. Faber. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2012. – 324 с.
8. **Luu, H. M.** Translating Scientific Terms. Journal of Language Teaching and Research [Electronic resource] / H. M. Luu, T. B. Luu, T. T. Luu. – 2014. – Vol. 5, № 3. – С. 572–580. – Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/271178180> Translating Scientific Terms. – Date of access: 22.02.2023.
9. **Rondeau, G.** Introduction a la Terminologie [Electronic resource] / G. Rondeau. – Montreal: Centre educatif et culturel, 1981. – 248 с. – Mode of access: <https://archive.org/details/introductionlate0000rond/page/6/mode/1>. – Date of access: 01.03.2022.
10. **Vinay, J. P.** Stylistique compare du francais et de l'anglais [Electronic resource] / J. P. Vinay, J. Darbelnet. – Paris: Didier, 1972. – 325 с. – Mode of access: <https://archive.org/details/VinayDarbelnetStylistiqueCompareDuFranaisEt DeLanglais/page/n47/mode/2up>. – Date of access: 11.02.2023.

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Mayday [Electronic resource]: Canadian TV series / prod. Bryn Higgins // Canada: Cineflix Productions. – Mode of access: <https://cineb.net/watch-tv/watch-mayday-free-39417.4884913>. – Date of access: 11.02.2023.
2. Расследование авиакатастроф [Электронный ресурс]: канадский телесериал / реж. Брин Хиггинс // Канада: Cineflix Productions. – Режим доступа: <https://natgeog.ru/smotret-online/crash/rassledovanie>. – Дата доступа: 11.02.2023.

УДК 811.11

Е. М. Чеботарёва, А. О. Лазуркина

СТРАТЕГИЯ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ TED-TALKS УЧЕНОГО-ЭКОЛОГА КАРЛА САФИНЫ

Аннотация. Выявлена специфика средств реализации персуазивности в таком речевом жанре массмедийного экологического дискурса, как публичные лекции *TED*. Материалом анализа послужили выступления ученого-эколога Карла Сафины, обладающие огромным медийным потенциалом. Исследование показало, что учет прагматических характеристик языковых средств, их наиболее эффективное сочетание в рамках отдельного выступления могут привести к продуктивному взаимодействию оратора и аудитории, к достижению нужных результатов.

Ключевые слова: экологический дискурс, стратегии и тактики персуазивности, публичная лекция *TED*, метод деконструкции, языковые средства реализации персуазивности.

Лекции формата *TED* являются особым риторическим жанром, сочетающим в себе черты научно-популярной публичной лекции и веб-лекции. Для риторических текстов универсальна персуазивная стратегия. Целью персуа-

живного воздействия адресанта в контексте экологического дискурса является коррекция экологической картины мира адресата, связанная с повышением у него экологического сознания и стремлением охранять живую природу. В данном исследовании опираемся на классификацию коммуникативных стратегий и тактик экологического дискурса А. В. Зайцевой – стратегию популяризации действий, направленных на охрану природы, и стратегию дискредитации действий, наносящих вред природе [1]. Реализации данных стратегий способствуют три группы тактик, в основе которых лежит доминирующий принцип убеждения: преобладание логосного (апелляция к рациональной аргументации), этосного (опора на авторитет экологов, апелляция к ценностям адресата) или пафосного (апелляция к эмоциям адресата, призыв к восстановлению гармонии человека и природы) компонентов персуазивности.

Рассмотрим воздействующий потенциал данных стратегий и тактик на примере публичной *TED*-лекции эколога, зоолога, профессора университета Стоуни-Брук (США) Карла Сафины «*What are animals thinking and feeling?*» [2]. Данная *TED*-лекция является блестящим примером персуазивного дискурса, который заставляет задуматься о месте человека в мире, о том, имеет ли он право считать себя мерилем всех вещей. В своем 20-минутном выступлении К. Сафина бросает вызов традиционным представлениям об эмоциях и поведении животных. Мастерски переплетая истории о китах, волках, слонах и альбатросах, основанные на десятилетиях полевых наблюдений и захватывающих открытиях в области нейробиологии, ученый показывает, что у животных есть сознание, что, так же как и мы, другие существа, с которыми мы разделяем Землю, тоже думают, чувствуют, умеют любить и горевать, способны к эмпатии.

При анализе данной *TED*-лекции был использован метод деконструкции – аналитико-синтетический метод, позволяющий увидеть за цельным дискурсом его отдельные составные части и тем самым уточнить и расширить инструментарий эффективных технологий публичных выступлений, которые создают смысловое напряжение дискурса, привлекая адресата, удерживая его внимание и повышая потенциал ментально-речевого взаимодействия адресанта и адресата как равных коммуникантов.

Обработка лексического материала текста лекции производилась с помощью программы «*Concordance*». К ключевым словам, которые составляют смысловое ядро выступления, относятся лексемы ментальной сферы, а также лексемы, передающие эмоциональные состояния и отношения: *brain* (12 раз), *feel* (12), *think* (11), *mind* (8), *care* (7), *empathy* (7), *laughter* (5), *companions* (5), *happy* (4), *love* (4), *anxiety* (3), *fear* (3), *conscious* (4), *company* (3), *courtship* (3), *emotions* (3), *grief* (2), *partnership* (2), *relationship* (2), *sad* (2), *sympathy* (2), *trust* (2), *compassion* (2), *curiosity* (2). Местоимение *we* встречается 68 раз, местоимение *they* – 53 раза, причем под «мы» Сафина подразумевает людей (*humans* (14)), а под «они» – животных (*animals* (12)). Подобное оппозицио-

нирование, как правило, предполагает, что «мы» будут представлены в умах аудитории как светлый позитивный образ, который должен ассоциативно противопоставляться негативному «они». Однако оратор смещает акценты в сторону выгодного и яркого представления «чужих» – мира животных и критического отношения к деятельности «своих» – мира людей. Фиксация негативных признаков свидетельствует о потребности обратить на них внимание: мы понимаем, что у нас есть недостатки, следовательно, способны их преодолеть, следовательно, у нас есть достоинства, превосходящие качеством эти недостатки. О смягчении оппозиции говорит использование лексем *the same* (13 раз), *not the only one* (6), *different* (3) – человек не венец творения в животном мире, а всего лишь равный среди равных. Поэтому нам стоит научиться смотреть на мир не изнутри человеческого эго, а извне, наблюдая себя среди других животных, только тогда мы сможем осознать, что разум и чувства есть и у них.

К. Сафина сразу переходит к обозначению темы своего выступления, призывая слушателей вместе с ним заглянуть в мир животных, понаблюдать за тем, что они делают, и пытаться понять причины их поведения: *Have you ever wondered what animals think and feel? Let's start with a question: Does my dog really love me, or does she just want a treat? But why is the question always do they love us? Why is it always about us? Why are we such narcissists? What are other beings doing with those brains? What are they thinking and feeling? Is there a way to know? I think there is a way in. I think there are several ways in. We can look at evolution, we can look at their brains and we can watch what they do.* Здесь оратор применяет тактику рациональной аргументации для установления контакта с аудиторией. Через цепочку вопросно-ответных конструкций и риторических вопросов Сафина вовлекает слушателей в диалог, делает их непосредственными участниками совместного рассуждения, а использование повторов призвано подчеркнуть значимость темы лекции.

Далее, приведя несколько примеров осознанного поведения у животных, оратор прибегает к иронии и обличает склонность человека к самолюбованию, побуждающую его считать остальных представителей живого мира лишь материалом для удовлетворения своих потребностей: *How do we show how much we care about crayfish anxiety? – Mostly, we boil them. How do we celebrate the ape-like intelligence of this invertebrate? – Mostly boiled. How do we celebrate that ancient partnership? – Mostly fried.* Здесь оратор использует тактику выявления конкретных виновников безответственного отношения к миру живой природы. Местоимение *we* обозначает причастность всех людей, в том числе и аудитории, к критикуемым оратором действиям. Параллелизм с повторами, благодаря своему однообразию, служит фоном для эмфатического выделения нужного отрезка высказывания – недостаточной культурой взаимного уважения и сострадания друг к другу, не говоря уже о братьях наших меньших.

Оратор упоминает собственный опыт, что вызывает доверие у слушателей, способствует интимизации общения: *A reporter said to me, «Maybe, but how do you really know that other animals can think and feel?». And I started to rifle through all the hundreds of scientific references that I put in my book and I realized that the answer was right in the room with me. When my dog gets off the rug and comes over to me – not to the couch, to me – and she rolls over on her back, she has had the thought.* Здесь используется апелляция к авторитету. Публичное выступление оживляет введенная в него прямая речь, позволяющая привлечь внимание к определенной идее и отношению к ней автора.

В следующем примере ученый апеллирует к «невыгодности» действий, наносящих урон окружающей среде, касаясь темы истребления волков на территории Йеллоустонского национального парка, которое повлекло за собой неконтролируемое увеличение популяции лосей: *In Yellowstone National Park, we killed every single wolf. We killed every single wolf south of the Canadian border, actually.* Прием редупликации, расчленяя фрагмент речи на отдельные части, выделяет важную мысль, заложенную автором. Повтор отрицательной лексики позволяет убедительнее воздействовать на отношение слушателей к проблеме.

Описывая качества человека как представителя своего вида, оратор использует тактику гиперболизации отрицательных оценочных характеристик: *We are the most compassionate, most violent, most creative and most destructive animal that has ever been on this planet.* Антитеза подразумевает, что мы самые иррациональные из всех животных, склонные как к разрушительному безумию, так и к безудержному творчеству, так не эта ли противоречивость и делает нас людьми?

Сафина утверждает, что не только люди, но и животные способны осознавать себя как часть сообщества, которое живет своим особым укладом, заботясь друг о друге: *We are not the only ones who care about our mates. We are not the only ones who care about our children. Albatrosses fly six, sometimes ten thousand miles over several weeks to deliver one meal, one big meal, to their chick. If anything is sacred, that is, and into that sacred relationship comes our plastic trash. All of these birds have plastic in them now.* Повтор, приведение конкретных цифр и данных, помимо выражения экспрессивной функции, подчеркивает важность, крепость уз, связывающих отдельных представителей вида. Помимо тактики подтверждения конкретных фактов, оратор в этом примере прибегает и к тактике выявления виновников загрязнения окружающей среды – трагические последствия утилизации пластиковых отходов, которые часто становятся причиной гибели альбатросов. Антитеза *sacred relationship – plastic trash* употребляется для эмоционального противопоставления контрастных образов.

Подводя итоги своей речи, оратор применяет тактику принятия моральной ответственности за урон природе: *This is not the relationship we are supposed to have with the rest of the world. But we, who have named ourselves after our brains, never think about the consequences. We paint animals on the walls. We don't paint cell*

phones. *We paint animals to show our kids that we are not alone. And every one of those animals in every painting of Noah's ark, deemed worthy of salvation is in mortal danger now, and their flood is us.* Здесь местоимения *we, ourselves, our* апеллируют к чувству вины, пробуждают у аудитории ответственность за происходящие события. Употребление повторов подчеркивает уникальность нашей связи с животными, дарящей нам дружескую помощь и психоэмоциональную поддержку, в отличие от бездушных технологий, которые при активном содействии человека несут угрозу живой природе, все разрушая и опустошая подобно наводнению (метафора *we are flood*). Эффект воздействия усиливает антитеза (*Noah's ark – mortal danger*); прием контраста выступает здесь в роли имплицитного способа указать на желательные действия – защиту природы, которые, по мнению ученого, следует предпринять незамедлительно, что выражается через временной дейксис *now*.

Сафина завершает выступление, надеясь на сострадание слушателей, а через них и всего человечества ко всему животному миру – что же нас ожидает: триумф человеческого интеллекта, позволившего сохранить все многообразие жизни на Земле, или катастрофа? *So we started with a question: Do they love us? We're going to ask another question. Are we capable of using what we have to care enough to simply let them continue?* Оратор выбирает тактику призыва к восстановлению равновесия и гармонии человека и природы, ведь все живое едино. С помощью финального риторического вопроса оратор выражает призыв к действию, надеется, что, сравнивая два мира – «их» и «себя», мы станем ближе.

Обобщая полученные в ходе анализа данные, можно заключить, что сочетание рациональных и эмоциональных аргументативных стратегий и тактик обеспечивает персуазивное воздействие на адресата с целью формирования у него релевантного экологического сознания и адекватного экологически грамотного поведения. Речевое воздействие имеет интегративный комплексный характер, происходящий на разных языковых уровнях, причем к наиболее частотным лингвостилистическим средствам реализации персуазивности в лекциях *TED* относятся риторический вопрос, обращение, местоимения, повтор, единицы с положительной оценочностью, императивы, модальные глаголы, вводные выражения, тропы, т. к. именно данные средства содействуют диалогизации общения между оратором и аудиторией, усиливают эмоциональное воздействие аргументации оратора, что дает ему возможность подвести слушателей к важному выводу о необходимости приступить к практическим действиям по защите окружающей среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева, А. В. Коммуникативные стратегии экологического дискурса ФРГ / А. В. Зайцева // Вестн. ИГЛУ. – 2013. – С. 244–250.

2. **Safina, C.** What are animals thinking and feeling? [Electronic resource] / C. Safina // TED. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/carl_safina_what_are_animals_thinking_and_feeling/up-next. – Date of access: 01.02.2023.

УДК 37.091.3:821

Е. В. Шаранова

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТНОЙ МЕТОДИКИ В ИЗУЧЕНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ЕВРОПЫ»

Аннотация. Рассматривается технология использования метода проектов при изучении дисциплины «Культура и литература Европы». Данный метод позволяет реализовывать полученные знания для решения практикоориентированных задач, что способствует формированию ключевых компетенций будущих специалистов.

Ключевые слова: метод проекта, литература «потерянного поколения», Первая мировая война, модернизм.

Одной из важнейших задач современной системы образования является не только приобретение необходимых компетенций, но и развитие личности учащегося, достижение таких образовательных результатов, которые помогут вырабатывать эффективные жизненные стратегии, принимать правильные решения в различных сферах деятельности и общении. Для реализации этих задач достаточно эффективна проектная деятельность, что определяется ее полифункциональной направленностью и возможностью построения индивидуальной траектории развития учащегося.

Н. Алексеев выделяет следующие особенности проекта: «1 – отнесение к будущему, близкому или далекому; 2 – как такового этого будущего еще нет, но оно желательно либо нежелательно; 3 – это будущее просматривается в идеальном плане» [1]. В связи с этим ученый рассматривает проектирование как индивидуальный идеальный вид деятельности, процесс обдумывания («промысливания») того, чего еще нет, но должно (не должно) быть [1]. Заметим, что проектирование тесно связано с реализацией замысла. В образовательной практике этот процесс сочетается с прогнозированием, поэтому он служит средством развития интеллекта и креативности учащихся.

Успешный проект с самого начала должен соответствовать определенным параметрам:

– ориентация на создание чего-то нового (выявление наиболее эффективных, приемлемых новых решений или известных идей, применимых к новым условиям);

– ориентация на необходимость жизни (студенты должны решать не просто новую задачу, но ту, которая может иметь непосредственное отношение к их жизни, внутреннему миру, жизненным приоритетам);

– включение научной составляющей (исследовательской, творческой и др.), определяющей общую направленность и общий результат работы.

Для эффективной проектной деятельности необходимо учесть несколько условий: умение студентов работать в группе, их развитые коммуникативные навыки, постановка им исследовательской цели.

В нашей практике использование проектных технологий оправдано при освоении дисциплины «Культура и литература Европы» (направление подготовки «Зарубежное регионоведение»). Состояние общества на современном этапе характеризуется расширением общественно-политических, социально-экономических, культурных связей между странами, развитием информационных технологий, процессом глобализации. В подобных условиях важно не потерять свою национальную идентичность, сохранить традиции. Поэтому на занятиях знаковые европейские литературные тексты изучаются не изолированно, а вместе с другими произведениями, объединенными художественным направлением или методом, жанром, идейно-тематическими характеристиками.

В качестве примера предлагаем алгоритм деятельности по проекту «Литература «потерянного поколения»: создание тематической выставки». Работа над проектом предполагает следующие этапы:

- 1) подготовка и планирование;
- 2) исследование (аналитический этап);
- 3) выводы (этап обработки информации);
- 4) презентация итогов проекта и оценка работы над ним [2].

На этапе подготовки и планирования необходимо сформулировать тему, цель и задачи проекта; определить перспективы его развития и практическую значимость; написать план работы с указанием сроков выполнения отдельных этапов проекта; определить мини-группы (обычно 2–4 человека), которые будут заниматься отдельными задачами проекта, и модератора внутри каждой группы; распределить обязанности с учетом индивидуальных особенностей учащихся; определить форму отчета по проекту.

Цель проекта – определение возможности использования биографических сведений о М. Горьком, А. Барбюсе, Э. Хемингуэе, Э. М. Ремарке, а также их произведений о Первой мировой войне при создании выставки, в том числе и виртуальной.

Задачи проекта: прочитать тексты Горьцкого «На империалистической войне», Барбюса «Огонь», Ремарка «На Западном фронте без перемен», Хемингуэя «Прощай, оружие»; разработать маршруты виртуальных экскурсий по местам, связанным с Первой мировой войной в жизни и творчестве названных авторов; создать логотип, рекламу проекта, план продвижения проекта через социальные сети; актуализировать информацию по данной

теме из сферы кинематографа, изобразительного искусства, из истории и политологии.

Аналитический этап предусматривает поиск информации по отдельным модулям проекта.

Модуль 1 «Жизнь и творчество писателей «потерянного поколения» предусматривает подготовку презентации, в которой сопоставлялись бы события жизни и творчества всех названных авторов, в первую очередь в период Первой мировой войны.

Перспективной является работа по созданию интерактивных карт, которые могут отражать места боев, в которых приняли участия писатели, а также места наиболее значимых событий Первой мировой войны. В данном случае будут реализованы междисциплинарные связи. Для создания атмосферы выставки целесообразно использовать аудио- и видеосопровождение: музыку этого времени, материалы кинохроники. Над этим модулем работают группы «биографов» и «историков».

Над модулем 2 «Книги о Первой мировой войне» работает группа «редакторов». Возможно, не все посетители создаваемой выставки читали названные тексты. Поэтому необходимо подготовить дайджесты произведений. Изложение краткого содержания может сопровождаться демонстрацией фрагментов из кинофильмов разных лет, телевизионных и театральных постановок. Данная работа поможет виртуальным посетителям увидеть, как изменялись процессы адаптации литературных текстов в зависимости от времени, режиссерского видения и актерской интерпретации. Подобная работа поможет учащимся глубже осознать творческие процессы в различных видах искусства, увидеть национальную специфику отражения действительности.

Модуль 3 «Продвижение выставки» предусматривает создание рекламной стратегии и подготовку технологического задания по популяризации проекта. Группа «дизайнеров» продумывает и создает визуальную составляющую: логотип, шрифты, цветовое наполнение проекта. При этом возможно обращение к образцам и идеям изобразительного искусства названной эпохи, а это очень показательные примеры модернистских поисков, например, экспрессионизм, символизм, футуризм и др. Группа «копирайтеров» готовит рекламные слоганы, пишет посты для социальных сетей, публикаций в СМИ.

На этапе обработки информации все наработки объединяются в единую презентацию, в которой обязательно нужно показать этапы работы над проектом. Для этой цели используются сделанные в процессе фотографии, видеозарисовки и т. д. Отчетный этап может быть представлен как внутри группы, так и с приглашенными гостями: преподавателями, другими группами.

По результатам работы над проектом преподаватель может предложить проверочную работу, которая покажет знание и понимание указанных художественных текстов. В качестве примера предлагается табл. 1, в которой учащиеся должны заполнить пустующие ячейки.

Табл. 1. Литература «потерянного поколения»

Произведение	«На империалистической войне»	«Огонь»	«На Западном фронте без перемен»	«Прощай, оружие»
Автор		Анри Барбюс		
Жанр	Документально-художественные записки			
Авторское определение жанра		Дневник взвода		
Год публикации		1916		
Страна			Германия	
Главный герой				Фредерик Генри, по образованию архитектор
Путь на войну	Попал в армию еще до начала Первой мировой войны, т. к. пошел вольноопределяющимся, чтобы сократить срок службы			
Характерная особенность произведения				Автобиографизм
Доминанта в повествовании	Монолог, самоанализ, рефлексия			
Повествователь			Участник-летописец	
Тема любви				Любовь лейтенанта Генри и Кэтрин – сквозная тема произведения
Тема дружбы	Задума сближается с простыми солдатами, находит в них опору			
Адаптации в искусстве			Экранизации 1930 г., 1979 г., 2022 г.	

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев, Н. Г.** Проектирование и рефлексивное мышление [Электронный ресурс] / Н. Г. Алексеев // Развитие личности. – 2002. – № 2. – С. 85–103. – Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/2-02/111.html>. – Дата доступа: 05.03.2023.

2. **Ковардакова, М. А.** Проектный подход в управлении качеством образовательного процесса в высшей школе [Электронный ресурс] / М. А. Ковардакова. – Режим доступа: https://www.ulsu.ru/media/documents/Проектный_подход_в_управлении_fZrwUZA.pdf. – Дата доступа: 01.10.2022.

УДК 811.161.3'42

В. М. Шаршнёва

ПРАГМАТЫЧНЫ ЗМЕСТ ЭКСПРЭСІЎНАЙ ФУНКЦЫІ ЗНАКАЎ ПРЫПЫНКУ

Анотацыя. Разглядаецца прагматычны патэнцыял знакаў прыпынку ў мастацкім тэксце. Экспрэсія пунктуацыйнага афармлення звязваецца з выражэннем эмоцый, адлюстраваннем лагічнай сувязі паміж асобнымі часткамі мастацкага тэксту, указаннем на лагічны націск. Пацвярджаецца ўплыў індывідуальнага стылю пісьменніка на выразнасць экспрэсіўнай функцыі.

Ключавыя словы: прагматычны патэнцыял, знакі прыпынку, пунктуацыйныя знакі, пунктуацыя, экспрэсіўная функцыя, экспрэсіўнасць.

Прагматычны патэнцыял моўных сродкаў мастацкага тэксту вынікае з пэўнай маўленчай сітуацыі і іх інтэрпрэтацыя часта залежыць ад кантэксту. Пад прагматычным патэнцыялам разумеецца «карэляцыя паміж выбарам моўнага матэрыялу адпраўнікамі тэксту і іх маўленчымі паводзінамі, а таксама магчымасць актуалізацыі нюансаў сэнсу моўных адзінак ва ўмовах маўленчых зносін» [1, с. 9]. На думку В. Л. Пановай, камунікатыўна-прагматычная эфектыўнасць выказвання з'яўляецца адной з падстаў выбару вобразных сродкаў яго фарміравання, паколькі «выказванне як адзінка зносін мае камунікатыўна значную і прагматычна зараджаную інфармацыю, якую персанаж імкнецца давесці да моўнай свядомасці слухача ў выглядзе паведамлення, пытання (запыту паведамлення), заахвочвання, эматыўна-ацэначных абазначэнняў і г. д.» [2, с. 12].

Прагматычны патэнцыял залежыць не толькі ад сродкаў, якія выкарыстоўваюцца аўтарам у працэсе стварэння тэксту, але і ў значнай меры ад здольнасці рэцыпіента заўважыць, асэнсаваць, растлумачыць гэтыя знакі. Адны і тыя ж моўныя адзінкі ў залежнасці ад іх значэння, спалучэння, частаты ўжывання могуць мець розныя камунікатыўныя магчымасці, інакш кажучы, розны камунікатыўна-прагматычны патэнцыял. Асаблівае месца ў сістэме прагматычна насычаных моўных адзінак, здольных перадаваць імпліцытнае значэнне, займаюць пунктуацыйныя знакі.

Кожны мастацкі тэкст мае сваю сістэму знакаў прыпынку, абумоўленую прагматычнай устаноўкай аўтара і камунікатыўным заданнем у цэлым. Пунктуацыя актуалізуе не толькі сэнсавыя адценні думкі, але і аўтарскую інтанацыю, становіцца адметным спосабам арганізацыі праявінага тэксту, сінтаксічна-рытмічнай арганізацыі маўлення, інакш кажучы, з'яўляецца сродкам адлюстравання важнай, з пазіцыі аўтара, у сэнсавых адносінах інфармацыі. Найбольш значная роля пунктуацыі ў фарміраванні сэнсаў мастацкага тэксту, у стварэнні і рэалізацыі падтэксту. Імпліцытны характар

пунктуацыі заўсёды эматыўны і абумоўлены прагматычнымі прычынамі: жаданнем перадаць скрытую ацэнку аўтара, дасягнуць пэўнага эстэтычнага эфекту, непасрэдна звязанага з функцыяй мастацкага тэксту; імкненнем уздзейнічаць на пачуцці і думкі адрасата, падказваючы наяўнасць дадатковага сэнсу і паказваючы на ​​неабходнасць яго ўспрымання. Прагматычны патэнцыял пунктуацыі непасрэдна звязаны з яе экспрэсіўнымі магчымасцямі, а значыць, з магчымасцю паказваць на ​​важнасць асэнсавання і чытання дадатковага, міжрадковага, зместу. На думку В. А. Маславай, экспрэсіўнасць – гэта «інтэгральны вынік такіх планаў, як эматыўнасць, вобразнасць, ацэначнасць, інтэнсіўнасць, стылістычная маркіраванне, структурна-кампазіцыйныя падтэкставыя з’явы» [3, с. 186].

Пунктуацыя, практычна не маючы абмежаванняў у рэалізацыі, выконвае разнастайныя камунікатыўна-прагматычныя функцыі, прычым «прагматычны патэнцыял пунктуацыйных знакаў спрыяе пашырэнню іх функцый, што вядзе да збліжэння і перасячэння сфер іх прагматычнага зместу і функцыянавання, і сведчыць аб інтэграваным характары сістэмы пунктуацыі» [4, с. 8]. На прагматычную ролю пунктуацыі звяртала ўвагу Н. С. Валгіна, сцвярджаючы, што «пунктуацыя нясе сваю, і прытым вялікую службу ў мове: яна «асэнсоўвае» пісьмовы тэкст, даносіць яго да чытача з тым жа зместам, які быў задуманы аўтарам, і толькі дзякуючы пунктуацыі той, хто піша, і той, хто чытае, дасягае адзінства ва ўспрыняцці змястоўнага боку тэксту» [5, с. 11].

Надзвычай выразнай сярод камунікатыўна-прагматычных функцый уяўляецца экспрэсіўная, з дапамогай якой выяўляецца пазіцыя аўтара, яго эмоцыі, даецца пэўная ацэнка і падказваецца магчымая інтэрпрэтацыя апісваемай падзеі, сітуацыі, асобы. Па сутнасці, знакі прыпынку прымаюць удзел у актуалізацыі любога кампанента з пункту погляду фармальнай сінтаксічнай арганізацыі, але пры гэтым вылучэнне найбольш значнага ў інфармацыйных і сэнсавых адносінах кампанента абумоўлена аўтарскай інтэнцыяй. У сувязі з гэтым можна сцвярджаць, што праз сістэму прапанаванай у мастацкім творы пунктуацыі рэалізуецца маўленчая стратэгія аўтара.

Сродкам маўленчага ўздзеяння на чытача можа быць любое спалучэнне (часта зусім нечаканае, нават не адпаведнае норме) знакаў прыпынку або, наадварот, іх частковая ці поўная адсутнасць. Т. Л. Вауліна звязвае экспрэсіўнасць знакаў прыпынку «з узмацненнем сэнсавага эфекту маўленчых адзінак» [6, с. 142].

Экспрэсія пунктуацыйнага афармлення часта звязваецца з выражэннем эмоцый, адлюстраваннем лагічнай сувязі паміж асобнымі часткамі мастацкага тэксту, указаннем на лагічны націск, прыкладам чаго можа стаць фрагмент апавядання Г. Аўласенкі «Лясное возера»:

Андрэй моцна сцяў зубы.

«Не трэба было мне ехаць сюды! – міжволі падумалася яму. – Відаць жа, усё відаць... простым вокам відаць!»

<...>

На сэрцы ў Андрэя стала крыху лягчэй.

«Трохкутнік! – горка ўсміхаючыся, падумаў ён. – Звычайны, класічны, зашмальцаваны ў мностве літаратурных сюжэтаў трохкутнік! Ён кахае яе, яна ж абавязкова павінна кахаць кагосьці трэцяга ... ну, а сам гэты трэці ...»

Андрэй уздыхнуў.

«Гэты трэці – лепшы за цябе ва ўсіх адносінах! – нагадаў ён сабе. – Давай будзем глядзець праўдзе ў вочы! Ён прыгажэйшы за цябе, дужэйшы ... смялейшы, нарэшце! Цікава, ці пайшоў бы я туды зараз, вось так, адзін ... асабліва пасля ўчарашніх гэтых боек?»

І Андрэй зноў непрыкметна ўздыхнуў.

– Чаму ты не пайшоў з ім?!

Менавіта пунктуацыйнае афармленне дапамагае аўтару максімальна дакладна, адпаведна апісанай сітуацыі, *перадаць эмоцыі і пачуцці персанажа*: хваляванне, рэўнасць, сумненні, расчараванне, разважанні і немагчымасць сказаць вырашальнае слова. Імкнучыся засяродзіць увагу на перажываннях Андрэя, пісьменнік выкарыстоўвае клічнікі, пыталнікі, шматкроп'е, прычым шматкроп'е нават не ў канцы, а ў сярэдзіне сказа, што, несумненна, адлюстроўвае эмацыянальную напружанасць мужчыны, яго адчай ад немагчымасці ўзяць сітуацыю пад кантроль. Звяртае на сябе ўвагу адметнае пунктуацыйнае афармленне думак персанажа (узятых ў двукоссе) і выказанай прастай мовы (апошняя рэпліка). Такое афармленне дапамагае не проста размежаваць унутранае і знешняе маўленне, але і правесці своеасабліваю мяжу паміж думкамі, эмоцыямі і рэальнасцю. У гэтых адносінах працяжнік, з якога афармляецца рэпліка, можна лічыць знакам сувязі асобных частак выказвання, паколькі ён *спыняе разважальны план аўтара і адначасова сігналізуе аб далучэнні наступнай лагічнай часткі*. Спецыфіка графічнага афармлення (малая літара пасля шматкроп'я) падказвае чытачу *месца лагічнага націску*, актуалізуючы такім чынам не толькі змест ненаарматыўна напісанага слова, але і пакутлівую складанасць перажыванняў, унутраную барацьбу, праз якую персанаж праходзіць у выбары патрэбнага слова, якое дапамагло б яму быць чэсным у першую чаргу з самім сабой.

Абуджэнне эмоцый і адчуванняў чытача можа адбывацца і праз аслабленне пунктуацыі, напрыклад (заўвага: арфаграфія, пунктуацыя і афармленне тэксту захаваныя):

<...> і стары якраз хварэў, але падняўся з ложка і ўважліва слухаў мужчыну і гаварыў звычайна

... я гэты горад і хто яго насяляе тэлеграфным слупам праз памыйную яму

і раіў

з'езджайце, бо тут трэба толькі страляць, а вы на гэта не пойдзеце, ды і не дадуць – абложачь, як звер, свае ж

і смуткаваў

*мне б маладыя гады – я б тут і хвіліны не затрымаўся, далібог,
дрыгва*

І ва ўсім творы, і ў працытаваным з яго прыкладзе аўтар цалкам адмаўляецца ад традыцыйнага пунктуацыйнага (кропка, шматкроп'е, клічнік, пыталынік, працяжнік пры афармленні асобных рэплік) і арфаграфічнага (вялікая літара) нарматыўнага афармлення дыялогу. З чырвонага радка, працягласць якога, аднак, значна павялічана, запісваюцца толькі рэплікі суб'яднікаў. Такі запіс, з аднаго боку, некалькі ўскладняе ўстанаўленне адпаведнасці выказвання пэўнаму суб'ядніку пры ўспрыняцці і асэнсаванні размовы. Чытач можа толькі здагадацца, каму з персанажаў могуць належаць выказаныя словы. Аднак, з другога боку, такая невыразнасць у дачыненні да ўспрыняцця ўрыўка апраўдана тым, што апісаныя падзеі адбываюцца ў цёмны час сутак, і чытач можа толькі ўяўляць, каму належаць «падслуханыя» выразы. Міжволі ўзнікае адчуванне, што адбываецца нешта нядобрае, забароненае, сведкам чаго нечакана становіцца чытач. Што датычыць агульнага асэнсавання твора, то можна меркаваць, што такое афармленне дапамагае аўтару максімальна абстрагавацца ад апавядання, стварыць уражанне рэальных падзей, зрабіць чытача іх маўклівым назіральнікам і нават саўдзельнікам.

Такім чынам, пунктуацыйныя знакі, будучы самастойнай сістэмай, разам з тым дэтэрмінаваны сістэмай сэнсавых адносін тэксту і, ствараючы экспрэсіўны эффект, служаць прыёмам і псіхалагічнай маніпуляцыі свядомасцю рэцыпіента. Разгледжаныя пунктуацыйныя асаблівасці сучасных мастацкіх тэкстаў дазваляюць абгрунтавана сцвярджаць здольнасць пунктуацыйных знакаў эмацыянальна ўздзейнічаць на адрасата, выклікаць яго рэакцыю, а значыць, выконваць экспрэсіўную функцыю. Выразнасць экспрэсіўнай функцыі непасрэдна звязана з індывідуальным стылем пісьменніка, з паняццем аўтарскай пунктуацыі, якое ўключае ў сябе не толькі схільнасць да выкарыстання якога-небудзь/якіх-небудзь знака/знакаў, пашырэнне функцый знакаў, адмаўленне ад знакаў прыпынку, але і нетрадыцыйныя спалучэнні графічных сродкаў. Аслабленая пунктуацыя мастацкага тэксту дазваляе чытачу расставіць сэнсавыя акцэнтны ў структуры выказвання; дае рэцыпіенту свабоду ў інтэрпрэтацыі мадальна-ацэначнага зместу твора.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Дорджиева, Е. В.** Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Дорджиева; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2005. – 179 л.

2. **Панова, О. Л.** Коммуникативно-прагматические средства создания речевой образности в современном драматургическом тексте (60–80 гг. XX века): дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Панова; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2001. – 212 л.

3. **Маслова, В. А.** Параметры экспрессивности текста / В. А. Маслова // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука, 1991. – С. 179–204.

4. **Майзенгер, Н. В.** Позиционно-содержательная и прагматическая значимость знаков препинания в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Майзенгер; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 188 л.

5. **Валгина, Н. С.** Русская пунктуация : принципы и назначение: пособие для учителей / Н. С. Валгина. – Москва: Просвещение, 1979. – 125 с.

6. **Ваулина, Т. Л.** Экспрессивная функция знаков препинания в организации присоединительных конструкций / Т. Л. Ваулина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2009. – № 4 (26). – С. 141–147.

УДК 81376:811.161.3

А. М. Шубадзёрава, А. У. Касцюкова

АРГАНІЗАЦЫЯ САМАСТОЙНАЙ РАБОТЫ ПА ДЫСЦЫПЛІНЕ «БЕЛАРУСКАЯ МОВА (ПРАФЕСІЙНАЯ ЛЕКСІКА)»

Анотацыя. Разглядаюцца пытанні арганізацыі самастойнай работы па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)». Асаблівая ўвага надаецца крытэрыям самастойнай работы розных узроўняў і формам кантролю за яе выкананнем.

Ключавыя словы: самастойная работа, віды і формы самастойнай работы, адукацыйны працэс, формы кантролю за самастойнай работай, беларуская мова, прафесійная лексіка.

На працягу многіх гадоў педагогамі актыўна абмяркоўваюцца праблемы арганізацыі самастойнай работы студэнтаў (курсантаў, слухачоў) [1–3]. І гэта невыпадкова, бо самастойная работа з'яўляецца важным элементам працэсу навучання і эфектыўным сродкам прафесійнага росту маладых спецыялістаў, якія павінны валодаць ґрунтоўнымі ведамі, прафесійнымі ўменнямі і навыкамі, вопытам творчай і даследчай дзейнасці.

Нягледзячы на вялікую колькасць даследаванняў, многія пытанні, такія як сутнасць і змест самастойнай работы, яе віды і формы, роля ва ўзаемадзеянні паміж педагогам і студэнтам, кантроль і ацэнка самастойнай работы, уплыў камунікацыйных і інфармацыйных тэхналогій на арганізацыю самастойнай работы і інш., пераасэнсоўваюцца, патрабуюць удакладнення і з'яўляюцца дыскусійнымі да гэтага часу.

У навуковай і навукова-метадычнай літаратуры рознымі аўтарамі ў розным значэнні выкарыстоўваецца паняцце «самастойная работа». Многія даследчыкі звяртаюць увагу на тое, што «самастойная работа студэнта з'яўляецца ключавым складнікам навучальнага працэсу, які вызначае фарміраванне навыкаў, уменняў і ведаў, прыёмаў пазнавальнай дзейнасці і забяспечвае цікавасць да творчай працы, а таксама ўяўляе сабой адмысловую форму

навучання па заданні выкладчыка, выкананне якой патрабуе творчага падыходу і ўмення атрымліваць веды самастойна» [1, с. 5].

У вышэйшых навучальных установах самастойная работа прадугледжваецца пры вывучэнні кожнай дысцыпліны, у тым ліку і дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)», і арганізуецца з улікам канкрэтных патрабаванняў адукацыйных стандартаў, узроўню падрыхтоўкі студэнтаў і іх інтэлектуальных здольнасцяў, узроставых магчымасцяў. Безумоўна, студэнты-першакурснікі маюць асабісты вопыт арганізацыі самастойнай работы, які яны атрымалі ў школе, ва ўстановах дадатковай адукацыі, дома. Аднак пры навучанні ў ВНУ патрабаванні да самастойнай работы ўскладняюцца, бо звязаны з фарміраваннем агульнакультурных і прафесійных кампетэнцый.

Самастойная работа у межах вывучэння курса «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» прызначана актывізаваць вучэбна-пазнавальную дзейнасць навучэнцаў, пашырыць вучэбную інфармацыю, атрыманую на лекцыйных і практычных занятках, сфарміраваць у іх уменні самастойнага набыцця і абагульнення лінгвакультуралагічных ведаў, развіваць навыкі самаарганізацыі, самастойнасці мыслення, здольнасці да самаразвіцця, самаўдасканалення, самарэалізацыі.

Звычайна самастойную работу студэнтаў па любой дысцыпліне, у тым ліку і дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)», падзяляюць на дзве часткі:

1) самастойная работа, якую студэнт выконвае без непасрэднага кантролю з боку выкладчыка (такая работа, як правіла, арганізуецца самім студэнтам у зручны для яго неаўдыторны час, вызначаецца ўласнымі пазнавальнымі патрэбамі);

2) кіруемая самастойная работа, арганізаваная выкладчыкам і прапісаная ў навукова-метадычнай дакументацыі (студэнт самастойна выконвае заданні, выданыя выкладчыкам, у спецыяльна адведзены час). Кіруемая самастойная работа кантралюецца, можа быць арганізавана з дапамогай камп'ютарных тэхналогій. Могучь выкарыстоўвацца розныя формы кіруемай самастойнай работы: аўдыторная і неаўдыторная, групавая і індывідуальная.

Кіруемая самастойная работа студэнтаў па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» прадугледжваецца вучэбнай праграмай і мае навукова-метадычнае забеспячэнне: электронны вучэбна-метадычны комплекс, вучэбную праграму і метадычныя рэкамендацыі па дысцыпліне, навукова-метадычную і даведкавую літаратуру, электронныя сродкі навучання і інш. Выбор форм і відаў арганізацыі кіруемай самастойнай работы вызначаецца зместам вучэбнай дысцыпліны і формай арганізацыі навучання (лекцыя, семінар, практычныя заняткі, кантрольныя мерапрыемствы і інш.), а таксама ўзроўнем падрыхтоўкі студэнтаў.

Пры вывучэнні дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» выкарыстоўваюцца розныя віды кіруемай самастойнай работы студэнтаў: рэпрадукцыйны; рэканструкцыйны (прадукцыйны); доследна-творчы.

Рэпрадукцыйная самастойная работа выконваецца на аснове вядомых студэнту алгарытмаў (узораў), раней прадэманстраваных выкладчыкам, прапісаных у вучэбных дапаможніках ці апрабаваных пры выкананні папярэдніх заданняў. Мэтай такога віду самастойнай работы з'яўляецца набыццё ведаў, уменняў і навыкаў на ўзроўні пазнавання, асэнсавання і запамінання. Несумненна, што самастойнасць вучэбнай дзейнасці студэнтаў на гэтым узроўні невысокая. Да рэпрадукцыйных відаў кіруемай самастойнай работы можна аднесці: знаёмства ці паўтарэнне тэарэтычнага матэрыялу па тэме; адказ на пытанні для самастойнага разгляду і самакантролю пасля вывучэння тэарэтычнага матэрыялу; канспектаванне вучэбнай літаратуры; пісьмовае і вуснае выкананне практыкаванняў з вучэбнага дапаможніка; прагляд беларускамоўных відэаматэрыялаў; пераклад тэрмінаў з дапамогай слоўнікаў; выкананне лінгвістычных трэнажораў; афармленне афіцыйна-справавых дакументаў па прапанаваным узору і інш.

Сярод пералічаных вышэй рэпрадукцыйных відаў самастойнай работы хацелася б звярнуць увагу на лінгвістычныя трэнажоры. Пры вывучэнні дысцыпліны «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» трэнажор можа прапаноўвацца да кожнай тэмы для падрыхтоўкі да практычных заняткаў і кантрольных работ. Найчасцей выкарыстоўваюцца трэнажоры ў выглядзе тэстаў з адказамі і каментарыямі да кожнага задання. Працуючы з такім трэнажорам, студэнт не толькі адразу бачыць няправільна зробленыя заданні, але і мае магчымасць прааналізаваць дапушчаныя памылкі, паўтарыць неабходныя правілы. Адзнакі за выкананы тэст, як правіла, не фіксуюцца выкладчыкам, яны служаць для навучэнца своеасаблівым арыенцірам засваення разгледжанага матэрыялу, а для выкладчыка вызначаюць ступень неабходнасці карэкцыйнай работы па той ці іншай тэме.

Акрамя гэтага, трэнажор з'яўляецца дзейным інструментам для засваення прафесійнай лексікі – аднаго з найбольш важнага этапу вывучэння вышэйназванай дысцыпліны. У дадзеным выпадку ў якасці трэнажораў могуць выступаць заданні з адказамі, якія дазваляюць пазнаёміць навучэнцаў з лексічным значэннем новых тэрміналагічных адзінак, іх граматычнымі прыметамі і правапісам, навучыць знаходзіць тэрміны ў тэксце, перакладаць іх з рускай мовы на беларускую і наадварот.

Рэканструкцыйныя (прадукцыйныя) віды самастойнай работы прадугледжваюць заданні, якія фарміруюць кампетэнцыі на ўзроўні ўзнаўлення ведаў. Яны вучаць аналізаваць моўныя з'явы і факты, ствараюць умовы для развіцця мысленчай актыўнасці студэнтаў, фарміруюць прыёмы і метады пазнавальнай дзейнасці, дазваляюць асэнсавана пераносіць атрыманыя веды ў тыповыя маўленчыя сітуацыі. Дзейнасць студэнта накіроўваецца і кантралюецца выклад-

чыкам, але ў меншай ступені, чым на рэпрадукцыйным узроўні, значыць, ступень яе самастойнасці ўзрастае. Пры вывучэнні прафесійнай лексікі выкарыстоўваюцца такія рэканструкцыйныя віды самастойнай работы, як падрыхтоўка паведамленняў, тэматычных дакладаў, прэзентацый, складанне тэзісаў прачытанага вучэбнага матэрыялу, аналітычная апрацоўка беларускамоўных тэкстаў розных стыляў (складанне анатацый, рэфератаў, рэцэнзій, рэзюмэ), пераклад тэкстаў юрыдычнай тэматыкі з рускай на беларускую мову, вывучэнне, анатаванне, рэфераванне дадатковай навуковай літаратуры.

Важнае значэнне для развіцця вуснага маўлення студэнтаў мае падрыхтоўка дакладаў, рэфератаў, паведамленняў. Для выканання такога віду работ навучэнцы самастойна падбіраюць літаратуру, аналізуюць яе, выбіраюць найбольш значную і цікавую, на іх погляд, інфармацыю, прадумваюць план выступлення, вучацца лагічна і паслядоўна выражаць свае думкі, выказваць уласнае меркаванне адносна той ці іншай праблемы. Пры напісанні дакладаў, рэфератаў студэнты вучацца афармляць спіс выкарыстанай літаратуры і спасылкі на яе ў адпаведнасці з патрабаваннямі. Вуснае выступленне можа суправаджацца прэзентацыяй. Пры самастойнай падрыхтоўцы прэзентацый студэнты даволі часта дапускаюць памылкі, на якія выкладчык абавязкова павінен звяртаць увагу. Найбольш тыповыя з іх наступныя:

– празмерна вялікая колькасць слайдаў з незаўсёды добра прадуманай тэкставай і ілюстрацыйнай інфармацыяй. Слайды павінны быць прадстаўлены ў лагічнай паслядоўнасці; візуальная інфармацыя старанна адбіраецца для таго, каб існаваць не ізалявана, а ілюстраваць, дапаўняць тэкставыя файлы; неабходна вытрымаць пэўны баланс паміж слайдамі, якія змяшчаюць тэкст, і слайдамі з відэа- і аўдыёінфармацыяй; прэзентацыя павінна быць аформлена ў адзіным стылі;

– дэманстрацыйныя файлы перанасычаны тэкставай інфармацыяй, якая дублюецца ў выступленні дакладчыка. На слайдзе размяшчаюцца тэзісы, кароткія і змястоўныя, а тлумачэнні, якія суправаджаюць дэманстрацыю прэзентацыі, павінны пашыраць, удакладняць тэкст слайдаў.

Доследна-творчыя віды самастойнай работы фарміруюць кампетэнцыі на ўзроўні прымянення атрыманых ведаў. Пры выкананні заданняў такога тыпу адбываецца абагульненне і сістэматызацыя лінгвістычных ведаў, перанос іх у нестандартныя ўмовы. Творчая самастойная работа патрабуе аналізу праблемнай сітуацыі і атрыманне новай інфармацыі. Найбольш часта выкарыстоўваюцца такія разнавіднасці доследна-творчай работы, як напісанне эсэ, падрыхтоўка публікацый, выкананне індывідуальных творчых заданняў.

Адным з важных і неабходных элементаў арганізацыі самастойнай работы студэнтаў і кіравання ёю з'яўляецца кантроль за яе выкананнем. Падчас правядзення самастойнай работы па дысцыпліне «Беларуская мова (прафесійная лексіка)» ужываюцца наступныя формы кантролю:

1) індывідуальныя кансультацыі;

- 2) выкананне тэставых заданняў;
- 3) разнастайныя пісьмовыя работы;
- 4) экспрэс-апытванне на аўдыторных занятках;
- 5) праверка індывідуальных творчых заданняў і інш.

Такім чынам, адной з неабходных умоў паспяховага навучання з'яўляецца самастойная работа, якая садзейнічае паглыбленню і пашырэнню ведаў, развіццю ўменняў і навыкаў, творчых здольнасцяў студэнтаў. Таму самастойную работу можна лічыць адным са сродкаў павышэння эфектыўнай падрыхтоўкі сучасных спецыялістаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Щекудова, С. С.** Самостоятельная работа студентов : практическое руководство / С. С. Щекудова. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 47 с.
2. **Агибова, И. М.** Самостоятельная работа студентов в вузе: виды, формы, классификации / И. М. Агибова, Т. А. Куликова // Вестн. Ставропол. гос. ун-та. – 2010. – № 6. – С. 221–227.
3. **Храмова, Н. А.** Самостоятельная работа студентов как обязательный вид образовательной деятельности / Н. А. Храмова // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2021. – Т. 17. – С. 329–335.

СЕКЦИЯ 4. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.6

Г. Я. Алексютина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА ЛИЧНОСТИ НА ПОСЛЕТРУДОВОЙ СТАДИИ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Рассматривается проблема социально-психологического сопровождения личности на послетрудовой стадии социализации. Особое внимание уделяется психологической характеристике лиц пожилого возраста, анализу задач, стоящих перед личностью на этапе завершения профессиональной деятельности. Обобщается практический опыт моделей взаимодействия с пожилыми людьми в современном обществе.

Ключевые слова: личность, социализация, пожилой возраст, социально-психологическое сопровождение, нормативный кризис, модели взаимодействия.

В ходе общественного развития возникает все больше запросов к целому ряду человековедческих наук, в том числе и к социальной психологии. Одной из проблем, требующей решения, называют социально-психологическое сопровождение людей пожилого возраста на послетрудовой стадии социализации. Возрастная структура населения мира изменилась, происходит увеличение числа пожилых людей на фоне сокращения численности детей и молодежи. Эта ситуация наблюдается в большинстве стран Европы и прогнозы на ближайшие десятилетия свидетельствуют о возрастании данной тенденции.

Понятие «социализация» относится к разряду междисциплинарных и не имеет однозначного толкования. В социальной психологии социализация – это двусторонний процесс, включающий в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей; с другой (часто недостаточно подчеркиваемой в исследованиях), процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду [1, с. 267].

Такая трактовка процесса социализации указывает на то, что человек осуществляет взаимодействие с социумом на протяжении всей жизни, личностно реализуя и развивая себя в сферах деятельности, общения и самосознания. Среди наиболее распространенных критериев для классификации стадий социализации в отечественной социальной психологии используется трудовая деятельность; выделены дотрудовая, трудовая и послетрудовая стадии. Наиболее сложным является послетрудовой период социализации, однако его все чаще в качестве объекта изучения выбирают современные исследователи.

Послетрудовая стадия социализации связана с отходом человека от непосредственного участия в производительной жизни общества и касается прежде всего людей пожилого возраста (период поздней зрелости). Временные границы этого возраста условны, подвижны и индивидуальны, хотя специалисты к числу пожилых относят людей 60–75 лет.

Сопровождение – это не только поддержка личности в трудный период жизни, но и, по мнению А. В. Петровского, особая форма осуществления пролонгированной социальной и психологической помощи, направленная на создание условий для восстановления потенциала развития и саморазвития личности. Современные подходы к социально-психологическому сопровождению предполагают использование технологий и методов психологической, педагогической, социальной и психотерапевтической поддержек.

Трудовой потенциал и социальная активность лиц пожилого возраста сохраняются и после выхода на пенсию. Кроме того, многочисленные экспериментальные исследования подтверждают положение о том, что данная категория лиц вносит значительный вклад в воспроизводство социального опыта. Исследователи такой точки зрения настаивают на новом подходе к пониманию психологической сущности пожилого возраста.

Всех представителей данной возрастной группы условно можно разделить на три группы:

- 1) лица, имеющие установку на занятие любимым делом, хобби после прекращения трудовой деятельности;
- 2) лица, демонстрирующие высокую профессиональную активность и инициативу, мотивированы на продолжение трудовой деятельности;
- 3) лица, покорно-равнодушные, утратившие интерес к своей профессиональной жизни.

Социально психологическое сопровождение в той или иной степени необходимо представителям всех этих категорий [2, с. 21].

Завершение трудовой стадии социализации сопровождается серьезным нормативным (возрастным) кризисом, преодолеть который самостоятельно сложно даже сильной личности. Острота переживания кризиса утраты профессии зависит от многих факторов: специфика трудовой деятельности, снижение финансовых возможностей, сужение круга общения и т. п.

Каждый возрастной этап ставит перед личностью ряд задач, успешное решение которых повышает уровень адаптивности к новому периоду развития, удовлетворенности жизнью. Людям пожилого возраста в период завершения профессиональной карьеры необходимо определить для себя другие значимые виды деятельности, осознать свой вклад в развитие общества путем трансляции социального опыта и воспитания людей нового поколения, укрепить собственную идентичность и сохранить целостность личности [3, с. 5]. Наличие актуальных жизненных смыслов, согласно концепции успешной старости, уже само по себе создает оптимальные условия для дальнейшей самореализации.

В настоящее время одним из актуальных прикладных направлений становится обеспечение полноценной жизни личности на послетрудовой стадии социализации. Специалистами в области возрастной и гериатрической психологии разработано несколько моделей социально-психологического сопровождения людей в период поздней зрелости в зависимости от целей программы, возраста и психологических особенностей людей пожилого возраста. Накоплен обширный опыт работы в данном направлении: психопрофилактические мероприятия, диагностика и коррекция профиля личности, тренинги и консультирование. Одна из форм поддержки – социально-психологическое образование, целью которого является развитие культуры достойной жизни [4, с. 56].

Также исследователи отмечают, что в соответствии с теоретическими моделями социально-психологического сопровождения пожилых людей желательно проходить четыре основных этапа взаимодействия:

1) психологическое просвещение – предоставление информации об особенностях пожилого возраста, основных трудностях, с которыми может столкнуться пожилой человек при выходе на пенсию, и т. п.;

2) диагностика – комплексное исследование когнитивных функций, личностных особенностей, профессиональных способностей;

3) консультирование – организация индивидуальных и групповых консультаций по различным вопросам, работа по решению психологических проблем. Отмечается, что особо востребовано профориентационное консультирование. Пожилым людям подбирают подходящую для них работу. Сюда же можно отнести психологическое консультирование родственников;

4) психокоррекционная работа – применение различных методов психокоррекционного воздействия (когнитивные тренинги, тренинги коммуникативных навыков, креативности, сенситивности, уверенности в себе и т. д.).

Социально-психологическое сопровождение пожилых базируется в основном на индивидуальном подходе к получателям социальных услуг на основе изучения их потребностей и определения совместно с ними путей преодоления или решения возникающих трудностей. Комплексное сопровождение позволяет не только решить актуальную, обозначенную человеком проблему, но и попутно выявить и нейтрализовать негативные факторы дезадаптации.

Желательно, чтобы эти четыре этапа взаимодействия осуществлялись не только по отношению к пожилым людям. Это комплекс мер, который мог бы принести пользу на предприятии всем сотрудникам и самой организации при налаженной работе психологической службы. Пока же необходимо отметить, что далеко не во всех учреждениях и на предприятиях организована система поддержки пожилых людей, завершающих свою профессиональную деятельность. Возможные причины кроются не только в неумении, но и в нежелании брать на себя эту серьезную и ответственную работу, перекладывая ее на другие социальные органы и институты. Кроме того, в современной социальной среде часто отмечаются предвзятое отношение к людям пожилого

возраста, эйджизм и стереотипы. Это усложняет процесс создания инклюзивного пространства для всех возрастов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Андреева, Г. М.** Социальная психология: учебник / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2021. – 360 с.
2. **Луговский, В. А.** Психология профессиональной деятельности: учебно-методическое пособие / В. А. Луговский, М. Н. Кох. – Краснодар: КубГАУ, 2015. – 101 с.
3. Психологическое сопровождение пожилых людей в период адаптации к жизни в геронтологическом учреждении: методические рекомендации / под ред. Н. В. Ключевой. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – 80 с.
4. Модель социально-психологического сопровождения пожилых людей в посттрудо-вой период и социологический анализ основных критериев ее результативности и эффективности / О. С. Анисимова [и др.] // Социодинамика. – 2022. – № 11. – С. 56–71.

УДК 37.013

Г. У. Болбас

ДЫНАМІКА РАЗВІЦЦЯ ІДЭЙ ПРЫРОДАЗГОДНАГА ВЫХАВАННЯ Ў ПЕДАГАГІЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ

Анотацыя. Актуалізуюцца ідэі прыродазгоднага выхавання, вызначаецца неабходнасць звароту да айчыннага гісторыка-педагагічнага вопыту тэарэтычнага асэнсавання і практычнага выкарыстання дадзенага педагагічнага феномену. Прасочваецца дынаміка развіцця ідэй прыродазгоднага выхавання ў педагагічнай думцы Беларусі з X ст. і па цяперашні час, указваецца на яе абумоўленасць сацыяльна-палітычнымі і культурна-гістарычнымі фактарамі, а таксама каштоўнасцямі-ўніверсальямі, якія задавалі накіраванасць развіццю педагагічнай з'явы. Акцэнтуюцца ўвага на асаблівасцях праяў прыродазгоднага выхавання ў кантэксце каэвалюцыйнай парадыгмы.

Ключавыя словы: прыродазгоднае выхаванне, педагагічная думка Беларусі, генезіс, дынаміка развіцця, гісторыка-педагагічны працэс, каэвалюцыйная парадыгма, сацыякультурныя каштоўнасці, аксіялагічнае напаўненне.

На розных этапах развіцця сусветнай педагагічнай думкі асаблівае месца ў асэнсаванні педагагічных феноменаў займае прыродазгоднае выхаванне. Гэта абумоўлена пастаяннай актуальнасцю пытанняў фарміравання ў падростаючага пакалення сістэмнага мыслення і экалагічнай свядомасці, прыродаахоўных і рэсурсазберагальных паводзін. Таксама значным уяўляецца развіццё і праявы ў дзяцей і моладзі высокай ступені духоўнасці, якая забяспечвае ўнутраную гармонію і патрэбу ў гарманічных адносінах з навакольным светам, перарыентацыю з эгацэнтрычнага на агульначалавечае і трансцэндэнтнае. Пры гэтым на сучасным этапе развіцця чалавецтва вастрыва дадзеных праблем

узмацняецца ў сувязі з частымі экалагічнымі крызісамі і прыроднымі катаклізмамі, якія ў цэлым пагражаюць знікненнем цывілізацыі. Ад таго, наколькі хутка мы ўсвядомім сітуацыю, якая склалася, і зможам эфектыўна на яе адрэагаваць, залежыць па сутнасці жыццё на планеце. Ідэі прыродазгоднага выхавання таксама актуалізуюцца і пераасэнсоўваюцца ў пераломныя моманты грамадска-гістарычнага развіцця, якія суправаджаюцца змяненнем навуковай парадыгмы, што сёння ў навуковым свеце не выклікае сумненняў.

Феномен прыродазгоднага выхавання мае сваю гісторыю, якая ярка прадстаўлена ў кантэксце замежнай педагогікі. У любым падручніку па гісторыі педагогікі мы знойдзем імёны еўрапейскіх асветнікаў, якія актыўна развівалі ідэі прыродазгоднасці. Што тычыцца прадстаўнікоў педагогічнай думкі Беларусі, то іх вопыт асэнсавання дадзеных ідэй у навуковай літаратуры не прадстаўлены. Больш за тое, склалася меркаванне, што айчынная педагогіка апрыйёры толькі сціплы водгалас вялікіх адкрыццяў замежнай педагогічнай навукі і цямнее перад яе маштабам. У выпадку, калі і выяўляюцца цікавыя і незвычайныя педагогічныя ідэі беларускіх мысляроў, то ўзнікае сумнеў у іх арыгінальнасці і спакуса праверыць іх на запазычанне ў еўрапейскіх філосафаў.

Ідэі прыродазгоднага выхавання атрымалі распаўсюджванне ў Беларусі з X ст., з першых момантаў зараджэння педагогічнай думкі. Знаходжанне беларускіх зямель у розныя перыяды гісторыі спачатку ў складзе Старажытнай Русі, пазней Вялікага княства Літоўскага, Рэчы Паспалітай, Расійскай імперыі, СССР вызначыла ўплыў розных культур і палітычных інтарэсаў. Дастаткова актыўным было ўзаемапранікненне выхаваўчых традыцый і непасрэдна ідэй прыродазгоднага выхавання. Аналіз генезісу ідэй прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі дазволіў вызначыць дынаміку іх развіцця з улікам сістэмы сацыяльна-палітычных і культурна-гістарычных фактараў.

Дынаміка развіцця прыродазгоднага выхавання адрозніваецца перыядамі росту і спаду. Так, на этапе контррэфармацыйнага руху (канец XVI–XVII ст.) на беларускіх землях назіраецца проціборства рэнесансным ідэям адраджэннем сярэднявечных традыцый, якія абумовілі актуалізацыю каштоўнасцяў хрысціянскага свету і ідэй узгодненасці выхавання з прыродай ад Бога. Дадзены перыяд некалькі адкінуў назад у тэарэтычным асэнсаванні ідэй прыродазгоднасці выхавання, якія ў перыяд Адраджэння былі сфакусіраваныя на ўзгадненні працэсу фарміравання і развіцця асобы з яе дзейнаснай самабытнай прыродай і набылі сацыяльна-грамадзянскую накіраванасць. Таксама перыядамі спаду як выніку ідэалагічнага стрымлівання стаў перыяд рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху на беларускіх землях у другой палове XIX – пачатку XX ст. і савецкі перыяд нашай гісторыі, калі ідэі прыродазгоднага выхавання прымаліся за праявы буржуазнага і чужога савецкаму чалавеку свету. Савецкая педагогічная тэорыя вызначала прыродазгоднасць выхавання як прынцып буржуазнай педагогікі і яго недасканаласць знаходзіла ў тым, што ён выкарыстоўваецца ў дачыненні толькі да тэорыі педагогічнага натуралізму,

свабоднага выхавання і педацэнтрызму. Падобнае было непрымальна ў рамках камуністычнай ідэалогіі, якая звязвала катэгорыю «індывідуальнасць» з індывідуалізмам і прыватнай уласнасцю. У 60-я гг. XX ст. гісторык педагогікі А. І. Піскуноў даказваў, што прынцып прыродазгоднасці не мае ніякага дачынення да навукі, не ўжываецца ў педагогіцы ў сілу сваёй ідэалістычнай сутнасці [1].

Пікамі актыўнага развіцця ідэй прыродазгоднага выхавання сталі перыяды ўваходжання беларускіх зямель у склад Вялікага княства Літоўскага, а пазней Рэчы Паспалітай аж да контррэфармацыйнага руху. Гэта было абумоўлена актыўным далучэннем да багатых еўрапейскіх педагагічных традыцый, якія фарміраваліся ў больш спрыяльных умовах. У той жа час у перыяды гістарычна абумоўленага вонкавага стрымлівання дадзенага педагагічнага феномену назіраецца актывізацыя ўнутраных крыніц яго развіцця, якія, як правіла, выяўляліся ў псіхалагізацыі прыродазгоднага выхавання. Таксама неабходна прыняць у разлік тое, што рэлігійна-філасофская аснова выхавання, абумоўленая як раз стрымліваннем рэлігіяй, спрыяла паглыбленню заходнееўрапейскіх традыцый прыродазгоднага выхавання і ўраўнаважвала крайнія праявы заходнееўрапейскага індывідуалізму ідэямі саборнасці і агульнага добра.

Каштоўнасці кожнай эпохі абумоўліваюць аксіялагічнае напаўненне мэтавых асноў прыродазгоднага выхавання. Іх гістарычная дынаміка, дэтэрмінаваная інтэрпрэтацыямі прыроды чалавека, навакольнага свету і выхавання, вызначыла змены мэты прыродазгоднага выхавання. Дамінаванне тэацэнтрычных каштоўнасцяў у перыяд X–XV стст. выявілася ў неабходнасці гарманізацыі сістэмы «Бог – чалавек» і знайшло праяўленне ў фарміраванні гарманічнай і цэласнай асобы праз яе далучэнне да Усявышняга як ідэальнага і здзейсненага пачатку. Дадзены працэс ажыццяўляўся праз інтэрыярызацыю зводу рэлігійна-маральных нормаў, правілаў і прадпісанняў, якія рэгулююць як адносіны са знешнім светам, так і ўнутраны свет самога чалавека. Гэта ўяўлялася магчымым у большай ступені за кошт унутраных намаганняў самога чалавека ў працэсе фарміравання ўласнай асобы, «самабудаўніцтве», што знайшло праяўленне ў прырода(Бога)згоднасці самавыхавання.

У перыяд XVI–XVII стст. рэабілітацыя каштоўнасці чалавека і зямнога жыцця праявілася ў неабходнасці гарманізацыі сістэмы «чалавек – Бог – грамадства», што вызначыла фарміраванне гарманічнасці і цэласнасці праз праявы дзейнаснай прыроды чалавека дзеля агульнага добра. Распаўсюджванне рэнесансных ідэй абумоўлівала змену сярэднявечных светапоглядных арыенціраў, у выніку якой Бог як першастваральнік, на працягу доўгага часу супрацьпастаўляемы сваім тварэнням, у тым ліку і чалавеку, пачынаў у іх актыўна ўвасабляцца [2, с. 94]. Як падкрэслівае сучасны даследчык У. Дз. Літвінаў, падобнае абагаўленне матэрыяльнага свету спрыяла сцвярдзэнню каштоўнасці зямнога быцця і збліжэнню паняццяў прыроды, якая стварае (Бога), з прыродай ім створанай (светам) [3, с. 232].

З першай паловы XVIII ст. па першую палову XIX ст. важнасць стала прадстаўляць гарманізацыя сістэмы «чалавек – прырода», што нацэльвала на неабходнасць фарміравання цэласнай і гарманічнай асобы праз яе цэласнасць і адзінства з натуральным прыродным асяроддзем. З другой паловы XIX ст. па 80-я гг. XX ст. актуалізуецца важнасць гарманізацыі сістэмы «грамадства – чалавек», якая знаходзіць праяву ў фарміраванні цэласнай і гарманічнай асобы як выніку гарманічных адносін з сацыяльнай асяроддзем.

З другой паловы XIX ст. па цяперашні час запатрабаванай з'яўляецца гарманізацыя сістэмы «грамадства – чалавек – прырода», што знаходзіць праяву ў ідэях фарміравання цэласнай і гарманічнай асобы праз гарманізацыю яе адносін з шматмерным навакольным светам. Дадзеныя меркаванні карэлююць з ідэямі каэвалюцыі, якія пачынаюць выступаць метадалагічным базісам розных канцэпцый і тэорый у гуманітарных навуках, у тым ліку і ў педагогіцы. Тэарэтыка-метадалагічныя асновы прыродазгоднага выхавання ў рамках каэвалюцыйнай навуковай парадыгмы паглыбляюцца сыходам ад цэнтрацыі на адным элеменце сістэмы. Сутнасць прыродазгоднага выхавання заключаецца не ў засяроджванні на тым, з чым трэба ўзгадняць выхаванне, гэта значыць з якой прыродай (натуральнай або штучнай; ідэальнай або матэрыяльнай, прыродай чалавека або прыродай асяроддзя і інш.), а на неабходнасці ў прынцыпе ўзгаднення дадзенага працэсу з навакольным светам ва ўсёй яго разнастайнасці як асяроддзем жыццядзейнасці чалавека. Адзінства і гармонія з Богам, прыродай, соцыумам і інш. і вытворныя ад іх, гістарычна абумоўленыя, богазгоднасць, прыродазгоднасць, культуразгоднасць, сацыязгоднасць, чалавеказгоднасць у кантэксце тэорыі каэвалюцыі губляюць сэнс, так як увага пераносіцца ў бок адносін з светам, а не яго канкрэтнага аб'екта або з'явы, якія прадстаўляюць у пэўны гістарычны перыяд вышэйшую каштоўнасць. Прыродазгоднае выхаванне, такім чынам, характарызуецца скіраванасцю да каэвалюцыйнай адаптацыі, арганічнага і гарманічнага прыстасавання чалавека да свету прыроды і соцыума, экалагічнага фарміравання яго безумоўнай сувязі з светам.

Мэтай прыродазгоднага выхавання ў каэвалюцыйнай парадыгме з'яўляецца фарміраванне цэльнай і цэласнай асобы. Цэльнасць чалавек набывае ў выніку рэалізацыі мэтай уласнага захавання і развіцця. Цэласнасць жа ўяўляе сабой вынік рэалізацыі мэты сістэмы, у якую ўключана асоба. У дадзеным выпадку гэта агульная трыадзіная мэта сістэмы «чалавек – выхаванне – асяроддзе», дзе цэнтральнае звязно ўяўляе сабой інструмент яе рэалізацыі. Эфектыўнасць ажыццяўлення мэты напрамую звязана з магчымасцю атрымання для кожнай уваходнай падсістэмы пэўных выгод ад уключэння ў сістэму. Важным з'яўляецца тое, што ў выпадку страты элементам сістэмы цэласнасці, руйнуецца цэлае. Такім чынам, бачым спалучэнне і ўзаемазалежнасць паміж дадзенымі сістэмамі з прычыны таго, што цэласнасць чалавека абумоўлена яго адносінамі з асяроддзем.

Каэвалюцыйная парадыгма прыродазгоднага выхавання абапіраецца на палажэнне аб эквівалентнасці чалавека і свету і важным аспектам фарміравання

асобы выступае духоўнае выхаванне. Духоўнасць у дадзеным выпадку разумеецца як дачыненне чалавека да сферы розуму, якая гарманізуе яго адносіны з асяроддзем і надае асобасны сэнс яго дзейнасці, а не зводзіць прызначэнне жыцця толькі да функцыянальнага развіцця індывіда. Духоўнасць называюць «уласцівацю прыроды чалавека, атрыбутам яго свядомасці, вышэйшым узроўнем якаснага развіцця асобы», а адносна грамадства яе вызначаюць характарыстыкай, «якая пазначае ўзровень яго гуманізацыі, якая спрыяе яго цэласнасці, стабільнасці і эвалюцыйнаму развіццю» [4]. Духоўнасць таксама звязваюць з «пераадоленнем чалавекам эгаізму і абмежаванасці ўласнага досведу, прычым за рамкамі гэтых межаў чалавек аказваецца ўключаны не ў грамадства, а ў сусвет цалкам» [5, с. 79].

Такім чынам, дынаміка ідэй прыродазгоднага выхавання ў педагагічнай думцы Беларусі абумоўлена гістарычнай дынамікай сацыякультурных каштоўнасцяў, якія задаюць вектар развіццю дадзенага феномену і вызначаюць яго аксіялагічнае напаўненне.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Пискунов, А. И.** Природосообразности принцип / А. И. Пискунов // Педагогическая энциклопедия: в 4 т. / под ред. И. А. Каирова. – 1966. – Т. 3. – С. 508.
2. **Горфункель, А. Х.** Философия эпохи Возрождения / А. Х. Горфункель. – Москва : Высшая школа, 1980. – 368 с.
3. **Литвинов, В. Д.** Ренесансний гуманізм в Україні / В. Д. Литвинов. – Київ : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2000. – 472 с.
4. **Устимова, О. В.** Обретет ли «духовность» плоть: на пути к операционализации понятия в российском обществе и СМИ / О. В. Устимова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2011. – № 1. – С. 114–130.
5. **Колкунова, К. А.** Понятие «духовность» в современной российской литературе / К. А. Колкунова, Т. В. Малевич // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. Сер. 1. – 2014. – № 6 (56). – С. 72–88.

УДК 81'23

М. А. Гладко

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ «НОВОЙ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ» В МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. Выявлены специфика лингвистической репрезентации «новой чувствительности» как особой коммуникативной технологии в медиадискурсе и особенности репрезентации «новой чувствительности» в коммуникативном пространстве познавательного теледискурса.

Ключевые слова: медиалингвистика, «новая чувствительность», историческая память, познавательное телевидение.

Познавательная сфера, представленная на ведущих белорусских телеканалах, находится в непрерывном развитии. Авторы отражают в сюжетах, образах проблематику, историческое наследие и реальную действительность своего народа. Богатая белорусская история, достижения настоящего и прошлого нации представляют значительный интерес для медиааудитории, который активизируется особыми прагматическими ресурсами. Развитие коммуникативных технологий в медиасфере демонстрирует и обостряет одну из ведущих тенденций, в русле которой трансформируются жанры, базовые коммуникативные категории, появляются особые тональности, коммуникативные стратегии и соответствующие им языковые маркеры, не характерные для институциональной коммуникации.

Будучи изначально актуальными явлениями в современной культуре, искусстве, политике и т. д., «новая чувствительность» активно проникает в медиасферу, особым образом конструируя ее. Если эмоциональность и искренность как универсальные текстовые и психологические категории служат более четкой передаче мыслей и чувств человека [2], предполагают соответствие высказывания внутреннему состоянию говорящего и его поведению [1, с. 457]; свойство человека открыто рассказывать о своих чувствах, эмоциях, фактах биографии в личностно-ориентированной коммуникации, то «новая искренность/чувствительность» фокусируется на публичном «обнажении» личного пространства, рефлексии, повышенной сенситивности, открытости (выражении того, о чем раньше принято было умалчивать) как журналиста, так и иных участников коммуникации.

Цель работы состоит в выявлении особенностей репрезентации «новой чувствительности» в коммуникативном пространстве познавательного теледискурса.

Коммуникативное пространство, в котором оказывается современный человек, помещает его в эпицентр позитивных и негативных чувств, получая репрезентацию в стратегии чувствительности. Она проявляется в фокусе не столько на событиях и фактах действительности, сколько на травмирующих событиях, страданиях другого, внимании к внутреннему миру говорящего, к личным и чужим переживаниям.

Категория искренности расширяет свои функциональные возможности в медиадискурсе, не ограничиваясь фатической функцией, персонализацией и интимизацией взаимодействия журналиста и аудитории. В первую очередь «новая чувствительность» и искренность трансформируют жанрово-тематический профиль медиадискурса, макроструктуру медиатекста.

Познавательные информационные жанры *документальный фильм, телепортрет, интервью* все чаще репрезентируют культурные травмы социума – война, геноцид – через историю, события отдельного человека. Структурно-содержательная схема этих жанров не просто фокусирует хронологию и спектр событий прошлого, фиксируя их в архивных документах, нарративах

институциональных акторов (историков, культурологов и т. д.), как это было характерно для теледискурса конца XX – начала XXI в. Эмоционально нарративы свидетелей карательных, военных операций и их потомков репрезентируют травмирующие события социума, что используется как особый прием, когда с готовностью и откровенностью рассказывается о том, о чем ранее принято было умалчивать. Повествование о травмирующем событии конструируется на основе комбинации микроблоков, содержащих объективные (архивные) данные, и тематических блоков, освещающих травмирующий опыт и эмоциональные переживания свидетелей и участников.

Чувствительность становится коммуникативной стратегией, которая нацелена на вчувствование, создание эмоционального образа исторической реальности для проживания ее адресатом, чтобы устранить определенный разрыв, дистанцию смыслов между поколениями, реальностью и прошлым.

На глазах у зрителя в различных дискурсах (личностно-ориентированном и институциональном) соединяется рациональное знание (трансляторы – профессиональные психологи, медики и т. д., комментирующие личную историю или сюжет) и житейское (истории гостей, невидимого гостя, разыгрываемые житейские драмы). Репрезентация субъективно-личностной, эмоциональной картины мира в комбинации с научной обеспечивает пересечение разных типов дискурсов в медиапространстве с целью привлечения внимания, а также «канализирует» посткоммуникативные действия адресата.

Конструирование сложной, постоянно меняющейся на экране реальности осуществляется с помощью *тактики сплетения настоящего и прошлого*, которая представляет собой соединение нарративов о событиях современности и прошлых лет в рамках одного сверхфразового единства. В этом случае зритель вовлекается в игру-путешествие по времени с возможностью узнать особенности местности, эпохи, детали события.

Тактика сплетения настоящего и прошлого в некоторых случаях способствует погружению исторической реальности в привычное для современного человека окружение. Развитие нарратива при этом осуществляется за счет семантического контраста – оппозиции ключевых темообразующих понятий, – ориентированного на продуцирование сильных ощущений (шок, негативные эмоции). Противопоставление характеров, предметов и их свойств задействуется в познавательном тексте для более яркого, шокирующего изображения реальности. Иллюстрацией этому является описание ужасных условий узников концлагеря Озаричи, контрастирующее с описанием комплекса в городе Люнебурге. Описание жизни в Озаричах: *Там были небольшие сосеночки. Сломали ветки, какие-то подстилки сделали. Воду приходилось брать из луж. Оттепель. Там и лужи, и фекалии, и все стекалось, потому что, ну, никаких строений не было. Возьмешь с веток, с галинок, выпьешь. Не разрешали жечь костры, чтобы как-то согреться.* Город Люнебург: *Добротные здания из красного кирпича – образец архитектуры Третьего*

рейха. Комплекс появился в Люнебурге за несколько лет до начала Второй мировой войны. Это бывшие казармы 110 пехотной дивизии. 110 пехотная дивизия своими батальными действиями неразрывно связана с Беларусью. Именно она принимала участие в создании лагеря смерти в Озаричах. **Сегодня бывшие казармы Вермахта – это корпуса университета** («10 дней ада», 2019). При этом автор передачи осуществляет путешествие из прошлого, представленного черно-белыми фотографиями, в настоящее – кадры ведущей, находящейся возле зданий казарм. Семантический центр первой темы данного эпизода (место и условия нахождения узников) – «ужасные условия существования Героев». Он характеризуется с помощью тематического ряда, представленного лексикой, описывающей ужасные условия жизни узников: *небольшие сосеночки, подстилки, лужи, фекалии, никаких строений не было* и т. д.

Этот тематический ряд противопоставлен ряду, эксплицирующему семантический центр «комфортная жизнь Антигероев» второй темы (условия проживания немецкого дивизиона): *добротные здания из красного кирпича, образец архитектуры Третьего рейха, корпуса университета*. Воздействующей силой наделяется не только описание условий проживания Героев и Антигероев, но также противопоставление двух имплицитных тем: «в прошлом место обучения людей, уничтожавших мирное население» и университет как в настоящем место, выполняющее обучающую и воспитательную функции. Противопоставляя данные семантические центры, прошлое и настоящее, выраженное на уровне языковых микроформ, изображений (черно-белые фото концлагеря и яркие красочные кадры улиц и здания Люнберга), автор насыщает весь фрагмент контрастом, что создает совокупный воздействующий эффект. Следовательно, контраст, при всей его безобидности, выступает как средство формирования мнения зрителя по важным вопросам общественной жизни.

Таким образом, можно утверждать, что медиадискурс осуществляет постепенный переход от триединства «воздействие через информирование и развлечение» к системообразующим функциям «воздействие через информирование и чувствительность».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

2. Эмоциональность и экспрессивность – категории коммуникативной лингвистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ugrasu.ru/upload/iblock/866/8669b09313c7727de04b49fcc6bfe008.pdf>. – Дата доступа: 06.11.2019.

УДК 37.018.26

Н. А. Долгая

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ В ПРОФИЛАКТИКЕ УЧЕБНОГО СТРЕССА У ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема – учебный стресс у школьников и возможности семьи по его профилактике. В настоящее время наблюдается значительный рост нервно-психических заболеваний у детей, которые проявляются в виде неврозов, психосоматических расстройств, психозов и т. д. В большинстве случаев они связаны с учебными нагрузками и дефицитом свободного времени у детей. Рассмотрены основные причины возникновения стресса у детей школьного возраста. Предлагаются рекомендации родителям по профилактике учебного стресса.

Ключевые слова: профилактика, семья, стресс, ребенок.

По данным Министерства здравоохранения, за последние два десятилетия число школьников с хроническими заболеваниями выросло в 1,5 раза. Одной из причин такой негативной статистики, по мнению работников здравоохранения, является непомерная учебная перегрузка детей в школе. В связи с этим вопрос высоких учебных нагрузок приобрел особую остроту в последнее время и вызывает много споров со стороны специалистов в области образования.

Современная система образования ставит перед школой новые задачи, одной из которых является подготовка ребенка к успешной сдаче ОГЭ и ЕГЭ. В связи с этим педагоги стремятся дать своим ученикам как можно больше информации, которая поможет им сдать экзамены. Следует отметить, что за последние пятьдесят лет школьная нагрузка выросла более чем в 2 раза.

Родители нацелены на то, чтобы ребенок в будущем поступил в престижный вуз, а затем устроился на высокооплачиваемую работу. Для достижения этой цели родители, помимо школьной нагрузки, стараются записать ребенка на различные кружки, направленные на всестороннее развитие ребенка. В результате этого у большинства детей, независимо от их общей успеваемости в школе, день расписан по минутам. По данным Н. Ф. Петровой, рабочий день современного учащегося средней школы составляет в среднем 10–12 ч в сутки [3]. За это время ребенок должен успеть сходить в школу, выполнить домашние задания и посетить несколько кружков, на которых, как правило, тоже даются задания для закрепления материала. В случае, если у ребенка есть проблемы со школьной успеваемостью, к этому ещё прибавляется посещение репетиторов, в результате чего у ребенка практически не остается свободного времени.

Таким образом, ребенок испытывает давление как со стороны учителей, так и со стороны родителей, которые зачастую предъявляют ему завышенные

требования по поводу его успеваемости в школе, спортивных достижений, успехов в музыкальной школе и т. д.

Постепенно эта усталость накапливается и переходит в общее переутомление, связанное с избыточным объемом нагрузок на когнитивную сферу и недостаточным восстановлением мозговых ресурсов учащегося. Проявлениями такого хронического переутомления являются головные боли, вялость, плохой сон и т. д. Всё это не может не сказаться на психическом и физическом состоянии здоровья школьника. Результатом повышенных учебных нагрузок может стать стресс.

Основные причины стресса у ребенка, связанные с его учебной:

- ухудшение его успеваемости в школе;
- конфликты в семье, связанные с его оценками в школе;
- жесткий контроль в семье за выполнением домашних заданий;
- нехватка времени для полноценного выполнения домашней работы;
- личная несостоятельность, невозможность достижения успеха в учебе.

Наиболее опасные последствия учебной нагрузки – появление у ребенка клинических проявлений: тонзиллит, болезни пищеварительной системы, вегетососудистые заболевания и др.

Одним из направлений профилактики стресса, связанного с учебными нагрузками в школе, является психолого-педагогическая поддержка семьи, которая нацелена на помощь родителям правильно организовать работу ребенка дома с учетом его психологического и физического состояния.

Для этого классному руководителю совместно с психологом школы необходимо:

1) провести диагностику детей, позволяющую выявить детей, испытывающих трудности с учебной нагрузкой. Такая диагностика поможет выявить детей из группы риска, нуждающихся в психолого-педагогическом сопровождении. Такие дети и их родители должны получить специальную консультацию психолога, а в случае необходимости – адаптационные, коррекционные занятия с психологом;

2) наладить взаимоотношения с семьей ребенка с целью профилактики негативных явлений, связанных с учебной нагрузкой;

3) обеспечить родителей информацией, которая помогла бы их детям избежать переутомления от учебной деятельности. Следует отметить, что родители, как правило, не владеют информацией о возрастных и физиологических особенностях детей.

Классному руководителю совместно с психологом необходимо организовать педагогическое сопровождение родителей учеников младших классов, снабдить их информацией:

– о физиологических пиках работоспособности нервной системы детей и подростков и особенностях восприятия ими учебной информации. Так,

известно, что существуют суточные и недельные пики и спады когнитивной работоспособности. В течение дня работоспособность школьников имеет два подъема – 10–12 и 16–18 ч, совпадающих по времени с периодами высокого уровня физиологических функций. Как правило, первый подъем работоспособности выше и продолжительнее второго. При этом следует учитывать, что в возрасте 8–10 лет дети могут сохранять активное внимание в течение 20 мин, в 11–12 лет – 25 мин, в 12–15 лет – 30 мин [1];

– о продолжительности непрерывной деятельности. Так, например, оптимальная продолжительность непрерывного письма для учащихся 7 лет составляет 2 мин 40 с в начале занятия и 1 мин 45 с в его конце, а в 14–15 лет длительность непрерывного письма (диктант) не должна превышать 20 мин. Целесообразная продолжительность непрерывного чтения для учащихся 1-го класса составляет 7–10 мин, 2-го класса – 15 мин, 3-го класса – 20–25 мин [2];

– о необходимости чередования предметов с различными видами когнитивной деятельности. Поскольку учебная деятельность связана с расходом энергии, в определенный момент у ребенка начинает развиваться утомление, которое проявляется во временном снижении работоспособности, его работа замедляется и наблюдается ухудшение ее качества;

– о продолжительности выполнения домашних заданий. По санитарно-гигиеническим нормам продолжительность домашних заданий не должна превышать: в 1-м классе – 1 ч, во 2-м классе – 1,5 ч, в 3–4-м классах – 2 ч, в 5–6-м классах – 2,5 ч, в 7-м классе – 3 ч, в 8–11-м классах – 4 ч [1];

– о продолжительности работы ребенка за компьютером. В последние годы обучение онлайн становится всё более распространенным явлением в сфере образования, что приводит к тому, что ребенок проводит очень много времени у компьютера. Помимо этого, в школе задают много заданий, которые связаны с работой за компьютером, – написание рефератов, докладов, разработка проектов и т. д. Тем временем по санитарным нормам детям до 8 лет разрешается пробывать у компьютера около 40 мин, детям младше 7 лет – не более 20 мин в день. Если за монитором нужно сидеть, выполняя задание по учебе, важно делать перерывы на 10 мин каждые полчаса;

– об особенностях организации дополнительных занятий. Современный школьник, как правило, помимо школы, посещает несколько кружков. Родителям необходимо пообщаться с ребенком и среди разнообразных кружков, представленных современной системой образования, выбрать наиболее интересные для ребенка. Поскольку учебная нагрузка переносится легче, если ребенку нравится то, чем он занимается, и стрессовых ситуаций становится меньше. При выборе времени посещения кружков необходимо учесть время их окончания, желательно, чтобы дополнительные занятия заканчивались не позже, чем в 19.00, иначе времени на отдых у ребенка совсем не останется. Классный руководитель и психолог должны подтолкнуть семью для поиска

более щадящих вариантов обучения. Так, например, вместо нескольких кружков оставить один, наиболее интересный для ребенка, или выделить в школьном расписании основные и «второстепенные» предметы;

– об особенностях организации режима дня, где соблюдался бы баланс между объемом учебных нагрузок и свободным временем ребенка. В своих советах родителям педагог должен помнить, что он не обладает полномочиями вмешиваться в процесс организации учебной работы дома, поэтому его сопровождение должно носить рекомендательный характер;

– о приемах и навыках саморегуляции в процессе обучения. Данная информация необходима родителям для того, чтобы они научили своего ребенка контролировать собственное тело и выплескивать во время занятий лишние эмоции, что в свою очередь позволит предотвратить стресс у ребенка.

Владение родителями данной информацией будет способствовать профилактике стресса, связанного с учебной нагрузкой, значительно облегчит восприятие учебного материала и снизит психологическую и физическую истощаемость у ребенка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кучма, В. Р.** Гигиена детей и подростков : учебник / В. Р. Кучма. – 3-е изд., доп. – Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2020. – 528 с.
2. Возрастная анатомия, физиология и школьная гигиена: учебное пособие / Н. Ф. Лысова [и др.]. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2010. – 398 с.
3. **Петрова, Н. Ф.** Современная школа и проблема здоровья учащихся / Н. Ф. Петрова, В. И. Горюва // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 11. – С. 73–75.

УДК 159.9

А. С. Еремеева

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ВОЛОНТЕРОВ

Аннотация. Посредством теоретического осмысления и сравнительного анализа результатов эмпирического исследования раскрываются особенности самоактуализации личности студентов, вовлеченных в волонтерскую деятельность. Анализируются детерминанты, определяющие самоактуализацию личности как студентов-волонтеров, так и студентов, не вовлеченных в волонтерскую деятельность, а также определяются основные социально-психологические факторы мотивационно-потребностной сферы студентов-волонтеров. Проведен сравнительный анализ результатов эмпирического исследования самоактуализации личности студентов-волонтеров и студентов, не вовлеченных в волонтерскую деятельность. Установлено, что значимыми социально-демографическими детерминантами самоактуализации личности студентов-волонтеров являются возраст, факультет, на котором обучаются студенты, и занятость (учеба или сочетание учебы с работой).

Ключевые слова: самоактуализация, мотивация, волонтерская деятельность, студенты.

За последнее десятилетие в современном обществе произошло множество изменений не только в экономическом, но и в социальном и культурном плане. В результате социальные проблемы и социальное неблагополучие имеют тенденцию к росту. Поэтому организации, учреждения и службы, направленные на социальную поддержку, стали особенно важны для общества. Однако проблемы людей настолько разнообразны, а число клиентов так растет, что требуется добровольная работа в организациях. Социальные службы все чаще нуждаются в привлечении большего числа добровольцев для волонтерской деятельности. Очень важна мотивация и готовность добровольцев к добровольческой деятельности в конкретной социальной службе. Само-реализация волонтера играет особую роль в готовности помогать людям безвозмездно [3, с. 7].

Волонтерская работа ориентирована на молодых людей, которые хотят проявить себя в чем-то и стать более полезными и значимыми для себя и общества в целом. По этой причине благотворительные акции часто проводятся при университетах и профессиональных училищах, где студенты могут получить опыт, необходимый для будущей карьеры.

Проблема самоактуализации в разное время изучалась отечественными психологами, социологами и экономистами. Эта проблема рассматривалась в работах российских психологов И. Ф. Албеговой, Д. А. Леонтьева, В. Д. Плахова, М. С. Кагана. Проблемам мотивации и самоактуализации посвящены работы таких зарубежных психологов, как А. Маслоу, А. Ребера, К. Роджерса, В. Франкла.

Развитию волонтерства в молодежной среде уделяется довольно большое внимание со стороны государства. При этом происходит внедрение волонтерских практик в разные сферы жизнедеятельности общества: социальную, спортивную, медицинскую и др. В связи с этим у молодежи появляется больше возможностей для самореализации и проявления социальной активности.

Как отмечал Д. А. Леонтьев, анализ направлений деятельности различных организаций позволяет выделить следующие, наиболее актуальные для молодежи формы и направления волонтерской деятельности:

- 1) работа с социально незащищенными группами населения (дети-сироты, инвалиды, пожилые люди, бездомные, беженцы, бывшие заключенные и др.);
- 2) служба в больницах;
- 3) психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков;
- 4) профилактика здорового и безопасного образа жизни, просветительская деятельность, направленная на профилактику наркомании, СПИДа;
- 5) работа, направленная на восстановление и сохранение исторических и природных памятников;
- 6) помощь животным, работа в приютах для животных, добровольная помощь зоопаркам и заповедникам;

7) защита окружающей среды;

8) досуговая и творческая деятельность (организация свободного времени детей и подростков, организация концертов, театральных выступлений, конкурсов, праздников и др.) [2, с. 11].

Современное общество сталкивается с социальными проблемами и необходимостью их решения. Именно в области социальной политики нужны высокоспециализированные профессионалы социальной работы, но в силу своего молодого «возраста» такие специалисты в дефиците. Волонтерство является хорошим способом решения этой проблемы. С экономической стороны для государства волонтерская работа является добровольной, т. е. неоплачиваемой, а значит, достаточно малозатратной; с социальной стороны она приносит пользу и помогает квалифицированным социальным работникам, специалистам социальных служб, а также более широкому охвату социальных проблем [3, с. 9].

Еще одним грамотным шагом в области развития социальной политики является привлечение студентов из различных профессиональных областей к развитию волонтерской деятельности. В среде студенческой молодежи возникли и развиваются волонтерские группы, организации и движения. В силу своих возрастных и психологических особенностей молодое поколение тянется к различным видам деятельности и лояльно относится к новым профессиям. Позитивная позиция студентов, которая оказывает социализирующее влияние на субъект деятельности и происходит без принуждения, является основой для развития молодежного волонтерства во всех странах.

Студенческое волонтерство способствует дальнейшему развитию социального и личностного потенциала будущих молодых специалистов. Во-первых, оно актуально для развития гуманитариев, таких как социальные работники, психологи, педагоги и социальные антропологи. Но волонтерство важно и для других профессий, формируя такие общечеловеческие ценности, как сострадание, эмпатия, сочувствие и многие другие возможности. Волонтерство студенческой молодежи – это не только один из способов формирования и проявления гражданской позиции, но и форма активизации, организации и самореализации молодых людей, предлагающая бесконечное поле возможностей для выбора собственной «ниши» в профессиях, реализуемых в учебных заведениях [1, с. 118].

Продвигая идею добровольного действия на благо общества и вовлекая учащихся в решение общественно значимых проблем (через участие в социальных, экологических, гуманитарных, культурных, образовательных, спортивных и других проектах и программах), можем воспитать в учениках высокие моральные качества.

С целью изучения социально-демографических детерминант самоактуализации личности студентов-волонтеров было проведено эмпирическое исследование на базе УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Ку-

лешова». В исследовании приняли участие 102 студента в возрасте от 17 до 22 лет. Объем первой выборки составил 50 студентов-волонтеров, объем второй выборки составил 52 студента, не вовлеченных в волонтерскую деятельность. В качестве одной из диагностических методик был использован самоактуализационный тест (САТ) Э. Шостром [2, с. 9].

Статистический анализ результатов исследования, проведенный с помощью двухфакторного дисперсионного анализа, позволил установить, что значимыми факторами, определяющими самоактуализацию студентов, являются: участие в волонтерском движении, которое формирует поддержку, спонтанность и контактность; возраст, определяющий контактность; наличие работы, которое обуславливает спонтанность; специальность, по которой обучаются студенты, формирующая представление о природе человека и сензитивность.

Выявлено, что у студентов-волонтеров преобладает такая социально-психологическая установка, как альтруизм, в то время как для их сверстников, не занятых добровольчеством, характерна направленность на власть.

Были выявлены достоверные различия в мотивировании на саморазвитие у студентов разного пола и достоверные различия в мотивировании на приобретение новых знаний и навыков у студентов разного рода занятости (студенты-юноши показали более высокие показатели по мотивированию на саморазвитие, чем студентки; студенты, которые сочетают учебу с работой, имеют более высокие показатели по мотивированию на новый опыт и знания, чем студенты, которые только учатся).

Таким образом, волонтерство содействует развитию эмоциональной, чувственной сферы личности, изменяет и формирует ее ценностный мир, активизирует познавательную деятельность, содействует психологическому проявлению различных аспектов самоактуализации личности, а также личностному росту.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Албегов, Ф. Г.** Добровольчество как вид инновационной деятельности и форма социальной работы / Ф. Г. Албегов // Вестн. соц.-полит. наук. – 2013. – Вып. 12. – С. 118–121.
2. **Муляр, В. И.** Самореализация личности как социальный прогресс. (Методолого-социологический аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук : 10.12.06 / В. И. Муляр. – Киев, 1990. – 16 с.
3. **Щелина, Т. Т.** Организация и содержание волонтерской деятельности студентов / Т. Т. Щелина // Вестн. психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2006. – № 7. – С. 6–9.

УДК 008:37

З. Р. Жукоцкая

ПРИОРИТЕТ КУЛЬТУРОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Аннотация. Предпринята попытка показать значимость дисциплины культурологии в формировании личностного начала будущего специалиста, интегративного стиля мышления студентов, ориентируясь на различные концепции известных российских культурологов – Л. Н. Когана (Екатеринбург), И. В. Кондакова (Москва), М. С. Кагана (Санкт-Петербург), М. М. Бахтина (Москва).

Ключевые слова: культурология, личность, культура, искусство, диалог культур.

«Культура – нормативная система, она предъявляет обязательные общие требования к каждому члену общества, определяет тот негласный, нигде не зарегистрированный официально минимум требований к профессиональному, политическому, нравственному, физическому, эстетическому и т. д. развитию человека, который дает ему право считаться культурным».

Л. Н. Коган

Высшее образование XXI в. в целом должно быть ориентировано на овладение культурологическим тезаурусом. Именно культурология призвана заполнить «идейный вакуум», образовавшийся в последнее десятилетие в результате перестроечных процессов, сориентировать на формирование личностного отношения человека к миру, осмыслить полифонию общественной жизни и развить способность видеть в любом явлении все богатство многообразных связей человека с миром.

Вузовское, а значит, и общегуманитарное мышление у будущего специалиста начинает формироваться уже с первого курса, с одной из первых дисциплин – культурологии [1], когда студент впервые начинает оценивать культуру как систему ценностей, рассматривая при этом культуру отдельной личности, признавать толерантность и интолерантность, стабильность и нестабильность культурной системы, ориентироваться на разные системы ценностей – прогрессивные, регрессивные и консервативные. Начиная с кантовского «категорического императива», выделяющего «моральный закон во мне», шпенглеровской сакральной зоны *глубинной человечности*, фрейдовского бессознательного, опирающегося на неосознанные сублимационные импульсы, фроммовской жизненной установки человека, стремящегося к продуктивной самореализации, и т. д. и заканчивая экологией культуры Д. С. Лихачева, многоаспектным анализом проблем общения, морфологии искусства

М. Н. Кагана и встречей смыслов в *диалоге культур* М. М. Бахтина, у студента формируется интегративный стиль мышления, который имеет основополагающее значение в его будущей профессии. Например, журналиста можно сравнивать с музыкантом, который оттачивает свое мастерство долгие годы, начиная с детских лет, а «четвертую власть» общество желает получить за пять лет. Как и музыкант, журналист обязан владеть своим инструментом – *СЛОВОМ* – в совершенстве, уметь варьировать им и умело модулировать в различные тональности общественной жизни. В этой связи актуально звучат слова русского писателя, мыслителя Серебряного века Андрея Белого, который не случайно в начале прошлого века воскликнул: «Музыка – вот что ворвалось в сознание многих, в образующуюся пустоту душевного раскола, в музыке зазвучали опять небесные сферы ... под формою личного индивидуализма ... в раскрытое темя храма Головы ...» [2, с. 125]. Для того чтобы «храм Головы» наполнялся свободными, яркими независимыми идеями, необходима программа жизнотворчества, т. е. призыв к творчеству, к обновлению жизни. Перефразируя тезис русского символиста применительно к журналистике, а также и к другим специальностям, можно вывести следующую формулу – «журналистика есть эстетический феномен», «юриспруденция есть эстетический феномен» и т. д., который должен быть ориентирован на жизнеутверждающую программу, ибо жизнь является одной из категорий творчества, именно творчество руководит сознанием, а не наоборот. Сознание, по мнению Шопенгауэра, – это только «поверхность нашего духа, в котором мы не знаем внутреннего ядра», а для того чтобы внутреннее ядро обрело цельность и не раскололось, необходимо научиться пользоваться орудием творчества – знанием. В настоящее время господствует, к сожалению, бестворческое знание, т. е. знание, оторванное от творчества, что в соответствии с темой тезисов означает – журналист, юрист или специалист иной профессии не владеет словом или, по выражению Льва Анненского, энергией слова. Вулкан личного творчества студентов должен демократично направляться преподавательским коллективом в созидательное русло, при этом умело гасить схоластические огоньки, направленные против ценностей и преображения жизни.

Определяя культурологию не только как частную науку о культуре и ее внутренних закономерностях развития, но и как *новую междисциплинарную методологию*, И. В. Кондаков (автор многих публикаций по истории культуры, а также книг «Введение в историю русской культуры» и «Культура России: Русская культура: краткий очерк») тем самым выводит культурологию за пределы собственно культурных явлений и процессов в узком смысле, охватывая более широкую область социокультурных явлений. Он выдвигает новые методические и методологические задачи перед историей культуры.

1. Отход от скомпрометировавших себя вульгарно-социологических и политических схем культурно-исторического развития и обращение

непосредственно к анализу и интерпретации богатого и во многом еще не освоенного материала истории культуры.

2. Найти основания для общей концепции закономерностей ее имманентного развития – именно как культуры, подчеркивает автор, а не культурного придатка социально-политической истории. Таким образом, предлагается новая разработка универсальной концепции культуры, соединившей философию культуры с философией истории, апробированная И. В. Кондаковым в различных вузах страны [3].

Уникальна концепция известного ученого М. С. Кагана (Санкт-Петербург), который представил человеческую деятельность, лежащую в основе культуры, как систему. В своей работе «Философия культуры» он впервые в мировой науке применил *системный подход* к изучению культуры и рассматривал культуру как предмет философского системного исследования, подчеркивая онтологический статус культуры, анализируя экологические, социологические и антропологические проблемы, а также внутренние проблемы теории культуры. Из общего представления о системной форме бытия и о типологии систем вытекают принципы их изучения. По Кагану, только системы высшего уровня сложности – *человек, культура, искусство* – требуют адекватного их природе *трехпредметного, функционального и исторического* рассмотрения, о чем подробно он излагает в своей книге. Трехчленная структурная декомпозиция бытия «природа – общество – человек» при необходимости приводит нас к выявлению культуры как *преобразования человеком природы по законам общества*. Это значит, что «культура» близка к содержанию понятий «человек» и «общество», вместе с ними противостоя «природе», потому что триединая система «общество – человек – культура» образует миниатюрную нишу в бескрайнем пространстве природы.

Для культурологического знания «выход» на культуру как особую подсистему бытия открывает возможность ее изучения не только как *внеприродной и антиприродной* сферы, но и как *специфического аспекта «сверхестественного» бытия, диалектически взаимосвязанного с социальным и человеческим его аспектами*. М. С. Каган особо подчеркивает практическое значение обосновываемой им концепции в современных условиях, ибо одна из главных причин застоя и деградации во всех сферах – начиная с материального производства и организации политической жизни и заканчивая человеческими отношениями в быту, характером народного образования, проведением досуга – состоит в низком уровне культуры во всех ее аспектах – культуры труда, культуры управления, политической культуры, нравственной культуры и т. д. и т. п. [4].

Перефразировав изречение Сартра: «человек – это существо, «приговоренное к свободе», М. Каган убежден, что современное человечество «приговорено к диалогу». Осуществление этого приговора – дело каждого из нас. Овладеть свободным пространством жизненного творчества, стать дерзно-

венным новатором жизни, научиться по-пастернаковски во всем доходить до самой сути – именно к этому должен стремиться будущий специалист, глубоко проникая в содержание гуманитарных дисциплин в целом и культурологии в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Жукоцкая, З. Р.** Культурология: курс лекций / З. Р. Жукоцкая. – Москва: КомКнига, 2006. – 232 с.
2. **Белый, А.** Душа самосознающая / А. Белый. – Москва: Республика, 1999. – 560 с.
3. **Жукоцкая, З. Р.** Новые горизонты культурологического знания (Рецензия на книгу И. В. Кондакова «Культурология: история культуры России: курс лекций») / З. Р. Жукоцкая // Исторические повороты культуры: сб. науч. ст. (к 70-летию проф. И. В. Кондакова) / общ. ред. и сост. О. Н. Астафьевой. – Москва: Согласие, 2018. – 530 с.
4. **Каган, М. С.** Философия культуры / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – 415 с.

УДК 31:308

Д. А. Канашевич

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЭКСПОРТА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Аннотация. Интернационализация сферы высшего образования Республики Беларусь – неотъемлемая составляющая процессов, происходящих во всем мире, и в силу этого подвержена воздействию внешних факторов. На основе данных национальной статистики рассматривается совокупность факторов, влиявших на динамику экспорта образовательных услуг Беларуси в последние годы, анализируются «ответы» национальной высшей школы на эти «вызовы», характер подвижек в структуре въездной студенческой мобильности.

Ключевые слова: рынок образовательных услуг, иностранные студенты и магистранты, экспорт образовательных услуг, въездная академическая мобильность.

Привлечение иностранных студентов является приоритетом ведущих стран мира. Экспорт образовательных услуг экономически выгоден не только образовательным учреждениям как важный источник дохода, но и государству в целом, поскольку продвижение бренда национального образования способствует укреплению позиций государства на мировой арене, усилению его политического влияния.

Обучение иностранных студентов в Беларуси имеет давние традиции. В последние годы советского периода в вузах БССР обучалось около 7 тыс. иностранных граждан, что составляло 3,8 % от всех студентов. В связи с распадом СССР в Беларуси имело место резкое снижение численности иностранных студентов, динамика въездной академической мобильности в

конце 1990-х – начале 2000-х гг. была неустойчивой. В лучшие годы численность иностранных студентов не достигала 5,5 тыс. человек, что составляло порядка 1,3 % от всех студентов [1, с. 193–194].

Только после 2007 г. наметилась тенденция увеличения численности иностранных граждан, приезжающих в Беларусь за высшим образованием. В 2009–2014 гг. численность иностранных студентов в УВО Беларуси увеличивалась в среднем почти на 1,5 тыс. в год. Однако в последующие четыре года (2014/15–2017/18) наблюдался спад въездной мобильности – ежегодно из-за рубежа в страну приезжало в среднем в 3,5 раза меньше студентов и магистрантов. Более того, в 2017/18 уч. г., по отношению к предыдущему, имело место отрицательное сальдо въездной студенческой мобильности (–401 человек) [2, с. 33].

Отвечая на императивы времени, в Государственной программе «Образование и молодежная политика на 2016–2020 годы», а также в «Концептуальных подходах к развитию системы образования до 2020 года и на перспективу до 2030 года» (2017) был поставлен вопрос о повышении конкурентоспособности белорусского высшего профессионального образования. Намечена система мероприятий по продвижению на международном образовательном рынке бренда «Образование Беларуси». Система мероприятий и алгоритм действий, рекомендованные в этих стратегически значимых концептуальных документах, позволили укрепить позиции белорусских университетов на мировом рынке образования. В последующие годы рост въездного потока учебной миграции в Беларусь приобрел устойчивый характер. В 2018/19 уч. г. из-за рубежа в УВО страны приехало на обучение порядка на 1 тыс., а в 2019/20 уч. г. – на 3 тыс. иностранных граждан больше, чем в предыдущие годы, и общая численность иностранных студентов и магистрантов составила 19 745 человек [3, с. 97].

Вместе с тем 2019/20 уч. г. стал своего рода испытанием для национальной системы высшего образования, которая оказалась под воздействием ряда неблагоприятных факторов. С одной стороны, в Туркменистане, занимавшем с 2012 г. 1-е место по количеству обучающихся в Беларуси иностранных студентов, было принято решение признавать только дипломы УВО, входящих в топ-1000 ключевых международных рейтингов. С другой стороны, 2019/20 уч. г. – это начало пандемии и неизбежных негативных тенденций в развитии экспорта образовательных услуг.

Тем не менее, несмотря на действие совокупности неблагоприятных факторов, темпы развития белорусского экспорта образовательных услуг продолжали ускоряться. По данным национальной статистики, на начало 2021/22 уч. г. численность иностранных студентов и магистрантов в УВО Беларуси составила 24 338 человек [3, с. 97]. Это на 3,4 тыс. больше, чем в 2020/21 уч. г., и на 4,6 тыс. – по сравнению с 2019/20 уч. г. Таким образом, за 2010/11–2020/21 гг. численность иностранных граждан в УВО Беларуси увеличилась в 2,6 раза.

С учетом иностранных граждан на подготовительных факультетах УВО, в ССО и ПТО, общий контингент иностранных обучающихся в республике в 2021/22 уч. г. составил более 32 тыс. человек [4]. Значимым проявлением интернационализации УВО Беларуси стало возрастание удельного веса иностранных граждан среди студентов и магистрантов. В 2007/08 уч. г. доля иностранных граждан в общей численности студентов и магистрантов в УВО страны составляла порядка 1,3 %, в 2010/11 уч. г. – 2,1 %, 2016/17 уч. г. – 4,9 %, 2020/21 уч. г. – 7,9 %, 2021/22 уч. г. – 9,5 % [3, с. 98].

Следует учитывать и то, что с начала 2022 г. возможности сотрудничества белорусских вузов с европейскими партнерами сократились в связи с санкциями и исключением России и Беларуси из Болонского процесса. Однако вступление в 2015 г. Республики Беларусь в Болонский процесс не привело к расширению академической мобильности между Беларусью и европейскими странами. Более того, в стране наблюдалось устойчивое снижение объемов исходящей образовательной мобильности, а европейские студенты так и не поехали на учебу в Беларусь во многом по причине низких позиций белорусских вузов в глобальных рейтинговых системах.

В высших учебных заведениях Беларуси иностранные студенты из развитых стран и до введения санкций были представлены столь незначительно и не учитывались в национальных статистических изданиях, за исключением студентов из Израиля. Сегодня отечественные УВО стремятся сохранить научные и образовательные связи непосредственно с самими европейскими университетами, но все более их сотрудничество по программам академической мобильности активизируется по другим геополитическим направлениям – государства СНГ, Центральной и Юго-Восточной Азии, которые в настоящий момент являются для Беларуси стратегическими направлениями экспорта образовательных услуг.

В последние пять лет произошли существенные подвижки в составе топ-5 стран, направляющих на учебу своих граждан в белорусские учреждения высшего образования. В 2017/18 уч. г. в общей численности иностранных студентов и магистрантов, обучавшихся в УВО Беларуси (15 570 человек), больше всего было граждан Туркменистана – 7 219 человек. Студенты из этой республики, являющейся одной из пяти стран-членов Евразийского экономического союза, составляли порядка 46,4 % всех иностранных обучающихся в белорусских вузах (в четыре предыдущих года – более 50 %). Вторую позицию в топ-5 стран белорусского экспорта образовательных услуг в 2017/18 уч. г. занимала Российская Федерация – 9,9 % (1 546 человек), третью – Китай – 8,9 % (1 389 человек), четвертую – Иран – 6,1 % (957 человек) и пятую поделили Нигерия – 3,0 % (469 человек) и Таджикистан – 3,0 % (461 человек) [3, с. 97–98].

В 2021/22 уч. г. структура экспорта образовательных услуг Беларуси существенно изменилась: ключевая доля пришлась на Китай (8 011 студентов

и магистрантов), Туркменистан (6 451 человек), Узбекистан (2 327 человек), Шри-Ланку (1 439 человек) и Российскую Федерацию (1 397 человек) [3, с. 97–98]. Из данных национальной статистики следует, что в последние годы в белорусской высшей школе интенсивно возрастала численность китайских студентов и магистрантов, достигнув в 2021/22 уч. г. 32,9 % от всех иностранных студентов и магистрантов. В результате Китай вышел на 1-е место по количеству студентов, обучающихся в Беларуси, потеснив Туркменистан (26,5 %).

В последние годы наблюдался также кратный рост численности студентов и магистрантов из Узбекистана. Эта республика, не являющаяся членом ЕАЭС, вышла на 3-е место (после Китая и Туркменистана), существенно обогнав Россию по численности обучающихся в УВО Беларуси граждан. Динамику увеличения численности абитуриентов из Узбекистана характеризуют следующие данные: в 2017/18 уч. г. в Беларуси обучалось 72 студента из этой республики (0,5 % в общем контингенте иностранных студентов), в 2021/22 уч. г. высшее образование в Беларуси получали 2 327 узбекских граждан (9,5 %).

По сравнению с 2017/18 уч. г. в 2021/22 уч. г. в 3,7 раза увеличилось присутствие в Беларуси студентов и магистрантов из Шри-Ланки (5,9 %). Эта страна заняла 4-е место, оттеснив Российскую Федерацию на 5-ю позицию по количеству обучающихся в УВО Беларуси (5,73 %). Примечательно также, что за последние пять лет в 2,3 раза возросло число студентов и магистрантов из Индии (3,2 %) и в 1,6 раза – из Ливана (2,2 %). В топ-10 государств по количеству обучавшихся в 2021/22 уч. г. в высшей школе Беларуси иностранных граждан вошли также Иран – 1,3 %, Израиль – 1,2 %, Нигерия – 1,2 %.

Таким образом, география происхождения иностранных студентов и магистрантов, обучающихся в УВО Беларуси, широка – они приехали из более чем ста стран. Тем не менее Беларусь пока включена в международный образовательный рынок не на глобальном, а, скорее, на региональном уровне. Ключевая доля белорусского экспорта образовательных услуг в последние десять лет неизменно приходилась на регионы СНГ, Центральной и Юго-Восточной Азии и на три ключевые страны. Однако соотношение стран в белорусском экспорте образовательных услуг в последние годы существенно изменилось. Если в 2017/18 уч. г. по численности обучающихся в УВО Беларуси доминировали Туркменистан, Россия, Китай, то в 2021/22 уч. г. ключевые позиции в белорусском экспорте образовательных услуг занимали Китай, Туркменистан, Узбекистан. Российская Федерация по количеству граждан, обучающихся в УВО Беларуси, оказалась на 5-й позиции (после Шри-Ланки).

Исходя из анализа данных национальной статистики, можно сделать следующее заключение. Тренды в динамике экспорта образовательных услуг Беларуси, с одной стороны, связаны с конъюнктурными колебаниями международного рынка образовательных услуг, с другой – являются результатом успешной маркетинговой политики Министерства образования и

подведомственных ему учреждений, руководства белорусских УВО по привлечению иностранных абитуриентов на новых географических направлениях. Вместе с тем к числу неблагоприятных явлений следует отнести уменьшение в белорусском экспорте доли двух стран, являющихся членами ЕАЭС, – Республики Туркменистан и особенно Российской Федерации, с которой Беларусь к тому же связывают отношения в формате Союзного государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь / редкол.: В. И. Зиновский [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2013. – 578 с.
2. Образование в Республике Беларусь / редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 40 с.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – 578 с.
4. **Иванец, А. И.** Развитие международной деятельности учреждений высшего образования и наращивание экспорта образовательных услуг [Электронный ресурс] / А. И. Иванец // Выступление на заседании Респ. совета ректоров по вопросу экспорта образовательных услуг, Витебск, 17 июня 2022 г. – Режим доступа: <https://edu.gov.by/news/obem-eksporta-universiteta-zavisit-ot-ego-reputatsii-i-marketingovoy-deyatelnosti-po-prodvizheniyu-o/>. – Дата доступа : 09.03.2023.

УДК 31:308

Н. М. Канашевич

К ВОПРОСУ О БОЛОНСКОМ ПРОЦЕССЕ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Императивом приостановки членства России и Беларуси в Болонском процессе стало развитие реинтеграционных процессов в сфере высшего образования в формате евразийского интеграционного проекта. Рассмотрены перспективные направления развития этого процесса – создание институциональных форм взаимодействия в сфере образования, работа по стандартизации правил академической мобильности, продвижение безбарьерной среды, развитие дистанционных образовательных программ, сетевых форм сотрудничества между учреждениями высшего образования региона.

Ключевые слова: евразийский проект, реинтеграция, образовательное пространство, безбарьерная среда, сетевое сотрудничество.

В июне 2022 г. Европейской комиссией приостановлено членство Беларуси (как и России) в Болонском процессе, что подтверждено странами и на официальном уровне. Этот шаг стал назревшим решением, которое имеет

глубокие основания и было принято не только в контексте санкций Запада, вызванных проведением Россией спецоперации на Украине. Цель настоящей публикации состоит в том, чтобы оценить новые реалии, новые возможности и перспективы для национальной системы высшего образования.

Несмотря на присоединение Беларуси в 2015 г. к Болонскому процессу, европейское направление интеграционных связей в сфере высшего образования, в том числе по линии академической мобильности, развивалось медленно. Во многом данное состояние было обусловлено позицией, занятой в ЕС по вопросу о степени допустимости академического сообщества Беларуси к сотрудничеству на европейском образовательном пространстве. По мнению Брюсселя, это зависело от того, как развивались отношения Беларуси и ЕС в политико-государственной сфере. В диалоге с Беларусью со стороны Брюсселя традиционно упоминались вопросы о необходимости ввести в стране мораторий в отношении смертной казни, выполнить все рекомендации ОБСЕ и других институтов в отношении прав человека и реформирования избирательной системы. ЕС не только настаивал на решении этих вопросов, но и активно предлагал свою «помощь в демократизации» через инструменты поддержки оппозиционных лиц и различные молодежные программы.

Эта позиция ЕС не изменялась, что препятствовало интеграции белорусских вузов в европейскую образовательную среду. Кроме того, сама образовательная среда, сложившаяся в Беларуси, далеко не всегда воспринималась Брюсселем благосклонно. То, что в Беларуси считают сильными сторонами национальной системы высшего образования, чиновниками Болонского процесса оценивалось как недостаток. Белорусская система образования критиковалась за академизм и стремление сохранить свои традиции, за медленную интеграцию в Болонскую систему, за сильные позиции государства в образовательной сфере, сохранение большого числа мест в учебных заведениях, связанных с техническими профессиями, и др.

В настоящий момент возможности сотрудничества белорусских вузов с европейскими партнерами резко сократились в связи с санкциями и прекращением финансирования по проекту «Модернизация высшего образования Республики Беларусь» и образовательным программам Европейской комиссии – Эразмус+, МОСТ и др. Однако Беларусь, фактически, так и не воспользовалась благами Болонского процесса. Квоты, выделявшиеся в рамках Болонского процесса для Беларуси, были слишком малы, а участие образовательного сообщества Беларуси в европейских образовательных программах, в том числе в программах академической мобильности, весьма ограничено. Кроме того, обратим внимание на результаты комплексного сравнительного социологического исследования болонских реформ в Армении и Беларуси, проведенного в 2017–2019 гг. учеными этих стран с использованием методов экспертного опроса, фокус-групп с преподавательским составом и студентами, контент-анализа национальных СМИ, данных статистики.

По результатам исследования экспертами был сделан вывод, что попытки реформировать по европейским стандартам национальные системы высшего образования двух стран СНГ, входящих также и в ЕАЭС, – Армении и Беларуси, чтобы продвинуть их в Европейское пространство высшего образования и повысить конкурентоспособность на глобальном уровне, не увенчались успехом [1, с. 142]. Более того, «в долгосрочной перспективе такие реформы национального образования приводят к деструктивным последствиям» [2, с. 1089]. В частности, опыт Армении более существенно, чем Беларуси, продвинувшейся по пути внедрения болонских принципов за 15-летний период (с 2005 г.), показал актуальность проблемы молодежной миграции и «утечки мозгов». Европейские же студенты не поехали на учебу ни в Армению, ни в Беларусь во многом по причине низких позиций белорусских вузов в глобальных рейтинговых системах.

Руководство Республики Беларусь, Министерство образования и подчиненные ему ведомства изначально следовали «дорожным картам» Болонского процесса с ориентацией на национальные интересы. В Беларуси смогли выработать реалистичную политику модернизации национальной системы высшего образования, основанную на использовании через инструменты многоканального сотрудничества европейского опыта, при сохранении сильных сторон отечественного образования, адаптируя его к вызовам времени. После нескольких лет следования «дорожным картам» Болонского процесса Республика Беларусь, фактически, заморозила это движение и вернулась к национальным приоритетам в высшем образовании. Как отметил министр образования Республики Беларусь Андрей Иванец, приостановка членства страны в Болонском процессе не отразилась на национальной системе высшего образования, т. к. «даже при членстве в Болонском процессе была сохранена своя методика, полностью соответствующая национальным интересам и выстроенная под потребности экономики республики» [3].

В современном конфликтном мире безопасность наиболее вероятно обеспечить только в сотрудничестве цивилизационно близких или дружественных стран. Национальным интересам Республики Беларусь в настоящий момент соответствует дальнейшее продвижение программы образовательной интеграции в евразийском геополитическом и историческом регионе. Однако особенностью постсоветского вектора интеграции высшего образования Беларуси до последнего времени являлось то, что образовательные связи в формате СНГ, Союзного государства и ЕАЭС не имели всестороннего и устойчивого характера. Этот процесс развивался, скорее, не благодаря этим интеграционным объединениям, а как бы вне прямой зависимости от них – благодаря политической инициативе руководства, а также активности отдельных вузов, накопленному ими опыту взаимодействия. В силу этого динамика академической мобильности во многом определялась политической конъюнк-

турой, что создавало риски для развития интеграционных процессов (например, ситуация с Туркменистаном).

В последние годы наметились тенденции, свидетельствующие о развитии реинтеграционных процессов в сфере высшего образования в формате евразийского интеграционного проекта. Обратим внимание на подписание в июле 2019 г., на пленарном заседании VI Форума регионов России и Беларуси, Декларации об учреждении Ассоциации вузов Беларуси и России, в которую сегодня входит более 80 образовательных и научных организаций. В рамках этой организации, выступающей ядром евразийской интеграции, уже предприняты шаги по разработке совместных образовательных программ и программ академической мобильности, сближению законодательства для получения сопоставимого общего образования, синхронизации процедур вступительных экзаменов, развитию трансграничных научных проектов, углублению сотрудничества на региональном уровне. Важным механизмом развития интеграционных процессов стало проведение Форума ректоров вузов России и Беларуси.

О продвижении в направлении формирования единого евразийского образовательного пространства свидетельствуют и другие явления, связанные с институционализацией межвузовского взаимодействия. В Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) с февраля 2021 г. ведется работа по созданию Евразийского фонда с целью финансовой поддержки академической мобильности посредством предоставления грантов на обучение и стажировку в вузах евразийского пространства с наиболее сильной специализацией по наиболее прогрессивным и востребованным специальностям, начиная с АПК и промышленности [4].

25 мая 2022 г. во время совещания ректоров ведущих университетов ЕАЭС в преддверии проведения в г. Бишкеке Евразийского экономического форума (ЕЭФ) было принято решение о создании университетской сети, отвечающей запросам экономического пространства региона, – Евразийского сетевого университета (ЕСУ). Целью создания этого научно-образовательного консорциума является формирование между университетами безбарьерной среды, обеспечение информационной доступности официальных документов об образовании, развитие дистанционных образовательных программ и реализация в сетевой форме опережающей подготовки квалифицированных кадров для современного рынка труда. ЕСУ будет обеспечивать академическую мобильность между Россией, Арменией, Беларусью, Казахстаном и Киргизстаном по общим правилам и выступать посредником между институциональными организациями ЕАЭС. Это не исключает ассоциированного членства в ЕСУ университетов государств, не входящих в ЕАЭС [5].

Таким образом, необходимость решения задач постиндустриальной модернизации и создания экономики знаний в условиях санкционного давления со стороны коллективного Запада, появления новых угроз и рисков для суве-

ренитета и национальной безопасности требует углубления в евразийском геополитическом и историческом регионе интеграционных процессов, чтобы эффективней использовать совместный потенциал для развития. В условиях полицивилизационного евразийского пространства особую значимость имеют гуманитарные аспекты интеграции. Успех евразийского интеграционного проекта во многом зависит от степени единства научного и образовательного пространства региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Титаренко, Л. Г.** Болонский процесс в Армении и Беларуси: успехи и проблемы / Л. Г. Титаренко, М. И. Заславская // Высшее образование в России. – 2020. – № 4. – С. 136–145.
2. **Титаренко, Л. Г.** Интеграционные образовательные процессы в Евразийском измерении / Л. Г. Титаренко // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – Вып. 5, ч. 1. – 1182 с.
3. **Иванец, И.** Система образования Беларуси привлекательна для иностранных студентов [Электронный ресурс] / И. Иванец // Интервью в эфире телеканала «Беларусь 1», 3 июля 2022 г. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/52028597/>. – Дата доступа: 02.03.2023.
4. В ЕЭК предложили создать платформу в области академической мобильности [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://www.alt.ru/ts_news/79569/. – Дата доступа: 02.03.2023.
5. Приняты первые организационные решения по запуску Евразийского сетевого университета [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/novosti/prinyaty-pervye-organizatsionnye-resheniya-po-zapusku-evraziyskogo-setevogo-universiteta/. – Дата доступа: 02.03.2023.

УДК 371.321.5

В. І. Караткевіч

СУЧАСНЫЯ СПАСАБЫ ВІЗУАЛІЗАЦЫІ НА ЎРОКАХ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Анатацыя. Сёння візуалізацыя з’яўляецца адным з эфектыўных спосабаў далучэння вучняў да мастацкай літаратуры і засваення неабходнай вучэбнай інфармацыі. Уменне складання і чытання нелінейных візуальных тэкстаў з’яўляецца адным з маркераў функцыянальнай адукаванасці. Выкарыстанне воблака слоў, лаглайна, скрайбінгу на ўроках літаратуры павышае цікавасць вучняў да вучэбнага прадмета і вынікі вучэбнай дзейнасці.

Ключавыя словы: функцыянальная адукаванасць, візуалізацыя, воблака слоў, лаглайн, скрайбінг.

Адной з найважнейшых праблем, з якой сутыкаецца большасць настаўнікаў літаратуры, з’яўляецца адсутнасць цікавасці да чытання мастацкай

літаратуры з боку вучняў, што негатыўна адбіваецца на эмацыйнай сферы маладога пакалення, іх духоўным інтэлекце [1, 2]. Пераадоленне гэтага выкліку часу бачыцца ў шырокім выкарыстанні розных спосабаў візуалізацыі на ўроках літаратуры. Сучаснае грамадства перажывае «візуальны паварот», які ўяўляе сабой новы падыход у камунікацыі і «праяўляецца ва ўзрастанні ролі вобразнасці ў паўсядзённым жыцці чалавека і ў абстрактнай тэарэтычнай цікавасці да візуальнага складніка сацыяльнай рэальнасці» [5, с. 176]. Дастаткова працяглы час візуальныя вобразы разглядаліся выключна ў кантэксце масавай культуры, але сёння яны актыўна пранікаюць у культуру элітарную. Прымаючы той факт, што выкарыстанне розных спосабаў візуалізацыі на розных этапах вывучэння літаратуры паляпшае засваенне вучэбнага матэрыялу, спрашчае ўспрыняцце мастацкага тэксту, неабходна ўлічваць уплыў выклікаў, звязаных з распаўсюджваннем лічбавых тэхналогій. Гэты працэс «істотна змяніў спосабы камунікацыі і сацыякультурную прастору (папулярнасць сацыяльнага дыстанцыравання, заглыбленасць вучняў у віртуальную прастору, рэзкае змяншэнне «жывых» зносін, змяншэнне эфектыўнасці педагагічнага ўздзеяння і інш.)» [3, с. 124]. Звернем увагу, што пад візуалізацыяй мы не разумеем ілюстрацыі да мастацкага твора і прэзентацыі, якія атрымалі шырокае распаўсюджанне на ўроках літаратуры. Ніколі не змяншаючы ролю гэтых сродкаў навучання, дазволім сабе прэзентаваць яшчэ некаторыя спосабы візуалізацыі, якія могуць быць выкарыстаны на ўроках беларускай літаратуры.

Адной з форм візуалізацыі даных з'яўляецца воблака слоў, якое ўяўляе сабой набор ключавых слоў і словазлучэнняў, напісаных розным памерам шрыфту (чым больш частотным з'яўляецца слова, тым больш буйным шрыфтам яно напісана) і калі-нікалі розным колерам. Само воблака можа быць рознай формы, словы ў ім можна паказаць як гіперспасылкі. Праца са створаным настаўнікам ці вучнем воблакам звычайна выклікае цікавасць у вучняў і дае магчымасць вырашыць наступныя задачы: выпрацоўваць уменне назіраць і вылучаць асноўнае; аналізаваць і суадносіць літаратурны матэрыял; актывізаваць пазнавальную дзейнасць і крытычнае мысленне вучняў; выклікаць цікавасць да вучэбнай дзейнасці. Складанне воблака слоў можна прымяняць на любым этапе ўрока як індывідуальнае заданне і ў якасці групавой работы. З тэхнічнага боку для гэтага спатрэбіцца толькі доступ да інтэрнэту, у прыватнасці, напрыклад, такіх сэрвісаў, як:

<http://tagxedo.com>;

<https://answergarden.ch>;

<https://wordart.com>;

<https://wordsccloud.pythonanywhere.com>;

<http://www.imagechef.com>.

Найбольш эфектыўным бачыцца стварэнне воблака слоў для абагульнення прачытанага і выяўлення да яго асабістых адносін. Таксама гэта спосаб выяўлення асацыяцый, якія ўзнікаюць пры асэнсаванне пэўных вобразаў.

Напрыклад, вучням V класа было прапанавана зафіксаваць у воблаку слоў свае асацыяцыі пасля прачытання верша М. Багдановіча «Зімой». Адзін з вынікаў гэтай працы прадстаўлены на мал. 1.

Мал. 1. Воблака слоў паводле верша М. Багдановіча «Зімой»

Акрамя таго, воблака слоў можна выкарыстоўваць у якасці дыдактычнага матэрыялу, як форму прэзентацыі вынікаў апытвання або абмеркавання. Пры вывучэнні тэарэтычных паняццяў воблака слоў можа служыць спосабам акцэнтавання ўвагі на пэўных ключавых момантах, напрыклад, пры вывучэнні літаратурных метадаў і напрамкаў у X класе.

У якасці прыкладаў можна прывесці наступныя заданні.

1. Прачытайце твор і складзіце воблака слоў (10 асацыяцый), якія ўзніклі пасля прачытання.
2. Стварыце воблака слоў з тэарэтычных паняццяў, якія выкарыстоўваліся сёння на ўроку.
3. Згенерыруйце воблака слоў, якое складалася б з асноўных паняццяў па тэме.
4. Выкарыстайце прапанаванае воблака слоў у якасці плана для вуснага адказу па тэме.

Акрамя воблака слоў, для візуалізацыі можна выкарыстоўваць лаглайн. Гэта спосаб скарачанага перадачы інфармацыі, які прыйшоў у адукацыйны працэс з кінематографа. Лаглайн – спосаб перадачы драматычнай гісторыі ў максімальна лапідарнай форме без распрацоўкі характараў і непатрэбных падрабязнасцяў. Для стварэння якаснага лаглайна ў адным сказе з 25 слоў трэба расказаць, пра каго гісторыя (хто галоўны герой/праціпаніст), даць характарыстыку герою (прафесія/занятак, сацыяльны статус), вызначыць мэту дзейнасці героя – рухаючую сілу твора. Такі тэкст-сказ павінен быць прыцягальным для рэцыпіентаў, лепш, каб ён меў адрасную маркіроўку.

Праз стварэнне лаглайнаў вучні набываюць навыкі адбору інфармацыі, што можна лічыць адным з паказчыкаў сфарміраванасці функцыянальнай адукаванасці.

Таксама стварэнне падобных тэкстаў можа быць прапанавана ў працэсе развіцця крэатыўнасці вучняў. Напрыклад, *уявіце сябе кінарэжысёрам фільма «Сэрца на далоні» паводле рамана Івана Шамякіна. Стварыце свой лаглайн, які пачынаўся б словамі «Гэта гісторыя ...». Мэтавая аўдыторыя фільма – маладыя людзі ва ўзросце ад 16 да 20 гадоў.*

Калі воблака слоў і лаглайн маюць універсальны характар, прызначаны для вучняў ад V да XI класаў, то стварэнне скрайбінга арыентавана на вучняў IX–XI класаў. Пры пэўных умовах, з улікам індыўідуальных асаблівасцяў навучэнцаў, магчыма рэалізацыя гэтага прыёму ў VII або VIII класе.

«Скрайбінг – працэс стварэння візуальнага канспекта, данясенне складанага сэнсу ў выглядзе простых вобразаў з дапамогай візуальных метафар. Перавагі скрайбінга: даступнасць прыёму для ўсіх вучняў, абавязковае выкарыстанне цытат, што прадугледжвае індыўідуальную і групавую работу з тэкстам, чытанне твора; найлепшае засваенне інфармацыі (праверана ў выніку анкетавання)» [4, с. 206]. У працэсе стварэння візуальных канспектаў актыўна ўзаемадзейнічаюць візуальнае і вербальнае мыслення. Скрайбінг робіцца звычайна на аркушы паперы А4, які пажадана потым укласці ў сшытак для работ або стварыць альбом такіх канспектаў, калі настаўнік выкарыстоўвае гэты прыём сістэматычна.

Настаўнік можа выкарыстоўваць уласны скрайбінг, дэманструючы яго на фліпчарце або дошцы для малявання.

Скрайбінг мэтазгодна выкарыстоўваць пры разглядзе вобразнай сістэмы мастацкага твора або пры вивучэнні жыццёвага і творчага шляху пісьменніка. Адзначым, што ў першым выпадку важна візуалізаваць уплывы на фарміраванне асобы галоўнага героя абставін, іншых персанажаў (адзначыць стрэлкамі рознай кіраванасці). Таму ў цэнтры аркуша трэба змясціць галоўнага героя/герояў. Колерамі можна вызначыць характарыстыкі персанажаў (напрыклад, аранжавым колерам адзначыць станоўчых герояў, чорным – адмоўных, чырвоным – герояў, якіх у роўнай ступені можна аднесці да станоўчых і адмоўных).

Пры візуалізацыі біяграфіі таксама можна колерамі адзначыць пазітыўныя і негатыўныя абставіны, якія паўплывалі на творчасць пісьменніка.

У скрайбінгу важным з’яўляюцца так званыя кантэйнеры – рамкі, у якія запісваецца інфармацыя. Напрыклад, упісванне тых або іншых персанажаў у сардэчка можа азначаць рамантычную сувязь, у кнігу – прыналежнасць персанажа да навукі і г. д.

Таксама неабходным элементам з’яўляюцца цытаты, якія характарызуюць падзеі, герояў, іх адносіны да рэчаіснасці і інш.

Кожны канспект, які ствараецца на працягу ўрока, мае індыўідуальны характар і дапамагае ўзнавіць вивучаны літаратурны матэрыял.

Такім чынам, праз выкарыстанне сучасных спосабаў візуалізацыі на ўроках беларускай літаратуры (напрыклад, воблака слоў, лаглайна, скрайбінга)

ствараюцца спрыяльныя ўмовы для развіцця крытычнага мыслення, аналітычных здольнасцяў, фарміруецца сістэма эмацыйных каштоўнасцяў, развіваюцца навыкі працы з інфармацыяй (структурыраванне, класіфікацыя, аналіз, інтэрпрэтацыя, мадэляванне), выпрацоўваецца ўменне вылучаць галоўнае, адсякаць неабавязковае, што ў сваю чаргу дапамагае выкарыстоўваць атрыманыя веды і навыкі ў розных жыццёвых сітуацыях, прафесійнай сферы. Таксама фарміраванне каштоўнасных арыентацый адыгрывае важную ролю ў працэсе выхавання праз навучанне.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Караткевіч, В. І.** Да беларускай мовы – праз асэнсаванае чытанне. Развіццё чытацкіх кампетэнцый у школьнікаў і студэнтаў / В. І. Караткевіч, І. І. Караткевіч // Народная асвета. – 2021. – № 2. – С. 28–31.
2. **Караткевіч, В. І.** Як заахваціць школьнікаў да чытання кніг на роднай мове / В. І. Караткевіч, І. І. Караткевіч // Народная асвета. – 2022. – № 2. – С. 30–33.
3. **Короткевич, В. И.** Формирование и развитие эмоционального и духовного интеллекта учащихся средствами литературной педагогики / В. И. Короткевич // Литературная педагогика и читательская грамотность: новые форматы и практики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 26 окт. 2022 г. – Казань: Казан. ун-т, 2022. – С. 124–127.
4. **Устинова, Л. Ю.** Скрайбинг на уроках литературы: создание визуального конспекта / Л. Ю. Устинова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 5 (57). – С. 206–220.
5. **Храпова, В. А.** Визуальный поворот в культуре и становление нового образа социальной реальности / В. А. Храпова, Я. М. Земцова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44). – С. 175–177.

УДК 330

Д. М. Попельшко

МОЗАИЧНОЕ ВОСПРИЯТИЕ И ГИПЕРТЕКСТ

Аннотация. Рассмотрена проблема такого явления современного мира, как мозаичность восприятия бытия, гипертекст как новое явление в системе культуры, а также их взаимосвязь с новой средой обитания человека.

Ключевые слова: мозаичность, гипертекст, калейдоскопичность.

Современная культура и мировоззрение претерпели серьезные изменения по сравнению с предыдущими этапами своего развития. Уже в конце XX в. рядом мыслителей были отмечены новые принципы их организации, такие как мозаичность, калейдоскопичность, гипертекст и т. д. Названные явления изменили и культуру, и личностное восприятие человеком окружающего мира и самого себя и требуют особого внимания при организации изучения дисциплин гуманитарного цикла.

О мозаичности как особом явлении в культуре начали говорить еще в конце прошлого века в рамках постмодернистского анализа культуры формирующегося общества нового типа.

Как считает профессор А. И. Селиванов [2], «мозаика – специфический тип системы и тип единства системы. Это не целостная и не суммативная система. В такой системе между элементами (корпускулами) взаимодействия осуществляются не настолько жестко, чтобы говорить о подчинении корпускулы системе либо какому-то компоненту системы как целостному, тотальному». Он утверждает наличие двух подходов к пониманию мозаичности – условно европейской, или французской, связанной с творчеством А. Моля, Ж. Делеза, Ф. Гваттари (в последнем случае имеется в виду принцип ризомы), которую он представляет как некую «калейдоскопичность», «не складывающуюся в гармоничное полотно», и русской, связанной с идеями А. С. Хомякова, Л. П. Карсавина, Г. С. Батищева, М. М. Бахтина, которая, наоборот, полагает возможность «единство во множестве», гармоничного «узора бытия». В данном случае неизбежен вопрос о возможности достижения восприятия целостности, единства бытия как такового. А. И. Селиванов считает, что именно мозаичность становится источником такого единства, «мозаика даже не перерастает в симфонию (песню) как наиболее совершенный тип своей гармонии, но порождает их, как хор или оркестр порождают симфонию, община или коллектив – соборность как некоторый дух единения и целостности». Очевидно, перед нами оптимистический вариант понимания мозаичности. Однако возникает вопрос: на основе чего происходит формирование такого единства? А. И. Селиванов для разрешения этого вопроса обращается к наличию некоей общей идеи, сохранению «гармоничности целого», к соборности как феномену духовного бытия и проводит аналогию с природной мозаикой – «мозаика видов, популяций, экосистем, мозаика социальных и культурных систем; мозаика типов процессов, в том числе типов развития». Но такая гармония основана не на сохранении отдельных «корпускул», будь то индивид, популяция, экосистема и т. д., наоборот, они постоянно возникают и исчезают, подчиняясь действиям объективных закономерностей бытия. Гармоничное единство и в природе есть лишь временное состояние сложной системы взаимодействия, если вспомнить некоторые принципы синергетики. При этом сами закономерности отнюдь не составляют мозаику. Конечно, на уровне квантовых процессов господствует принцип неопределенности, и случайность не исчерпывается вероятностью, но в таком варианте тем более не следует говорить о гармоничном единстве. Что же касается мозаики духовного бытия, то, естественно, возникает вопрос: общая идея или идеи не являются ли подчиненными такой мозаичности, не есть ли они такая же мозаика? И не следует ли принять принцип исходной дисгармонии бытия, а о гармоничном единстве говорить как о продукте человеческой деятельности, реализации его индивидуальной свободы в ходе противопоставления общей

тотальности? Как раз «переделывание» мира человеком, его избирательность и приводит к гармонизации, а не простое «складывание» отдельных элементов в расчете на наличие некоей предустановленной гармонии.

Д. С. Кузнецов в своей работе «Направления по преодолению мозаичности современной структуры философского знания» как раз рассуждает об отрицательных сторонах мозаичности современного знания, и не только философского. Дело в том, что «... в рамках неклассической и постнеклассической философии были отвергнуты и перестали быть обязательными элементы системности, концептуальности, структурности и прочие ...», – утверждает автор вышеназванной статьи. Справедливо его замечание и о том, что в таком подходе «факты философии выводятся за пределы самой философии, а эмпирический базис философской теории включает элементы, чуждые философскому знанию, и, следовательно, возникает проблема анализа, выраженная в определении признака данной мозаичности и путей ее преодоления». Признаками мозаичности он считает допущение в философский дискурс «научного симулякра», сделанные Ж. Бодрийяром и выявленные М. Хайдеггером факты деструктивности «разрыв разума, онто-терминологический разрыв, онто-экзистенциальный разрыв». Можно также согласиться с его выводом, что «вопрос о сущности бытия надо ставить заново». Однако следует ли сводить данную проблему к вопросу о «научном симулякре» и ссылаться на «исторически изменчивый этап нашей жизни, ежедневно новый тип информации, оспаривающий предыдущий эмпирический базис, осуществляет критику понимания бытия как присутствия, поэтому настоящее не существует и распадается на прошлое и будущее, где настоящее не равно себе». Вообще, попытка исключить из системы философского дискурса любой из объектов исходно носит деструктивный характер. Если существует проблема, ее следует преодолеть, а не выводить за рамки философского исследования.

В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова, рассматривая проблему мозаичности с точки зрения преподавания гуманитарных дисциплин, выводят мозаичность из процесса распада городской культуры: «Культура городского производителя изначально несет в себе потенциал самораспада гармоничного единства культуры обыденности и профессионализма. Ее сложно расщепленная структура взаимодействий с внешним миром в XX в. привела к формированию мозаичной культуры ...» [1]. Они же связывают возникновение феномена мозаичности со скоростью и хаотичностью процесса социализации личности в современном мире и де-факто указывают на главную причину ее возникновения – невозможность в массовой культуре на современном этапе развития обеспечить эффективную трансляцию «культурных смыслов от специализированной культуры к обыденному сознанию». В итоге делается вывод, что «мозаичная культура разрушила традиционные гуманитарные формы, основанные на линейной логике внутродисциплинарных причинно-следственных связей. Если основным принципом традиционной гуманитарной культуры является

упорядочивание понятий, то мозаичная культура как бы «выплескивает» в культурное информационное поле их случайную совокупность ... в новых мозаичных координатах существования, образование фактически будет нацелено на производство маргинала, находящегося на поверхностях культур, и, следовательно, не имеющего привязанностей в культуре» [1]. С этим выводом, пожалуй, можно согласиться лишь частично, но не следует видеть только отрицательную сторону в рассматриваемом явлении. Скорее, следует принять мнение А. М. Багаутдинова и М. Ф. Харисова, которые считают, что в условиях трансформации классических типов духовности, характерной для нашего времени, «мозаичная духовность должна помочь человеку выбрать наиболее отвечающую его внутреннему типу методику такой жизни, работы». Однако и они отмечали необходимость активного воздействия на такую «мозаичность» в процессе воспитания и развития личности.

Еще одной проблемой выступает проблема истоков мозаичности в современной культуре. Акцентирование внимания на развитии науки как основании возникновения данного явления имеет достаточно взвешенную аргументацию, приведенную Д. С. Кузнецовым. Но кажется правомерным обратить внимание еще на два аспекта.

Первым из них является существенное изменение того, что принято считать средой обитания человека. Помимо природной и социальной действительностей, со второй половины XX в. быстро развивается среда, которая начала определяться как виртуальная реальность, и, возможно, уже следует говорить если не о виртуальной античности, а о виртуальном онтологическом бытии. Если придерживаться подхода М. Хайдеггера, та же система интернета действительно создает новую среду если не обитания в полном смысле этого слова, то новую среду жизнедеятельности. Следует ли ее выделить в особую сферу или же это часть артеприродной, техногенной среды, к которой в традиционном подходе относили здания, промышленные предприятия, транспорт и т. д., или интимной, включающей в себя и семью, соседей и т. д., коллективы, в которых живет и действует человек? В этой реальности присутствуют признаки и того, и другого. Но именно эта новая среда, пожалуй, исходно выступает как действительная мозаика, она визуализирована, свободна в реализации выбора личности или социальной группы. Однако в этой реальности постепенно исчезают некоторые признаки классических типов духовности, такие как линейность мышления в его текстуальности, нуклеарность мировоззренческих комплексов и многие другие. Наиболее ярко этот процесс проявляется в возникновении такого явления, как гипертекст, пришедший на смену тексту и даже интертексту. М. В. Масалова считает, что гипертекст представляет собой «потенциальную и реализованную возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов». Е. Г. Соколов обращает внимание на техногенную составляющую данного явления: благодаря современным информационным

технологиям в классическую структуру почти неизбежно «встраиваются» визуальные и прочие компоненты, которые уже не выполняют роль только дополнительной информации, но позволяют «нищим духом» получить расшифровку авторских аллюзий, не прибегая к необходимому ранее набору методов и приемов. Более того, как отметила О. В. Соболева, гипертекст превратился в особое явление: «Гипертекстуальность не является результатом объединения отдельных текстов при помощи отсылок от одного текста к другому». Она же приводит позицию Ю. Хартунга, согласно которой гипертекст – «самостоятельный объект с набором собственных специфических свойств, в котором крайне важна соотносимость отдельных его частей друг с другом». Таким образом, именно гипертекст выступает основой для формирования мозаичности. При этом следует помнить, что мозаичность как явление формируется практически одновременно с явлением гипертекстуальности и выступает следствием научно-технической революции прошлого века.

Мозаичность, виртуальная реальность, наличие гипертекстуальности можно считать объективными условиями современной культуры, которые следует изучать и учитывать в том числе и при преподавании курса гуманитарных дисциплин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бенин, В. Л.** Мозаичность культуры – новый фактор, определяющий динамику образования / В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова // Образование в Уральском регионе: научные основы развития и инноваций: материалы науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20–21 февр. 2006 г. – Екатеринбург, 2006. – С. 187–188.
2. **Селиванов, А. И.** Мозаичная философия развивающегося мира / А. И. Селиванов. – Уфа: Башкир. ун-т, 1997.
3. **Моль, А.** Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва: Прогресс, 1973.
4. **Соболева, О. В.** К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» / О. В. Соболева // Вестн. Челябин. гос. ун-та. – 2014. – Вып. 89, № 7 (336). – С. 72–75.
5. **Хартунг, Ю.** Гипертекст как объект лингвистического анализа / Ю. Хартунг // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1996. – № 3. – С. 61–77.

УДК 366.632

А. И. Тарелкин

ВИДЫ ОБЩЕНИЯ: МАНИПУЛЯЦИЯ И ИСКРЕННОСТЬ

Аннотация. Приводятся классификации видов общения. Доказывается существование двух противоположных видов общения: манипуляции и искренности. Приводится соотношение манипуляции и искренности в межличностном общении.

Ключевые слова: межличностное общение, виды общения, манипуляция, искренность.

Общение является определяющей стороной бытия человека. Сегодня в психологии доминирующим подходом стал подход об онтологической самостоятельности общения в отличие от отождествления общения с деятельностью. Тем не менее существуют профессии, строящиеся по законам общения, для которых важным становится вопрос об определении оптимальной психологической дистанции.

В психологии выделяют различные виды и формы общения. Так, В. Н. Сагатовский выделяет четыре типа общения:

- 1) уровень манипулирования (другой человек – «говорящее орудие»);
- 2) уровень «рефлексивной игры» (один субъект признает «контрпроект» другого субъекта, но не признает за ним самоценности и стремится к выигрышу и реализации своего проекта и к блокированию чужого);
- 3) уровень правового общения (субъекты признают право на существование проектов деятельности друг друга, пытаются их согласовать, но только внешне);
- 4) уровень нравственного общения (результат добровольного согласования проектов деятельности друг друга).

Е. Л. Доценко говорит о возможности расположения всех человеческих поступков вдоль ценностной оси «отношение к другому как к средству» – «отношение к другому как к ценности». Шкала межличностных отношений, по Е. Л. Доценко, выглядит следующим образом: «Другой-средство» – доминирование – манипуляция – соперничество – партнерство – содружество – «Другой-ценность» [4].

В. Н. Куницина в зависимости от целей общения выделяет два его вида:

- 1) модалное общение (цель общения – само общение);
- 2) диктальное общение (мотивы общения лежат за его пределами) [5].

Э. Берн говорит о том, что для участников социальной группы имеются несколько способов структурирования времени:

- 1) ритуалы (например, католическая литургия);
- 2) времяпровождение (например, полуритуальная беседа, цель которой – провести время);
- 3) игра (бессознательное манипулирование другим человеком);
- 4) близость (спонтанное, свободное от игр чистосердечное поведение человека, осознающего окружающее, освобожденного, воспринимающего мир глазами неиспорченного ребенка, который всей сущностью живет в настоящем);
- 5) деятельность (совместное выполнение какого-то дела) [1].

Дж. Бьюдженталь выделяет следующие уровни общения:

- 1) формальные отношения (направлены на поддержание объективного статуса);
- 2) поддержание контакта (беседа, но «ничего личного»);
- 3) стандартная беседа (большинство повседневных разговоров с заботой о том, как я выгляжу);

- 4) критические ситуации (собеседник не обращает внимания на имидж; откровенное обсуждение проблемы);
- 5) интимность (подлинная встреча людей);
- 6) личное и коллективное бессознательное (проникновение в бессознательное, которое происходит без усилий) [2, 3].

Как видим, большинство классификаций видов общения располагаются в континууме двух полюсов, один из которых обозначается как отношение к другому как к ценности, а другой – отношение к другому как к средству. Современный подход к выделению видов общений предложила Л. И. Рюмина, которая выделила три базовые онтологические формы общения: диалог, игру, манипуляцию. Диалог строится исходя из нравственных отношений, его результат – экзистенциальное «Мы». «Главными характеристиками диалога, как формы общения, являются открытость, незавершенность, неповторимость, равноправие и свобода. Основная характеристика диалога как онтологической формы общения – экзистенциальное (ценностное) равенство, обеспечивающее целостность формы и задающее нравственные отношения и целостные бытийные переживания. Отсутствие экзистенциального равенства нарушает диалог по форме и содержанию, трансформирует его в другие формы общения – игру и манипуляцию» [6]. Игра основана на выполнении человеком его социальных ролей. В процессе игры усваиваются социальные нормы и ценности. «В игре вступают в отношение «роль» с «ролью», а не «Я» с «Ты» [6]. Игра – промежуточная форма общения между диалогом и манипуляцией. Манипуляция исходит из отношения к человеку как к «вещи», его полезности в достижении поставленных манипулятором целей. Манипуляция обесценивает партнера и сам процесс общения. Манипуляция – «это безнравственное общение, насильственная коммуникация, нарушающая экзистенциальное и социально-функциональное единство, свойственное диалогу и игре» [6].

Подлинным диалогом является исповедальный диалог, основной характеристикой которого выступает искренность. Базовыми психологическими атрибутами искренности являются «открытость» (открытое выражение человеком своих мыслей и чувств другому человеку) и «антиманипулятивность» (честность/правдивость в общении, отсутствие каких-либо корыстных целей в общении, какого-либо подвоха, лжи, манипуляций). Искренность – это открытое бескорыстное выражение человеком своих подлинных мыслей и чувств другому человеку или группе лиц, соответствие того, что человек думает и/или чувствует, тому, что говорит и/или делает [7]. Искренность противоположна манипуляции. Манипулятор не является искренним человеком: он пытается с помощью различных манипулятивных приемов реализовать свои корыстные мотивы, о которых не сообщает открыто своей жертве.

Тем не менее существуют промежуточные между искренностью и манипуляцией виды общения: «манипуляция искренностью» и «искренность

через манипуляцию». Примером манипуляции искренностью может послужить ситуация, когда любимому человеку высказывается искренняя обида, чтобы сформировать у последнего чувство вины и таким образом «привязать» его еще больше к себе. Примером искренности через манипуляцию могут служить различные описанные в психологии и часто рекомендуемые и используемые на практике приемы косвенной вербализации своих чувств в отношении другого. Так, следуя рекомендациям быть всегда конгруэнтным, человек «выплескивает» на другого свои отрицательные переживания. Сделать это напрямую часто не этично, поэтому используются приемы косвенной вербализации своих подлинных негативных эмоций и чувств, о которых партнер должен догадаться сам.

Наглядно выделенные виды общения можно представить на рис. 1.

Рис. 1. Виды общения

Таким образом, в психологической литературе существуют различные классификации видов общения. Можно выделить два основных противоположных вида (формы) общения: диалог и манипуляцию. Диалог предполагает ценностное отношение к другому, а манипуляция – корыстное отношение к другому. Подлинным диалогом является исповедальный диалог, основным атрибутом которого выступает искренность. Манипуляция представляет собой не просто одномерное воздействие, но вид общения (так, убеждение может быть манипулятивным, когда хотят с его помощью добиться противоположного). Между манипуляцией и искренностью существуют промежуточные формы: «манипуляция искренностью» и «искренность через манипуляцию». Искренний человек в общении не имеет «двойного дна» и не преследует корысти. Искренность предполагает отношение к другому как ценности без каких-либо дополнительных условий: человек чистосердечно полагается на собеседника, полностью вверяет ему себя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Берн, Э.** Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры / Э. Берн. – Москва : ЭКСМО, 2011. – 566 с.
2. **Бьюдженталь, Д.** Искусство психотерапевта / Д. Бьюдженталь. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 304 с.
3. **Бьюдженталь, Д.** Наука быть живым. Диалоги между терапевтом и пациентом в гуманистической терапии / Д. Бьюдженталь. – Москва: Класс, 2005. – 336 с.
4. **Доценко, Е. Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 304 с.
5. **Куницына, В. Н.** Межличностное общение / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Погольша. – Санкт-Петербург: Питер, 2003. – 544 с.
6. **Рюмшина, Л. И.** Формы общения: ценностно-смысловой анализ: дис. ... д-ра психолог. наук: 19.00.05 / Л. И. Рюмшина. – Ростов-на-Дону, 2005. – 474 л.
7. **Тарелкин, А. И.** Понимание искренности в межличностном общении с современной студенческой молодежью / А. И. Тарелкин // Весн. Магілёўскага дзярж. ун-та імя А. А. Куляшова. Сер. С. Псіхалага-педагагічныя навукі (педагогіка, псіхалогія, метадыка). – 2021. – № 1. – С. 110–114.

УДК 37.013

Л. В. Пироженко

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КНР

Аннотация. Анализируется современное состояние системы среднего профессионального образования (СПО) в КНР, раскрываются правовые основы профессионального образования, обобщаются тенденции модернизации профессионального образования в КНР в последние десятилетия и направления его дальнейшего развития в контексте общего реформирования системы образования.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование (СПО) в КНР, тенденции развития образования, основные направления модернизации СПО.

После принятия в 1986 г. закона «Об обязательном образовании в Китайской Народной Республике» 9-летнее общее среднее образование превратилось в обязательную норму для всех детей в возрасте до 15 лет. И хотя обучение сверх обязательного уровня до сих пор остается платным, в Китае в начале 90-х гг. прошлого века было положено начало созданию равных стартовых возможностей для молодежи из разных социальных слоев и регионов страны.

В мае 1996 г. был принят «Закон КНР о профессиональном образовании», который закрепил стратегическую направленность реформ в системе среднего профессионального образования (СПО). Принятие этого закона было направ-

лено на решение нескольких болезненных проблем китайского общества конца 90-х гг.: безработица среди выпускников школ; низкая техническая квалификация рабочих, занятых на негосударственных предприятиях; быстро растущие потребности развивающегося рынка, особенно в регионах, и отсутствие достаточного количества соответствующих учебных заведений.

«Законом ...» (1996) предусматривалось, что СПО, как и университеты, будут выполнять две функции: общеобразовательную подготовку и профессиональное обучение. В 1999 г. был утвержден «План реорганизации учебного процесса и создания новых учебников для профессиональной школы», которым было предусмотрено обеспечение профессиональных учебных заведений учебниками, обновление учебных программ, расширение номенклатуры получаемых в СПО рабочих профессий. Однако, несмотря на потраченные в последующие два десятилетия средства и усилия, профессиональное образование не пользуется популярностью у выпускников китайских школ и их родителей. Как отмечают китайские исследователи, такое положение обусловлено рядом причин:

- сравнительно низкое содержание в программах СПО общеобразовательных дисциплин, из-за чего выпускники этих учебных заведений до недавнего времени были лишены возможности сдавать гаокао и поступать в университеты на академические программы бакалавриата;

- несоответствие направленности и качества образовательных услуг СПО потребностям рынка труда КНР, в связи с чем возникают трудности с трудоустройством выпускников СПО;

- более низкий, по сравнению с бакалаврами, социальный статус и ограниченная профессиональная мобильность выпускников СПО. Мало кому из выпускников профессиональных колледжей удается добиться карьерных успехов;

- большинство китайских предприятий – это средние и мелкие частные предприятия, работа на которых не требует специальной подготовки. В результате выпускники СПО после трех лет в колледжах получают такую же заработную плату, как и выпускники основной школы, не получившие дополнительной профессиональной подготовки [1];

- неравномерность социально-экономического развития разных регионов приводит к тому, что выпускники СПО не хотят искать работу в промышленных зонах Центрального, Западного и Юго-Западного регионов, где заработная плата и условия жизни и работы хуже, чем в экономически развитых восточно-приморских провинциях и городах центрального подчинения. В результате одни регионы постоянно испытывают нехватку квалифицированных рабочих, а в других – на одно место претендует 100 и более человек.

В начале 2000-х гг. в китайском обществе утвердился стереотип, согласно которому в учебных заведениях СПО учатся только слабые, неспособные к

обучению дети. Таким образом, профессиональные школы превратились в механизм отбраковки школьников [2].

В последние десятилетия в КНР большое внимание уделяется изучению и адаптации опыта дуального образования. Однако до последнего времени не было ни политической, ни финансовой поддержки, не были разработаны конкретные рекомендации по использованию опыта немецкого дуального образования, не была предусмотрена ответственность предприятий за подготовку высококвалифицированных кадров.

Несмотря на неоспоримые успехи в развитии СПО, в Китае существует целый ряд проблем, препятствующих внедрению дуального образования: сильное влияние традиционных подходов к образованию, проявляющихся в недооценке практики; отсутствие законодательно закреплённых прав и обязанностей участников дуального обучения; неравномерное развитие профессионального образования в разных регионах КНР и огромная территория страны.

В 2022 г. была принята новая редакция «Закона КНР о профессиональном образовании», согласно которому профессиональному образованию придаётся такое же важное значение, как и общему среднему образованию. Большое внимание уделяется повышению заинтересованности предприятий в поддержке СПО. Кроме того, предусматривается предоставление профессиональным училищам большей автономии, совершенствование механизма финансирования профессионального образования. Выпускники СПО будут пользоваться теми же льготами, что и выпускники вузов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Наиболее перспективные направления развития профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zq.gp451.com/>. – Дата доступа: 22.02.2023.

2. Всемерное повышение качества и привлекательности профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.news.cn/>. – Дата доступа: 22.02.2023.

УДК 373.21

Ю. К. Христиненко

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Описаны основные условия, формирующие деонтологическую готовность, проблемы деонтологической готовности педагогов дошкольного образования, пути решения проблемы.

Ключевые слова: деонтология, дошкольное образование, деонтологическая готовность, профессиональная компетентность, педагогическая этика, педагогический коллектив, деонтологическое самосознание.

В начале XIX в. английский философ И. Бентам ввел термин «деонтология». Он обозначил науку о профессиональном поведении человека.

Отметим, что понятием «деонтологическая готовность» оперируют различные области знания и, соответственно, многие профессиональные сферы: юриспруденция, медицина, инженерия, психология, педагогика.

Проблема деонтологической готовности педагога в том, что деонтология в сфере образования не сформирована как самостоятельное направление.

Деонтологическая готовность педагога – «состояние сознания педагога, в котором он совершает осознание своей обязанности в необходимости выполнения профессиональной деятельности в соответствии с этой обязанностью. Это состояние сознания отражает объективные обязанности педагога в мыслях, ощущениях, убеждениях, внутренней мотивации педагогической деятельности, а также реализацию их в практике» [2, с. 58].

Г. А. Караханова отмечает, что «деонтологическая готовность педагога – это социально-педагогическая подготовка, которая формируется в системах непрерывного профессионально-педагогического образования. По сути, это результат нравственно-ориентированной педагогической подготовки в соответствии с требованиями профессионально-педагогического долга, выражаясь в поведении, профессиональной деятельности» [1, с. 11].

Г. А. Караханова в своих работах рассмотрела «основные педагогические условия формирования деонтологической готовности педагога к профессиональной педагогической деятельности:

- построение образовательного пространства в системе высшего образования на основе идей гуманитарной парадигмы, которая направлена на развитие «человеческого качества» будущего профессионала через активизацию ценностно-смысловых саморазвития, отношения и деятельности в педагогической профессии;

- изучение принципов гуманитарной направленности, системности, ценностности, диалогичности;

- моделирование и проектирование организации образовательного пространства;

- предоставление субъекту образовательного пространства профессионально-нравственных эталонов личностного развития и поведения в педагогической деятельности» [1, с. 5].

Сегодня образование нуждается в конкретных моделях для формирующего процесса деонтологической готовности. Исследователи выявили существующие проблемы, связанные с деонтологической готовностью педагога: «Кроме традиционных методик оценивания процессов обучения и воспитания, педагог

должен предоставлять собственные инновационные идеи и модели. Данные изменения помогут педагогам достичь определенных знаний о деятельности педагога, а также сформировать мировоззрение и сущность педагога, подхода к обучающемуся» [1].

Одно из основных условий эффективности образовательного процесса любого образовательного учреждения – это деонтологически готовый педагог.

Деонтологическая готовность педагога охарактеризована уровнем развития его профессиональной компетенции, приоритетностью ценностных ориентаций, степенью усвоения и соблюдения им норм педагогической этики, деонтологии, правил.

Для эффективности работы педагогов требуется иметь не только знания и понимания педагогической деонтологии, но также и умение внедрять ее в различные сферы в учреждениях образования, т. к. это вырабатывает деонтологический интуитивизм, который способствует осознанию, что профессиональный долг не зависит и не предшествует понятию добра. В соответствии с деонтологическим интуитивизмом, социальные потребности не дают основания нравственным обязанностям, т. к. они очевидны сами по себе [2, с. 68].

К. М. Кертаева писала, что «деонтологическая готовность педагога – это позитивное профессиональное состояние сознания педагога в действии (деонтологическое сознание), которое затем трансформируется в его самосознание. Проявлением самосознания педагога является возникновение рефлексии, осознание им мотивов своего поведения, понимание профессионального долга. Иначе его можно назвать деонтологическим самосознанием педагога» [2, с. 68].

К. М. Кертаева описывала, что «содержание деонтологического самосознания педагога составляют следующие установки:

- установка на формирование высокой педагогической культуры, предусматривающая веру в святость принципа «не навреди психическому, физическому здоровью ребенка!»;

- установка на наличие обостренного чувства справедливости, выражающаяся в умении безошибочно, объективно оценивать труд, знания учащихся, в умении критически оценить свое и чужое поведение и в самокритичном отношении к собственным действиям;

- установка на формирование общего и специально-профессионального интеллекта, эрудированности, оперативной информационной насыщенности не только в узкой сфере своей профессиональной деятельности, но и в смежных с нею областях, овладение пассионарной индукцией (заражением своими идеями, настроением других людей), педагогическим мастерством» [2, с. 68].

Причина низкой компетентности педагогов в установлении взаимоотношений с детьми зависит от личностных качеств педагога, его такта и интуиции.

К. М. Кертаева, рассматривая проблемы взаимоотношений педагога в системе «педагог – педагог», выделяла «такие нормы поведения, как:

– соблюдение принципов внутренней культуры поведения – правил отношения к труду, соблюдения дисциплины, бережного отношения к общественному имуществу, дружелюбия и чувства коллегиальности;

– соблюдение принципов внешней культуры поведения – правил благопристойности, приличия, хорошего тона и соответствующего внешнего вида (внешняя опрятность, необходимость следить за чистотой своего тела, одежды, обуви, отсутствие излишеств в украшениях и косметике). К правилам внешней культуры относятся также форма приветствия и умение держать себя среди коллег, умение вести беседу соответственно обстановке и условиям. Например, одним из требований коллегиальных отношений является взаимная вежливость. Это касается, прежде всего, необходимости приветствовать друг друга, не проявляя при этом фамильярности. Молодой человек, приветствуя пожилого человека, женщину или лицо старше себя по должности либо беседуя с ними, должен встать» [2, с. 45].

Морально-психологический климат и профессиональное мастерство членов и организационных мероприятий администрации влияют на результаты труда педагогического коллектива [3]. В коллективе, где царят доброжелательные отношения и творческий подход, педагоги максимально реализуют свой потенциал и получают удовольствие от работы. А там, где вопросы морально-психологического климата не решаются должным образом, педагоги работают без энтузиазма и инициативы, их компетентность не развивается, что негативно сказывается на результатах учебно-воспитательного процесса.

Успех педагогического коллектива зависит от двух ключевых факторов:

- 1) у каждого участника должно быть трудолюбие;
- 2) соблюдение трудовой дисциплины.

Каждый педагогический коллектив должен беречь, ценить и укреплять лучшие традиции и терпеливо прививать их всем новым сотрудникам, вступающим в их ряды. Однако важно, чтобы такие традиции усваивались и соблюдались в высшем образовании.

В педагогическом коллективе не должно быть более важных задач, заданий или обязанностей, поскольку все важны и одинаково значимы. Поэтому отношения в коллективе должны быть основаны на равенстве, взаимном уважении, взаимной поддержке и взаимном доверии. Каждый член коллектива должен заботиться о незыблемости нормальных коллегиальных отношений. Одним из способов преодоления личных симпатий и неприязни является укрощение чрезмерного эгоизма, уязвленного самолюбия и чувства зависти. Проявление максимального такта, понимания, взаимной вежливости и самодисциплины всегда будет служить общему благу.

Любой педагог может допускать иногда ошибки в своей работе, но в дружном коллективе опытные коллеги и руководители могут помочь исправить их без вреда для воспитанников при их обучении и воспитании. Следует

подчеркнуть, что такое положительное развитие событий возможно только в том случае, если ошибки не скрываются, не замалчиваются и замечаются только вовремя. Педагог должен уметь признавать свои ошибки, т. к. самокритика и критика со стороны коллег – эффективный метод воспитания, сплочения и укрепления коллектива.

Таким образом, деонтологическая готовность педагога проявляется в виде установок, которые предшествуют психическим явлениям и проявлениям, и в виде мотивационной готовности к «приведению в порядок» своей картины мира. Изложены основные педагогические условия, формирующие деонтологическую готовность педагога к профессиональной педагогической деятельности, и основные проблемы деонтологической готовности педагога. Рассмотрены способы решения проблемы деонтологической готовности педагога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Караханова, Г. А.** Формирование деонтологической культуры учителя в системе непрерывного педагогического образования / Г. А. Караханова. – Москва: Мидина-принт, 2017. – 17 с.
2. **Кертаева, К. М.** Ұстаз қызметіндегі педагогикалық деонтология: монография / К. М. Кертаева. – Алма-Ата: Ғылым, 2002. – 224 с.
3. **Кирсанов, Н. П.** Этика и деонтология в медицине и образовании / Н. П. Кирсанов // Моск. комсомолец. – 2007. – С. 20–21.

СЕКЦИЯ 5. МОЛОДАЯ НАУКА

УДК 94(476)+94(100)«1914/1918»

Я. А. Бодрыкаў

ПРАЦОЎНАЯ ДАПАМОГА ЯК ФАКТАР САЦЫЯЛЬнай ПАДТРЫМКІ СЕМ'ЯЎ МАБІЛІЗАВАНых НІЖНІХ ЧыНОЎ І РАТНІКАЎ АПАЛЧЭННЯ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ ПАДЧАС ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (1914–1918 ГГ.)

Анотацыя. Даследуецца працоўная дапамога як фактар сацыяльнай падтрымкі сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння на тэрыторыі беларускіх губерняў падчас Першай сусветнай вайны. Адзначаюцца формы працоўнай дапамогі і роля ўладаў у яе арганізацыі. Звяртаецца ўвага на асаблівую ролю «вучнёўскіх дружын» у аказанні працоўнай дапамогі насельніцтву. Аналізуюцца розніца ў патрэбах аказання дапамогі гарадскім і сельскім сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння, прычыны і наступствы скарачэння працоўнай дапамогі.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, працоўная дапамога, вучнёўскія дружны, мабілізаваныя ніжнія чыны і ратнікі апалчэння.

Першая сусветная вайна стала адным з самых маштабных узброеных канфліктаў у гісторыі чалавецтва. Расійская імперыя, у склад якой уваходзілі і беларускія землі, распачала мабілізацыю ў ліпені 1914 г., яшчэ да афіцыйнага ўступлення ў вайну. Толькі за лета 1914 г. з тэрыторыі 5-ці губерняў, у якіх пражывала пераважна беларускае насельніцтва, было мабілізавана да 150 тыс. чалавек. У далейшыя гады мабілізацыйныя мерапрыемствы толькі працягваліся. Згодна закону ад 25 чэрвеня 1912 г. на безумоўную дзяржаўную дапамогу маглі разлічваць толькі «законная» жонка і дзеці (да 17-гадовага ўзросту) мабілізаваных у войска ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння. Акрамя таго, дзяржаўная падтрымка магла аказвацца бацькам, братам, сёстрам, дзядам і бабкам, калі яны да вайны ўтрымліваліся працай мабілізаванага сваяка. Дзецям да 5 гадоў дапамога выдавалася ў палавінным памеры [1, с. 431]. Варта адзначыць і тое, што дзяржаўная дапамога разлічвалася толькі на харчаванне і вельмі часта была недастатковай, асабліва для бедных сем'яў ці сем'яў з вялікай колькасцю непаўналетніх дзяцей. Такім чынам, значная частка сваякоў мабілізаваных не атрымлівала дапамогу ці атрымлівала яе ў недастатковым памеры. Такім сем'ям аказвалі дадатковую дапамогу прадстаўнікі мясцовых органаў самакіравання, дабрачынныя арганізацыі, прадстаўнікі духавенства і мясцовыя жыхары. Адною з распаўсюджаных форм падтрымкі сем'яў мабілізаваных на тэрыторыі беларускіх губерняў стала працоўная дапамога.

У гістарыяграфіі азначаная тэма разглядалася пераважна расійскімі даследчыкамі ў кантэксце агульнага даследавання праблем сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных у Расійскай імперыі падчас Першай сусветнай вайны. Фрагментарна закраналі ў сваіх дысертацыях дадзенае пытанне расійскія гісторыкі А. М. Грыцаева [3] і А. Д. Грудзіна [4]. Акрамя таго, праблему сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння разглядалі ў сваіх артыкулах даследчыкі Л. А. Булгакава [1], Н. Л. Пушкарова і П. П. Шчарбінін [9], В. В. Васіленка і Ю. М. Усцінава [2]. Праблема аказання сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных разглядаецца ў агульным кантэксце Расійскай імперыі ва ўсіх адзначаных працах, акрамя артыкула беларускага даследчыка В. В. Васіленкі і расійскай даследчыцы Ю. М. Усцінавай, у якім геаграфічныя межы даследавання ахопліваюць Магілёўскую губерню. Такім чынам, пытанне працоўнай дапамогі сем'ям мабілізаваных на тэрыторыі беларускіх губерняў на дадзены момант з'яўляецца перспектыўным для далейшых даследаванняў.

Ужо ў першыя месяцы вайны на тэрыторыі беларускіх губерняў была створана сетка валасных і гарадскіх папячыцельстваў, якія займаліся аказаннем дапамогі сем'ям мабілізаваных. Асноўнай задачай папячыцельстваў было аказанне грашовай дапамогі сем'ям, якія павінны былі яе атрымаць па закону ад 25 чэрвеня 1912 г. Аднак пытанне працоўнай дапамогі ў многіх мясцовасцях стаяла даволі востра, таму гарадскія і валасныя папячыцельства імкнуліся аказаць дапамогу і ў гэтай сферы. Варта адзначыць, што патрэбы гарадскіх і сельскіх сем'яў мабілізаваных у азначаным пытанні істотна адрозніваліся. Жонкі і дзеці мабілізаваных у гарадской мясцовасці часцей шукалі дадатковыя магчымасці для працаўладкавання, чым непасрэдна працоўную дапамогу.

Дзяржаўныя і дабрачынныя арганізацыі актыўна аказвалі дапамогу ў працаўладкаванні тым сваякам мабілізаваных, хто жадаў атрымаць дадатковы заробак. Асабліва гэта тычылася гарадоў, дзе існавалі буйныя прадпрыемствы грамадзянскай і ваеннай вытворчасці. Так, у Мінску Бюро працы, створанае пры Гарадскім камітэце па аказанню дапамогі сем'ям мабілізаваных, дапамагала з працаўладкаваннем на заводы і ў пральні. Па стане на студзень 1915 г. у Бюро працы на ўліку былі зарэгістраваныя 2089 чалавек, з якіх 840 былі членамі сем'яў вайскоўцаў. На гэты ж час з агульнай колькасці зарэгістраваных працу атрымалі 1395 чалавек [8, с. 13–16]. У Магілёве намаганні мясцовага грамадскага камітэта па аказанні дапамогі асобам, прызваным на дзейную вайсковую службу, і іх сем'ям для працаўладкавання сваякоў мабілізаваных былі адкрытыя швейная майстэрня і пральня [2, с. 28].

Сем'і мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў сельскай мясцовасці ў пераважнай большасці мелі ўласныя гаспадаркі, з якіх (тым больш пры наяўнасці грашовах выплат ад дзяржавы) можна было пракарміцца. Аднак у дадзеным выпадку паўставала пытанне аказання працоўнай дапамогі, бо мабілізацыя нярэдка пакідала гаспадаркі без адзінага гаспадара, а ўвесь цяжар

мужчынскай працы лажыўся на жанчын, дзяцей ці старых людзей. Такім чынам, у сельскай мясцовасці найбольш запатрабаванай была менавіта працоўная дапамога, а не дапамога ў працаўладкаванні. Улады імкнуліся заахвоціць насельніцтва да дапамогі сем'ям мабілізаваных у зборы ўраджаю, засева палёў і дастаўцы дроў, што знаходзіла пэўны водгук сярод сялян. Патрыятычны парыў першых месяцаў вайны ўплываў і на некаторых памешчыкаў, якія таксама імкнуліся асабіста аказаць дапамогу сем'ям вайскоўцаў. Так, напрыклад, у Амельнянскай воласці Ігуменскага павета Мінскай губерні памешчык Ратынскі асабіста дапамагаў сем'ям мабілізаваных з засевам палёў [6, арк. 12].

Мясцовыя ўлады таксама імкнуліся аказаць дадатковую дапамогу ў арганізацыі сельскагаспадарчых работ, бо ад гэтага залежаў не толькі дабрабыт сем'яў мабілізаваных, але і харчовая бяспека рэгіёну. Так, улады Мінскай губерні стварылі сістэму перасовачных абозаў з інструментамі, якія выкарыстоўваліся для дапамогі сем'ям мабілізаваных [5, арк. 25]. Аднак найбольш вядомым вынаходніцтвам у дадзенай сферы, якое практыкавалася на тэрыторыі ўсёй Расійскай імперыі, стала арганізацыя «вучнёўскіх дружын» з навучэнцаў і выкладчыкаў, якія дапамагалі па гаспадарцы сваякам мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння. Такія дружны складаліся з 15–20 вучняў-добраахвотнікаў, на чале якіх стаяў настаўнік або сельскі староста. Дружыннікі бясплатна выконвалі сельскагаспадарчыя работы ў гаспадарках сем'яў мабілізаваных, за што атрымлівалі часовае прыстанішча і харчаванне ад гаспадароў. Кошт харчавання гаспадарам павінен быў аплаціць Камітэт Вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны (вядомы як «Елізавецінскі камітэт»), які займаўся дапамогай сем'ям мабілізаваных [3, с. 113]. Аднак, па меркаванні некаторых жонак мабілізаваных, праца дружыннікаў была малапрадуктыўнай, а выдаткі на харчаванне ў выніку не кампенсаваліся. У то жа час сустракаюцца і супрацьлеглыя меркаванні, з чаго можна зрабіць выснову, што якасць працы «вучнёўскіх дружын» магла адрознівацца і залежала непасрэдна ад стараннасці і жадання працаваць саміх вучняў [9, с. 155].

Прадстаўнікі мясцовых уладаў, у тым ліку і магілёўскі губернатар А. І. Пільц, выдавалі адозвы, у якіх заклікалі моладзь уступаць у «вучнёўскія дружны», апелюючы, у тым ліку, да іх патрыятычных пачуццяў [7, арк. 23]. Для большага заахвочвання моладзі ў 1916 г. улады Расійскай імперыі выпусцілі спецыяльны нагрудны знак у выглядзе медалю, якім узнагароджваліся найбольш актыўныя дружыннікі, а таксама стваральнікі і кіраўнікі такіх аб'яднанняў [3, с. 114].

Няўдалы для Расійскай імперыі працяг вайны і істотнае падаражанне тавараў першай неабходнасці выклікалі расчараванне і апатыю ў значнай часткі насельніцтва, што выявілася ў тым ліку і ў скарачэнні памераў сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных з боку насельніцтва. Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. прывяла да ліквідацыі многіх дабрачынных устаноў, у тым ліку і «Елізавецінскага камітэту», які фактычна курыраваў дзейнасць «вучнёўскіх

дружын». Працоўная дапамога сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння, асабліва ў сельскай мясцовасці, засталася пераважна як праява суседскай узаемадапамогі, якая ў большасці выпадкаў мела абмежаваны характар. Істотнае пагаршэнне становішча сваіх сем'яў у тыле стала адным з каталізатараў масавага дэзерцірства салдат з войска ў 1917 – пачатку 1918 г.

У заключэнні трэба адзначыць, што працоўная дапамога для сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння была больш уласціва для жыхароў сельскай мясцовасці, у той час як гарадскія сем'і часцей шукалі магчымасці для дадатковага працаўладкавання. Найбольш актыўна працоўная дапамога аказвалася ў першы перыяд вайны, калі ўлады Расійскай імперыі і мясцовыя ўлады аказвалі неабходную фінансавую і арганізацыйную падтрымку, а сярод насельніцтва распаўсюджвалася ўяўленне аб «усенародным» характары вайны і неабходнасці аказання адпаведнай дапамогі сем'ям тых, хто быў прызваны ў войска. Асаблівую ролю ў арганізацыі працоўнай дапамогі аказалі «вучнёўскія дружыны», дзейнасць якіх самім насельніцтвам успрымалася неадназначна. Працоўная дапамога стала важным фактарам сацыяльнай падтрымкі сем'яў мабілізаваных і захавання пэўнай сацыяльнай стабільнасці на тэрыторыі беларускіх губерняў. Аднак істотнае зніжэнне памераў гэтай падтрымкі прывяло да пашырэння рэвалюцыйных настрояў не толькі сярод сем'яў мабілізаваных, але і сярод саміх вайскоўцаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. **Булгакова, Л. А.** Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л. А. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конф. памяти В. С. Дякина. – Санкт-Петербург; Кишинев: Nestor–Historia, 2001. – С. 429–493.
2. **Василенко, В. В.** Система мероприятий по оказанию помощи семьям призванных на войну в Могилевской губернии Минского военного округа в 1914–1915 гг. / В. В. Василенко, Ю. Н. Устинова // Вестн. Брян. гос. ун-та. – 2020. – № 1. – С. 24–31.
3. **Грицаева, А. Н.** Благотворительность в России и годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Грицаева. – Москва, 2008. – 289 л.
4. **Грудина, А. Д.** Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Д. Грудина. – Брянск, 2019. – 242 л.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 80. Воп. 1. Спр. 1.
6. НГАБ. – Ф. 1596. Воп. 6. Спр. 15.
7. НГАБ. – Ф. 2260. Воп. 1. Спр. 614.
8. Отчет о деятельности Минского городского комитета общественной помощи семьям нижних чинов запаса армии и ратников государственного ополчения, призванных на действительную службу. – Минск : Губ. тип., 1915. – 31 с.
9. **Пушкарева, Н. Л.** Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны / Н. Л. Пушкарева, П. П. Щербинин // Журн. исслед. соц. политики. – 2005. – Т. 3, № 2. – С. 147–162.

УДК 94(470)"18":378-057.875

В. А. Гончарова

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА НАБОРА СТУДЕНТОВ В ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Рассматривается специфика системы набора студенческой молодежи в высшие учебные заведения в условиях становления Советской власти.

Ключевые слова: высшее образование, студенты, рабфаки, «лишенцы», «чистка», пролетаризация, интеллигенция.

На развитие образования в России большое влияние оказала Октябрьская революция 1917 г. По мнению историков, советская система образования изначально стала приспособливаться для экономических нужд государства.

В вопросе формирования образованного общества государство опиралось на то, что все слои общества имеют доступ к получению образования. Социальный состав студентов регулировался различными механизмами. Выходцам из среды рабочих и крестьян предоставлялись льготы, а для абитуриентов, которые имели партийные рекомендации, закончили рабфаки, они были значительными. В стране создавались специальные заведения для подготовки к поступлению в высшие учебные заведения (подготовительные отделения с вечерним и заочным обучением, специальные школы и т. д.) [1, с. 36].

В 1920–1930 гг. появляется такой термин, как «лишенцы», к которым относились торговцы, предприниматели, представители духовенства, бывшие полицейские. Дети, рождённые в семьях дворян, купцов, сталкивались с препятствиями на пути получения высшего образования.

Вместе с тем, согласно «Декрету о правилах приема в высшие учебные заведения», который был принят 2 августа 1918 г., каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16 лет, могло поступать в высшее учебное заведение, при этом даже не предоставляя документ об окончании средней школы. Приемной комиссии запрещали требовать у поступающих какие-либо удостоверения, кроме документа о подтверждении личности и возраста. Все вузы были открыты для поступления, без различия пола. При несоблюдении данного принципа виновных наказывали в суде. Была отменена плата за обучение, а тем, кто уже оплатил, было приказано вернуть деньги [4, с. 404].

В 1920 г. число желающих получить высшее образование стало превышать количество мест. Это можно проследить по статистическим данным: в 1918 г. студентов было 60 тыс. человек, а уже в 1920 г. их количество достигло 224 тыс. [1, с. 126–127].

Однако уровень подготовки студентов был низким. Чтобы решить эту проблему, были организованы рабочие факультеты, или рабфаки. Их положительную роль в системе высшего образования отметил нарком просвещения А. В. Луначарский, который считал, что благодаря студентам рабфаков изменится уровень преподавания в университете, став «более практичным» [3, с. 146–154].

На одном из совещаний в Главном управлении профессионального образования была предложена идея принятия студентов в вузы, опираясь на их способности, однако это предложение отвергли. Был установлен «классовый принцип» приема с целью ограничить поступления в вузы детей интеллигенции. Одним из ярких событий была «академическая чистка» в 1924 г., в результате которой отчисляли студентов, у которых была плохая успеваемость, однако при этом смотрели и на классовое происхождение [6, с. 92].

Появляется термин «пролетаризация», под которым понималось привлечение в стены высшей школы новых кадров из среды индустриального пролетариата, настоящих пролетариев с фабрик и заводов. Данная политика стала результатом перехода вузов под контроль советской администрации. После «чисток» отчисленные студенты могли восстановиться, доказав свою принадлежность к рабоче-крестьянской среде. В апелляциях можно встретить такие оправдания, как «я крестьянка, дочь очень бедного крестьянина». Можно сказать, что происхождение из «пролетариев» было важнейшей причиной для восстановления.

В постановлении «О работе высшей школы», которое было принято 12 января 1925 г. ЦК РКП(б), основной задачей вузов была подготовка работников для практической деятельности во всех отраслях. Теория и практика при обучении студентов должны были быть взаимосвязаны. Причем эта связь должна была быть длительной. Такой подход доминировал в Ломоносовском институте, Академии коммунистического воспитания, Институте электриков-производственников, Институте Либкнехта. Другим вузам была дана установка изучить и ввести такое в обучении. Также обращалось внимание на то, что практика должна соответствовать сезону, например, для тех, кто учился сахарному производству. При обучении необходимо было устранить недочеты прошлых лет, такие как неправильное распределение студентов, недостаточный учет их работы и т. д. Практика должна была показать, где и как в дальнейшем будет работать студент. Практиканты из сельскохозяйственных вузов должны были получить знания и навыки в области сельского хозяйства, студенты индустриальных вузов научиться разбираться в приемах повышения производительности труда [4, с. 414–415].

Еще одной особенностью вступительной кампании в вуз была практика выдачи «направлений», которые давали необходимую гарантию для поступления рабочих и крестьян, несмотря на качество их знаний и оценки в документах об образовании [2, с. 23].

Что касается детей интеллигенции, доступ для них в высшие учебные заведения закрыли. На пленуме ЦК, который состоялся в июле 1928 г., было выдвинуто требование о проведении дополнительных мероприятий, позволяющих установить лимит приема рабочих, который бы составлял не менее 65 %. Предусматривалось ввести вступительные экзамены, которые стали использоваться после принятия постановления от 19 сентября 1932 г. [5, с. 67].

Можно сделать вывод, что события 1917 г. повлияли на развитие системы высшего образования в государстве. В числе положительных изменений было то, что доступ к высшему образованию получили выходцы из простых семей, а отрицательной стороной то, что было ограничено поступление в вузы представителей интеллигенции. Последнее обстоятельство имело следствием нехватку высококвалифицированных кадров в различных областях экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Волков, С. В.** Интеллектуальный слой в советском обществе / С. В. Волков. – Москва : Развитие, 1999. – 250 с.
2. **Круглянский, М. Р.** Высшая школа СССР в годы Великой Отечественной войны / М. Р. Круглянский. – Москва: Высшая школа, 1970. – 315 с.
3. **Луначарский, А. В.** Роль рабочих факультетов / А. В. Луначарский // Проблемы народного образования. – 1925. – С. 146–154.
4. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа : сборник документов. 1917–1973 гг. / сост.: А. А. Абакумов [и др.]. – Москва : Педагогика, 1974. – 423 с.
5. **Самойлова, Е. С.** Население и образование / Е. С. Самойлова. – Москва: Статистика, 1978. – 143 с.
6. **Соскин, В. Л.** Ленин, революция, интеллигенция / В. Л. Соскин. – Новосибирск: Наука, 1973. – 108 с.

УДК 81`3

А. А. Запольская

ПОЛИКОДОВОСТЬ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ В РЕКЛАМЕ АМЕРИКАНСКИХ ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ ЖЕНЩИН В 70-Е ГГ. XX В.

Аннотация. Описывается дискурс американской рекламы табачных изделий для женщин, которая была распространена в 70-е гг. XX в. Цель исследования – выявить арсенал экспрессивных языковых средств для оказания воздействия на женскую аудиторию. Проведенный анализ экспрессивных средств в дискурсе англоязычной женской рекламы позволил установить, что рекламные тексты данного хронологического периода представляют собой поликодовые сообщения, содержащие различные средства вербальной и невербальной, параграфемной экспрессии.

Ключевые слова: поликодовость, дискурс, реклама, экспрессивные средства.

В 70-е гг. XX в. женское движение в Америке переживало бурный рост и развитие. Так, увеличилось участие женщин в экономике страны: в 1950 г. только 33,9 % женщин работали вне дома, а к 1970 г. их количество выросло до 43,3 % [4]. Женщины активнее стали принимать участие в общественной и политической жизни, а также создавать свои собственные организации. Так, например, в «National Organization for Women» (NOW), основанной в 1966 г., число участниц резко возросло с 3000 в 1970 г. до более чем 50 000 в 1974 г. [1]. В своей книге «No Turning Back» профессор Стэнфордского университета Эстель Фридман пишет, что «с 1970 г. феминизм распространился по всему миру, как в промышленно развитых странах, так и в развивающихся регионах, где сельское хозяйство остается основой экономики» [3]. Многие компании воспользовались феминистической «повесткой» для того, чтобы продвигать свои товары для женщин. В таких рекламных обращениях курящие женщины всегда были показаны как привлекательные и женственные, но при этом сильные и успешные. Так, создавалась определенная эстетика курения, превращающая пагубную привычку, негативно влияющую на здоровье, в нечто красивое и модное, дающее свободу и легкость.

Итак, рассмотрим данное явление на конкретном примере. На рис. 1 показана реклама сигарет бренда «Virginia Slims».

Рис. 1

Обращение построено на сравнении положения женщин в начале XX в. и на момент выхода рекламы. На заднем плане изображена протестующая женщина, которую забирают полицейские. Она явно сопротивляется, её лицо выражает ярость и агрессию, а проходящие люди оглаживаются ей вслед. По всей видимости, это сцена задержания женщины связана с тем, что на ней надет «неподходящий» по меркам того времени купальник. Так, исследователь Эльза Девьен в своей статье «Invisible lines in the sand: bather arrests in early 20th-century Los Angeles» пишет, что в начале XX в. на большинстве американских морских курортов действовало постановление, согласно которому женщинам необходимо было носить «купальный костюм, закрывающий плечи и доходящий до колен» [2]. Соответственно, если купальник нарушал одно из требований, женщину могли привлечь к ответственности, что мы и видим в данной рекламе. В порыве гнева на такую несправедливость женщина выкрикивает в толпу следующие слова: «You just wait. Someday we'll be able to wear any bathing suit we want. Someday we'll be able to vote. Someday we'll be able to smoke just like a man. Someday we'll even have our own cigarette» (Просто подождите. Когда-нибудь мы сможем носить любые купальники, которые захотим. Когда-нибудь мы сможем голосовать. Когда-нибудь мы сможем курить так же, как мужчины. Когда-нибудь у нас даже будут свои сигареты). При перечислении была использована анафора, т. е. повторение слова «someday» в начале предложений, что дополнительно акцентирует внимание на надежде у женщин на то, что «когда-нибудь» в будущем все изменится. В своей речи протестующая перечислила все те ограничения для представительниц женского пола, которые сковывали их и ограничивали свободу действий. Среди них, естественно, и курение сигарет. В начале XX в. в некоторых штатах Америки действовал запрет на курение для женщин. Например, в Нью-Йорке в 1908 г. был принят закон о запрете курения для женщин в общественных местах [5]. Полицейский отвечает протестующей женщине: «That'll be the day» (Да, когда-нибудь этот день наступит). Своим ответом он даёт понять, что даже если этот день и наступит, то это будет нескоро. Но к 1970-м гг. все поменялось, и именно поэтому женщина в рекламе как будто отвечает тому полицейскому, дублируя его фразу: «That'll be the day». Таким образом мы понимаем, что этот день уже наступил. Сама женщина улыбается, она одета в мини-юбку, в левой руке зажжённая сигарета. Всё обращение завершает слоган: «You've come a long way, baby» (Ты долго к этому шла, дорогая). Слоган дополнительно подчеркивает визуальный ряд обращения, напоминая потенциальным покупательницам о том, какой долгий путь был проделан для того, чтобы современная женщина могла курить наравне с мужчинами.

На рис. 2 расположена реклама сигарет бренда «Eve» со слоганом «Farewell to the ugly cigarette. Smoke pretty. Eve» (Скажи «пока» некрасивым сигаретам. Кури красиво. Ева).

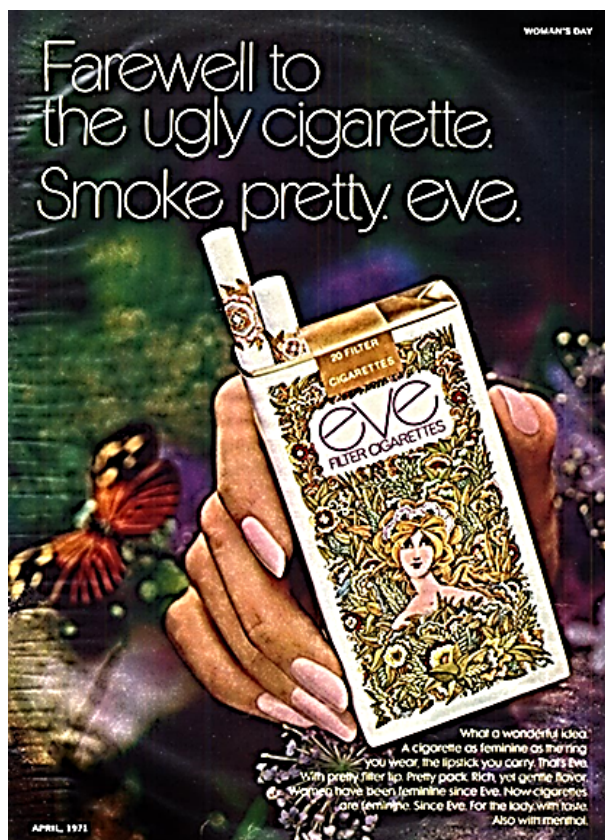

Рис. 2

Здесь используется парцелляция для того, чтобы выделить название бренда в конце. Также здесь используется антитеза – противопоставляются два эпитета «ugly» и «pretty». Под словом «ugly» подразумеваются «обычные» сигареты без специфического дизайна, а под словом «pretty» имеются ввиду рекламируемые сигареты, которые выглядят стереотипно феминно: на рекламе изображены цветы, бабочки, розовый маникюр. Ниже мы видим продолжение слогана: «What a wonderful idea. A cigarette as feminine as the ring you wear, the lipstick you carry. That's Eve. With pretty filter tip. Pretty pack. Rich, yet gentle flavor. Women have been feminine since Eve. Now cigarettes are feminine. Since Eve. For the lady with taste. Also with menthol» (Какая прекрасная идея. Сигарета такая же женственная, как кольцо, которое ты носишь, как твоя помада. Это Ева. В красивой упаковке с фильтром. С насыщенным, но при этом мягким вкусом. Девушки обладали женственностью со времён Евы. Теперь сигареты тоже стали женственными. Со времён Евы. Для леди со вкусом. С ментолом). Как мы видим, курение в данном обращении представляется как нечто феминное и женственное благодаря использованию позитивно-окрашенных эпитетов, таких как «wonderful», «feminine», «pretty», «rich», «gentle». Также здесь очевидна историческая аллюзия на Еву, которая, согласно авраамическим религиям, являлась праматерью всех людей и первой сотворенной женщиной. В общественном сознании Ева ассоциируется с женственностью, красотой, материнством, но также с грехопадением и порочностью. В данной рекламе мы

видим лишь положительные ассоциации, связанные с Евой, тем более, именно так и называются данные сигареты. Данная аллюзия подкрепляется и визуальным оформлением пачки, т. к. на ней мы видим девушку, которая находится в густых зарослях цветов и кустарников, что напоминает о райском саде, из которого, согласно библейскому преданию, и произошло изгнание Евы и Адама.

Таким образом, мы выяснили, что курение было показано в позитивном свете как некое дополнение к имиджу современной женщины, что повышало уровень заинтересованности в курении у женской половины населения. Все экспрессивные средства были направлены на создание определенного образа курящей женщины, которая в рекламе показана как прогрессивная, независимая, стройная, свободная, женственная и красивая.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Davis, F.** Moving the Mountain / F. Davis // The Women's Movement in America since 1960. – 1992. – P. 108.
2. **Devienne, E.** Invisible Lines in the Sand [Electronic resource] / E. Devienne // Bather Arrests in Early 20th-Century Los Angeles, Metropolitica. – 2018. – Mode of access: <https://metropolitica.org/Invisible-Lines-in-the-Sand-LA-s-Ban-on-Bathing-Suits-in-the-1910s.html>.
3. **Freedman, E.** No Turning Back / E. Freedman // The History of Feminism and the Future of Women. – 2007. – P. 2.
4. **Fullerton Jr., H. N.** Labor force participation: 75 years of change, 1950–98 and 1998–2025 / H. N. Jr. Fullerton. – Monthly Lab. Rev., 1999. – P. 3.
5. **Segrave, K.** Women and Smoking in America, 1880–1950 / K. Segrave. – 2005. – P. 89.

УДК 378.147

А. Ю. Ковалева

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Аннотация. Рассматриваются основные этапы цифровизации образования в Российской Федерации, приводятся их характеристика, положительные стороны использования информационных технологий в образовательной среде, отмечаются также существующие на сегодняшний день недостатки.

Ключевые слова: цифровизация образования, задачи цифровизации, преимущества цифровизации образования, слабые стороны цифровизации.

Развитие цифровых технологий привело к формированию информационного общества, а также стало толчком для существенных изменений в образовательном процессе. Уже начиная с конца 1990-х гг. получила развитие идея об информатизации образования. Информатизация образования – это

комплекс мер по преобразованию педагогических процессов на основе внедрения в обучение и воспитание информационной продукции, средств и технологий. Процесс информатизации образования не является чем-то совершенно новым [4, с. 50]. Согласно оценке Института образования Высшей школы экономики, цифровизация в Российской Федерации проходила в несколько этапов:

1) середина 1980-х – начало 1990-х гг. – происходит развитие компьютерной грамотности, техническое оснащение учебных заведений [1];

2) середина 2000-х – 2018 гг. – внедрение в учебный процесс ИТК (комплекс учебно-методических материалов, технических и инструментальных средств вычислительной техники в учебном процессе, форм и методов их применения для совершенствования деятельности специалистов учреждений образования (администрации, воспитателей, специалистов), а также для образования (развития, диагностики, коррекции) обучаемых) [5, с. 133];

3) 2018 г. и по настоящее время – цифровые технологии стали применяться во многих сферах образования (для организации учебной работы, в качестве технологий и методов обучения и инструментов управления образовательным процессом).

Но цифровизация образования не означает, что электронные инструменты заменят собой всю образовательную среду и тем более учителей. Исследования показывают, что процесс образования становится более эффективным, если одновременно используются как онлайн, так и офлайн-форматы.

Под цифровым образованием следует понимать процесс организации взаимодействия между обучающими и обучающимися при движении от цели к результату в цифровой образовательной среде, основными средствами которой являются цифровые технологии, цифровые инструменты и цифровые следы как результаты учебной и профессиональной деятельности в цифровом формате.

Между тем использование цифровых технологий, которые предлагает современный уровень развития науки и техники, в образовательной среде продемонстрировало свою эффективность.

1. Цифровизация упрощает организационные задачи. В частности, современные инструменты позволяют составить индивидуальное расписание для обучаемых.

2. Цифровизация делает образование более удобным для студентов. Сегодня появилась возможность использования на практике так называемого «гибридного обучения», когда часть обучаемых непосредственно присутствуют на занятиях в аудитории, а другая часть, в силу болезни или невозможности посещать занятия ввиду иных обстоятельств, подключаются к занятию дистанционно, прямо из дома.

3. Появляется возможность использования смешанного обучения: на занятиях, помимо традиционных форм обучения, применяются цифровые технологии (например, используются базы данных, доступные в онлайн-

формате). Это позволяет сделать процесс обучения более дифференцированным, максимально учитывать индивидуальные возможности обучаемых.

4. Применение онлайн-технологий также дает доступ к широкому спектру образовательного контента, который может быть не доступен в обычном формате. Сегодня можно получить доступ к крупнейшим онлайн-платформам, на которых размещены курсы, разработанные специалистами-практиками ведущих вузов страны. Например, из любой точки мира можно прослушать лекции профессорско-преподавательского состава Гарварда или МГУ.

5. Виртуальная среда дает возможность отрабатывать реальные навыки в безопасной среде. Если сразу делать что-то полностью «как в жизни» опасно, невозможно или очень дорого (например, студента-медика не поставишь сразу за операционный стол к реальному пациенту, а студента-пилота не посадишь сразу за управление настоящим самолётом), то на помощь приходят VR-технологии.

6. Обучение в цифровой среде позволяет собирать данные и анализировать их, чтобы потом улучшить образовательный процесс. Учебная аналитика – не только инструмент управления в рамках масштабных образовательных систем, она вполне может быть полезна и учителю, который работает с несколькими классами. Есть примеры, когда специальное онлайн-тестирование позволяло учителям заметить в своём классе учеников, чьих трудностей или, наоборот, успехов они раньше не видели. Техника в этом смысле беспристрастна, а в высшем образовании, например, большие данные помогают оценить даже вероятность отчисления студентов и предсказывают, как будут учиться в будущем нынешние абитуриенты [2, с. 1420–1421].

Таким образом, цифровизация не предполагает замену традиционных форм обучения, живого общения между преподавателем и обучаемыми. Цифровизация предполагает внедрение в учебный процесс удобных инструментов.

К сожалению, цифровизация имеет и ряд недостатков. Человек способен развиваться исключительно в обществе. Без умения коммуницировать люди не смогут взаимодействовать друг с другом, а это важно не только в профессиональной деятельности, но и в жизни. Студент должен не только заниматься образованием, но и совершенствовать свои социальные навыки, что необходимо для развития его личностных качеств.

Также немаловажной проблемой является отсутствие компьютера или высокоскоростной сети Интернет, без помощи которых невозможно осуществлять дистанционную форму обучения. Важно не допускать различия программного обеспечения у преподавателей и студентов, потому что это может повлечь за собой проблемы с установкой необходимых для работы приложений. Все это свидетельствует о том, что цифровая форма обучения требует больших финансовых затрат. Например, продление лицензии на ПО, закупка специального оборудования – все это дополнительные денежные расходы.

Еще одним недостатком можно считать привыкание, пагубное влияние на физическое состояние организма человека. Длительное пребывание перед монитором способствует ухудшению зрения, пересыханию роговицы глаза, покраснению и раздражению, а также нарушению осанки. На человеческий организм влияет и электромагнитное излучение, которое постепенно разрушает его.

В заключение хочется отметить, что в настоящее время нет возможности объективно оценивать, будет ли форма цифрового образования положительным новшеством. Не получится сравнить данную систему с чем-то подобным, т. к. такой практики еще не было, она применяется впервые. Однако мы не можем отрицать многочисленные преимущества новой формы обучения. Живя в XXI в. – веке информационных технологий, человек напрямую связан с работой за компьютером. Цифровая форма обучения должна способствовать развитию мобильности, внимательности, умению быстро обрабатывать большие объемы информации. Именно эти качества ценят современные работодатели [3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Запивалова, С. Е.** Цифровизация и цифровые технологии в образовании [Электронный ресурс] / С. Е. Запивалова, А. Д. Ахметова, Е. В. Стомба. – Режим доступа: <http://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02/52-12-/654-2023-03-23-14-41-10>. – Дата доступа: 10.04.2023.
2. **Каримова, М.** Цифровизация образования [Электронный ресурс] / М. Каримова // Science and innovation. – 2022. – Vol. 1. – S. 1419–1422. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-v-obrazovanii-1/viewer>. – Дата доступа: 13.04.2023.
3. **Кобизь, Е. П.** Цифровое обучение студентов среднего профессионального образования [Электронный ресурс] / Е. П. Кобизь. – Режим доступа: <https://infourok.ru/doklad-srk-v-ramkah-nedeli-informatiki-6129971.html>. – Дата доступа: 12.04.2023.
4. **Сидоренко, Б. В.** Цифровизация образования: иллюзии и ожидания / Б. В. Сидоренко // Педагогическое образование в России. – 2020. – № 3. – С. 49–57.
5. **Ставцева, Ю. Г.** Информационно-коммуникативные технологии в дошкольном образовательном учреждении [Электронный ресурс] / Ю. Г. Ставцева // Гаудеамус. – 2015. – С. 132–137. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-kommunikatsionnye-tehnologii-v-doshkolnom-obrazovatelnom-uchrezhdenii>. – Дата доступа: 10.04.2023.

УДК 37:17(476)

О. Г. Липская

НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ДРАМЕ Г. КОНИССКОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ МЕРТВЫХ»

Аннотация. Анализируется содержание драмы Г. Конисского «Воскресение мертвых», в которой просветитель обличал человеческие пороки и пропагандировал христианские и общечеловеческие нравственные ценности.

Ключевые слова: благочестие, грех, драма-моралите, нравственность, пороки.

Г. Конисский – выдающийся церковный деятель XVIII в., архиепископ Могилевский, Мстиславский и Оршанский, проповедник, философ, публицист, который оставил после себя обширное научное и художественное наследие. Просветитель, как и большинство философов и богословов прошлого и настоящего, большое внимание уделял проблеме духовности человека. Ключевым в осмыслении данного понятия в представлении Георгия Конисского становится религиозный аспект, т. к. именно приобщенность к христианским ценностям, по мнению просветителя, определяет моральные устои личности.

Г. Конисский образование получил в Киево-Могилянской академии, после окончания которой принял монашество и был оставлен преподавателем на кафедре красноречия. Профессора, а также студенты академии считали поэтику очень важной и нужной наукой. Студентов привлекало изучение стихотворных жанров, применение которым можно было найти в дальнейшей жизни (например, посвятить уважаемым лицам, произнести на торжественных событиях, декламировать за вознаграждение во время странствий и т. д.). Но в то же время они признавали, что поэзия является ценным источником знаний о жизни народа, также средством вдохновения граждан, ибо рассказывает о героических поступках предков и прославляет их мужество. По завершении курса поэтики традиционно проходила премьера спектакля, автором которого был профессор, а актерами – слушатели курса. Не было исключением и Г. Конисский. В 1747 г. он написал и поставил в стенах Киево-Могилянской академии драму-моралите «Воскресение мертвых», которая в основном носила нравственно-воспитательный характер и являлась, как справедливо отмечает А. Царенок, «по сути, настоящей проповедью важных вероучительных и нравоучительных истин» [3, с. 27].

В основе сюжетных линий драм-моралите в XVIII в. находились истории, героями которых нередко становились простые люди, обремененные личными пороками и грехами. С точки зрения Г. Конисского, любой поступок, противоречащий нормам христианской этики, является грехом. К греху человек

приобщается и если обладает определенными отрицательными качествами: жестокость, жадность, лень, склонность к вражде, ненависть к ближнему и др.

В предисловии к пьесе «Воскресение мертвых» Г. Конисский определил главную задачу как драматического искусства в целом, так и дидактическое наставление самой драмы, написанной под влиянием идей эпохи Просвещения: «Еже учить, в обществі нравы представляя» [1]. Пытаясь раскрыть мотивацию тех или иных поступков своих героев, автор прибегал к показу тогдашнего быта, обычаев и морали. Таким образом, пьеса является ярким примером того, как поэзия отражает религиозное и нравственное состояние социума, взаимоотношения, существующие между людьми в обществе, современном автору. В драме в аллегорической форме отражены некоторые проблемы, присущие обществу того времени: незаконный захват казачьими старшинами земель простого казачества, взяточничество судей и чиновников, моральное увечье богачей, заключающееся в алчности, ведущей к произволу, преступлениям и издевательствам над честными людьми.

В пьесе «Воскресение мертвых» Г. Конисский, на примере главных персонажей, противопоставляет благочестие и порок. Отрицательный персонаж драмы Диоктит – это воплощение похоти, порочности, ненасытности, бессердечности, злобы. Его противоположностью является Гипомен – человек праведный, трудолюбивый, терпеливый, который становится жертвой злого умысла Диоктита. После смерти герои попадают, соответственно, в ад и рай. В загробном мире души главных персонажей убеждаются в том, что справедливость в конечном итоге всегда торжествует, ведь, помимо человеческого суда, есть «суд Божий неумитный, / Безмездный, безблажний і безволокитний» [1].

Для Г. Конисского важной задачей была борьба с нравственными недостатками современного ему общества, поскольку общество он рассматривал как важный инструмент формирования и развития личности. Поэтому мыслитель всеми доступными ему средствами пытался улучшить общество. Первым шагом к этому можно считать его драму «Воскресение мертвых», в которой бок о бок с пропагандой христианских и общечеловеческих нравственных идеалов идет разоблачение имеющегося в обществе зла. Таким образом, пьеса Г. Конисского выступает проповедью праведной жизни, добродетели, осуждением несправедливой жизни, греховности, а также протестом против притеснения честных людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Конисский, Г.** Воскресение мертвых [Электронный ресурс] / Г. Конисский // Українська література XVIII ст. Поетичні твори, драматичні твори, прозові твори. – Київ: Наукова думка, 1983. – Режим доступу: http://litopys.org.ua/old18/old18_29.htm. – Дата доступу: 31.03.2022.

2. Сулима, М. М. Украинская драматургия XVII–XVIII ст. / М. М. Сулима. – Київ: Фоліант; Стилос, 2005. – 368 с.

3. Царенок, А. Драма святителя Георгия (Конисского) «Воскресение мертвых»: связь с евангельскими притчами / А. Царенок // Вестн. Харьков. духовной семинарии. – 2020. – № 11. – С. 27–33.

УДК 004

Е. В. Мазалевская

СРАВНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Аннотация. Рассмотрено внедрение информационных технологий в Республике Беларусь и зарубежных странах, а также использование основных информационных технологий в судопроизводстве.

Ключевые слова: свод законов, цифровые технологии, электронный формат, видеозапись.

Многие зарубежные страны активно внедряют информационные технологии для организации деятельности органов уголовного преследования, уголовного судопроизводства, облегчения использования нормативно-правовых актов. В связи с чем представляется полезным изучить зарубежный опыт на примере таких государств, как Соединенные Штаты Америки, Казахстан, Сингапур.

По мнению Л. А. Шестаковой, «значительный опыт цифровизации уголовного судопроизводства накоплен в странах англо-саксонского права, некоторые элементы этого процесса являются уникальными, не встречаются в законодательстве и правоприменительной практике других стран» [3, с. 42–46].

Первые шаги по введению электронного документооборота в уголовное судопроизводство в Соединенных Штатах Америки были предприняты еще в конце XX в. В США все доказательства представляются сторонами в электронном виде по сети Интернет прямо в административный аппарат судов, где они регистрируются и приобщаются к материалам электронного уголовного дела, которое ведется с использованием специализированной системы электронного документооборота – CM/ECF (Case Management and Electronic Case Files).

В Соединенных Штатах Америки вопросы ведения видеозаписи судебных заседаний (видеопротоколов) решаются отдельно в каждом штате. В частности, в федеральных судах видеосъемка запрещена, а в отдельных штатах, например в Аризоне, разрешена. По запросу запись судебных слушаний может быть получена через библиотечно-правовой центр судебных ресурсов в виде компакт-диска.

Поддержка жертв преступлений также осуществляется через информационную систему Track My Crime. С 2014 г. эта онлайн-услуга позволяет потерпевшим круглосуточно просматривать информацию о ходе своего дела и обмениваться сообщениями с сотрудником полиции, ведущим расследование.

Многие из проанализированных цифровых технологий, обогативших уголовное судопроизводство зарубежных стран, менее активно, но также используются и в России. Однако некоторые технологии еще не имеют аналогов в РФ, например, цифровые технологии для поддержки жертв преступлений и свидетелей, а также так называемый «цифровой присяжный», которые могут обогатить российскую практику и оптимизировать процесс перехода к цифровому уголовному процессу в России [3, с. 42–46].

Следующее государство, которое можно выделить, где применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве выступает эффективным инструментом повышения гарантий и защиты прав граждан, – Республика Казахстан.

Д. К. Тлеубаев выделил, что «за последние годы в Республике Казахстан проведены серьезные преобразования в деятельности органов уголовного преследования судов» [2, с. 31–37].

Проведенным реформам предшествовало изучение международного опыта, в том числе возможности расследования уголовных дел в электронном формате. К примеру, был изучен опыт электронного документооборота США, где используется многопрофильная функциональная система «Public Access to Court Electronic Records» (далее – PACER) – «Публичный доступ к судебным электронным записям».

Также был изучен опыт Сингапура, где электронное правосудие реализуется посредством предоставления услуг через виртуальные суды.

Правоохранительные органы Сингапура являются одними из первых, кто стал применять высокие информационные технологии для сокращения сроков привлечения виновного лица к уголовной ответственности. В судах Сингапура впервые была применена процедура видеоконференции, являющаяся в настоящее время наиболее универсальной и продуктивной технологией современности.

В последующем была утверждена Инструкция о порядке электронного учета посетителей в правоохранительных органах, согласно которой электронный учет посетителей с использованием базы данных АРМ ЕРДР ведется правоохранительными органами в городах республиканского значения и областных центрах.

Таким образом, внедрение электронного учета посетителей показало свою эффективность, т. к. отмечается ежегодное снижение фактов незаконного содержания граждан в служебных помещениях.

Все залы судебных заседаний в республике оснащены модернизированными системами аудио- и видеofиксации (АВФ) с возможностью электронного

протоколирования, что уменьшило основания для жалоб на порядок ведения судебного заседания, замечаний на протоколы. Можно выделить, что электронное уголовное дело охватывает все стадии, включая регистрацию «Colloquium-journal», уголовных правонарушений, досудебное расследование, судебное разбирательство и даже исполнение наказания [2, с. 31–37].

В настоящее время информационно-коммуникационные технологии внедрены во все сферы жизнедеятельности белорусского общества. Не осталась в стороне и юридическая деятельность.

Как отметила Ю. Г. Иванцова, «в Республике Беларусь функционируют различные информационно-правовые системы (ИПС) правовой информации, внедрены иные информационные технологии, которые оказывают влияние на систематизацию информационного законодательства Республики Беларусь». ИПС правовой информации являются «необходимым инструментом в процессе деятельности по систематизации нормативных правовых актов» [1, с. 176–183].

Автоматизированный учет нормативных правовых актов осуществляется с помощью многоуровневого Единого правового классификатора (ЕПК) Республики Беларусь, представляющего собой систематизированный массив правовых актов, отражающий «предметное и отраслевое деление нормативных правовых актов, составляющих законодательство Республики Беларусь (иерархическое строение классификатора)».

Свод законов Республики Беларусь (в электронной форме) – доктринальная категория, которая определяется как систематизированное с помощью инкорпорации собрание только законодательных актов, т. е. является непосредственным итогом инкорпорации.

Использование информационных технологий при систематизации информационного законодательства Республики Беларусь упрощает и облегчает трудоемкую систематизационную деятельность и позволяет наиболее полно выявить проблемы качества нормативных правовых актов [1, с. 176–183].

Таким образом, внедрение современных зарубежных технологий требует изучения, анализа и не заменяет деятельность, а лишь совершенствует ее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Иванцова, Ю. Г.** Информационные технологии в систематизации информационного законодательства Республики Беларусь / Ю. Г. Иванцова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2020. – № 3. – С. 176–183.
2. **Тлеубаев, Д. К.** Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения / Д. К. Тлеубаев // Colloquium-journal. – 2021. – № 11. – С. 31–37.
3. **Шестакова, Л. А.** Опыт использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве отдельных стран англо-саксонского права / Л. А. Шестакова // Основы экономики, управления и права. – 2022. – № 3. – С. 42–46.

УДК 94(47)"18":82-92:37-055.2

К. Н. Садовникова

ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Аннотация. Показано отражение женского вопроса органами периодической печати второй половины XIX в.

Ключевые слова: женское образование, периодическая печать, журналы, статьи.

Во второй половине XIX в. в Российской империи одним из главных вопросов на повестке дня был вопрос о развитии женского образования. Доказательство этому – огромное количество печатных материалов, посвященных проблеме развития женского образования, а также в целом положению женщины и ее роли в обществе.

Борьба за высшее женское образование в России в тот период уже стала частью общественного движения. Следует отметить, что университетский устав, действующий в стране с 1835 г., не запрещал женщинам посещать высшие учебные заведения. Однако в обществе сложилось мнение об определенном положении женщины в семье и целом в обществе, которое не позволяло женщинам слушать лекции в высших учебных заведениях наравне с мужчинами. Непосредственно знакомство с наукой у представительниц женского пола ограничивалось посещением публичных лекций. В 1853 г. в статье «Заметки о женщинах» Д. И. Мацкевич говорил о том, какое огромное значение для женщин имели публичные курсы по астрономии О. В. Струве и профессора С. И. Зеленого. Эти «Заметки о женщинах» стали первой публикацией в журнале «Современник», где автор заявил о необходимости создания высшего женского образования [2, с. 91–92].

Самым широко обсуждаемым вопросом в этот период стала реформа в сфере женского образования. Первым публично ее подверг критике педагог и врач Н. Пирогов в статье «Вопросы жизни», опубликованной в 1856 г. в «Морском сборнике». Статья Пирогова приобрела немалый успех, пользовалась огромной популярностью у читателей. В 1859 г. она даже была перепечатана в журнале Министерства народного просвещения, после чего приобрела еще большую популярность, вызвала полемику среди различных слоев общества [2, с. 90].

Помимо Н. Пирогова, методы и способы сложившейся системы образования подверглись порицанию и критике со стороны Н. Добролюбова. В статье, опубликованной в 1858 г. в «Русском вестнике», он утверждал, что у нынешних

женщин нет возможности построения полноценного будущего без разрешения на получение высшего образования.

Большое значение в популяризации вопросов зарождения высшего образования в это время имел литературный журнал «Рассвет», выходивший с 1859 г. по 1862 г. В журнале затрагивались проблемы социализации женщин, излагались различные педагогические системы. Издание старалось всегда отображать различные социальные темы, волновавшие общества того времени, однако практически всегда затрагивалась проблема возникновения и развития женского образования.

Вопрос о женском образовании также обсуждался в статьях М. Вернандской. Все ее работы были размещены в журнале «Экономический указатель» в 1858 г. В своих статьях Вернандская не только рассматривала проблемы женского образования, но и предлагала пути выхода из сложившейся ситуации. Она утверждала, что труд позволит быть женщинам независимыми, а значит, им необходимо обучаться различным профессиям на самом высоком уровне [2, с. 91].

Большую роль в этом вопросе сыграл специальный литературно-общественный журнал «Женский вестник», вышедший в 1866 г. Основная цель журнала – всестороннее обсуждение вопросов, связанных с возможностью получать женщинам образование. Особенно популярна была статья В. Павловской «Высшее образование женщины», затронувшая не только образование, но и вопросы воспитания. Однако столь популярному журналу, затрагивающему социально важные вопросы, так и не удалось закрепиться в мире печати, в результате чего издание было закрыто.

В 1867 г. Е. Конради в адрес I съезда естествоиспытателей отправила петицию, в которой говорилось о важности образования для женщин и необходимости для этого основания высших женских курсов. Также в это время не раз подавалось прошение на имя ректора Петербургского университета о разрешении посещать женщинам лекции. Итогом таких действий стало начало работы в 1872 г. на общественных началах Высших женских курсов В. Герье. Они стали первыми в России высшим учебным заведением университетского типа для женщин. В этом же году были открыты женские врачебно-акушерские курсы. Чуть позже учебные заведения такого рода появились в других городах России: Казани, Киеве, Одессе. 20 сентября 1878 г. в Петербурге открылись Бестужевские высшие курсы. Такое название они получили по имени основателя, а также первого директора и профессора русской истории К. Бестужева-Рюмина [2, с. 92].

В результате открытия высших женских курсов в 70-е гг. XIX в. вопросы о женском образовании стали еще больше фигурировать на страницах журналов, газет и т. д. В 1872 г. появился журнал «Женское образование», редактором которого стал В. Сипаковский. В нем говорилось о том, что без образования женщин нет народного образования, а без народного – не может быть реальной

свободы как в нравственном, так и гражданском смысле этого слова. В связи с возникшим в обществе сильным стремлением к женскому образованию редакция журнала обязывалась способствовать формированию исключительно положительного общественного мнения по данной проблеме, а также отражать в статьях журнала методы и приемы преподавания.

В 1876 г. сам редактор журнала В. Сипаковский написал большую статью, в которой отражались наиболее насущные вопросы, связанные с развитием образования. В ней он также проанализировал состояние женского образования на конец 70-х гг. и дал ему оценку. В конце своей статьи он дал некие наставления и советы по организации женского образования в стране [3, с. 86].

Одной из самых главных задач журнала «Женское образование» было осуществление информирования всех читателей о новостях в области женского образования. Например, открытие Высших женских курсов в Москве, педагогические музеи и т. д. Отдельное место было отведено проблемам медицинского обучения. Этой теме в 1877 г. была посвящена статья «Женские врачебные курсы в Петербурге». В ней автор привел статистику, проанализировал социальный состав, выяснив, что на курсах значительно выросло количество евреек.

Стоит обратить внимание на то, что проблема женского образования обсуждалась также на страницах неспециальных журналов, таковым являлся «Вестник Европы». Журнал всячески призывал допустить женщин к высшему образованию и дать им возможность получения различных профессий. Помимо этого, вопрос о женском образовании в публицистике «Вестника Европы» носил многоаспектный характер. Он выходил далеко за рамки методических вопросов, хотя и включал в себя предложения по увеличению часов на практическое освоение основных дисциплин, особенно на уровне среднего специального образования. Авторы зачастую отстаивали необходимость гендерного равенства, при этом не принимая идею о наличии или же отсутствии у женщин каких-либо значимых психических и физических особенностей, мешающих им повышать свой интеллектуальный уровень [2, с. 92].

В журнале «Отечественные записки» зачастую поднимался вопрос защиты прав женщин-учителей. Это поспособствовало тому, что к концу XIX в. начали издаваться специальные подготовительные педагогические журналы для женщин.

Также еще одним из самых популярных журналов того времени, отражавшим вопросы женского образования, являлся «Современник». В нем в различных формах: статьях, романах и рецензиях рассматривались идеи возникновения и развития высшего женского образования. Журнал был известен своим обширным кругом авторов, публиковавших здесь свои труды. Редакция «Современника» очень часто помещала списки других журналов и книг, в которых затрагивались вопросы женского образования. В одном из выпусков журнала сообщалось читателям о том, что некоторые девушки-

ки высказали желание сдавать выпускные экзамены для получения дипломов [1, с. 90].

Однако не все точки зрения по поводу допущения женщин к высшему образованию были положительными. Против этого выступил М. Катков. Согласно его утверждениям, допущение женщин к университетской жизни может отрицательно сказаться на обучении студентов-мужчин, которых присутствие особ женского пола может отвлечь от процесса обучения. «Московские ведомости», которые также редактировал Катков, говорили о том, что появление женщин на университетской скамье превратит высшие учебные заведения в «увеселительные места».

Но несмотря на это, все же русское общество в большинстве своем доброжелательно отнеслось к идеям получения женщинами высшего образования.

Таким образом, под влиянием складывающегося возрастающего интереса к вопросу о развитии женского образования в периодической печати второй половины XIX в. появилось огромное количество различных статей, опубликованных в специальных и неспециальных журналах. В них отражались идеи создания, а впоследствии и развития высшего женского образования. Затрагивались методы и приемы педагогической деятельности в этих учебных учреждениях. Данная проблема получила всестороннее осмысление на страницах изданий абсолютно разной направленности. Различные публикации, отражавшие тему женского образования, в некоторой степени послужили для дальнейшего открытия учреждений образований, в частности, высших женских курсов в Москве и Петербурге. Этот небольшой отрезок времени внес глобальные перемены во все сферы жизни России. Общество уже было готово к реформированию общественно-социальной жизни. В результате этого проблемы образования женщин стали постоянной насущной темой различных журналов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Зырянова, И. В.** Тема высшего женского образования на страницах журнала «Современник» (1848–1866 гг.) / И. В. Зырянова // Вестн. ЯГУ. – 2010. – № 2. – С. 89–93.
2. **Коломийцева, Е. Ю.** Проблемы женского образования на страницах отечественных журналов второй половины XIX века / Е. Ю. Коломийцева // Культурная жизнь юга России. – 2008. – № 3. – С. 90–93.
3. **Пустарнакова, Д. А.** Женский вопрос на страницах русских журналов второй половины XIX века / Д. А. Пустарнакова // Культурная жизнь юга России. – 2013. – № 1. – С. 85–87.

УДК 811.161.3'373

М. А. Самсонова

ПРАГМАТЫКА ПАДТЭКСТУ ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІХ НАВАТВОРАЎ А. РАЗАНАВА

Анотацыя. Вядзецца гаворка пра ролю аказіяналізмаў ва ўзмацненні мастацкага падтэксту. Абгрунтоўваецца роля індывідуальна-аўтарскіх наватвораў для выражэння імпліцытнага зместу. Ілюстрацыйна пацвярджаецца, што аказіяналізмы выкарыстоўваюцца А. Разанавым для стварэння экспрэсіі і падтэксту.

Ключавыя словы: мастацкі тэкст, падтэкст, імпліцытнасць, прагматычнасць, аказіяналізм.

Пытанне выражэння разнастайнымі моўнымі сродкамі эстэтычнага зместу з'яўляецца надзвычай важным для ўспрымання мастацкага тэксту. Нягледзячы на тое, што ў эстэтычнай арганізацыі тэксту ўдзельнічаюць адзінкі ўсіх моўных узроўняў, галоўная роля ўсё ж належыць слову як асноўнай адзінцы мовы, вакол якой арганізуюцца ўсе астатнія адзінкі. Ніколькі не змяншаючы значэння іншых аспектаў мовы, можна сказаць, што сіла мастацкага ўздзеяння заключаецца перш за ўсё ў словах. Слова, пападаючы ў мастацкі кантэкст, аказваецца звернутым не толькі да рэальнай рэчаіснасці, але і да індывідуальнага свету аўтара. Абумоўленае мастацкім заданнем пісьменніка слова ўзбагачаецца эстэтычнымі прырашчэннямі сэнсу, паўстае ва ўсім багацці нюансаў і фарбаў, не проста становіцца сродкам вобразнага мыслення, а набывае прагматычны патэнцыял, сутнасць якога заключаецца ў «карэляцыі паміж выбарам моўнага матэрыялу адпраўніком тэксту і яго маўленчымі паводзінамі, а таксама магчымасць актуалізацыі нюансаў сэнсу моўных адзінак ва ўмовах маўленчых зносін» [1, с. 9].

Відавочна, што прагматычны патэнцыял маюць індывідуальна-аўтарскія наватворы, таму што з іх дапамогай аўтар перадае чытачу значную частку неабходнай для асэнсавання інфармацыі. Ствараючы тэкст, пісьменнік адбірае для перадачы зместу розныя моўныя сродкі, такім чынам тэкст з'яўляецца паслядоўнасцю абраных адрасантам знакаў і паўстае як сістэма вербальных і невербальных сродкаў, якія адлюстроўваюць некаторыя перавагі, схільнасці, устаноўкі аўтара.

Падтэкст як разнавіднасць прагматычнай структуры мастацкага тэксту заснаваны на атаясамліванні і параджэнні не толькі павярхоўнай, але і ўнутранай структуры тэксту. Падтэкст – гэта «свядома абраная аўтарам манера мастацкай падачы з'яў, якая мае аб'ектыўнае выражэнне ў мове твораў», і «імпліцытная манера пісьма» [2, с. 139]. У прыведзеным азначэнні падтэкст успрымаецца як імпліцытная інфармацыя. Разуменне падтэксту як частцы прагматычнай структуры тэксту вызначаецца праз выбар аўтарам асаблівых моўных сродкаў, да якіх належаць аказіяналізмы.

Аказіянальныя наватворы часта ўспрымаюцца ў маўленні аўтара як парушэнне існуючых нормаў, калі моўная асоба імкнецца да вылучэння чаго-небудзь, да неардынарнасці, арыгінальнасці. Гэта ўласцівасць аказіяналізмаў дазваляе гаварыць аб іх прагматычнай маркіраванасці як абавязковай характарыстыцы. Сапраўды, аказіянальнае слова характарызуецца такімі складнікамі прагматычнага кампанента яго семантычнай структуры, як экспрэсіўнасць (навізна, незвычайнасць, вобразнасць), эмацыйнасць, ацэначнасць, наяўнасць якіх абумоўлівае стварэнне адзінкі ў тым ці іншым кантэксте для рэалізацыі камунікатыўных патрабаванняў аўтара.

Дэкадзіраваць семантыка-прагматычную структуру аказіяналізмаў немагчыма без уліку кантэкстуальнага матэрыялу, бо яны змястоўна залежныя як ад мікра-, так і ад макракантэксту. Асабліва адчувальны ўплыў кантэксту пры вызначэнні імпліцытнага значэння аказіяналізмаў, якія зразумелыя толькі ў пэўным кантэкстуальным асяроддзі і па-за ім звычайна не ўжываюцца. Для любога аказіяналізма, створанага аўтарам у межах свайго твора, кантэкст змяшчае поўную інфармацыю аб семантычнай, канататыўнай і функцыянальнай структуры, гэта значыць інфармацыю, неабходную для яго адэкватнай інтэрпрэтацыі.

Л. І. Яўдошына слухна заўважае, што «ў пошуку слоўнай сугучнасці, у тонкім яе адчуванні паэт [А. Разанаў – М. С.] не стрымлівае сваю фантазію і прапануе чытачу ўслухацца і ўдумацца ў не чутыя яшчэ словы, знайсці ў іх сэнс, які часта падказваецца *аднакаранёвымі ўтварэннямі*» [курсіў наш – М. С.] [3, с. 53], што можна пацвердзіць наступнымі прыкладамі: *Паўзе слімак па дарозе, якую сам пракладае: слізіць ... слімачыць ... Калі пакласці яго на попел – а слізь не бярэцца да попелу, – ён спыніцца, ўздыбіцца ...* [4, с. 148]; *Печ «пешчыць» ламачча, «пешчыць» дрэвы і, хоць яны часам плачуць ад гэтакай пяшчоты, перайначвае іх у агонь, у дым, у вуголле, у попел* [5, с. 142]; *Купіна выпукваецца з балота, нібы купал патанулай бажніцы ... Купіну акупоўваюць пукі сітніку, пукі асакі* [5, с. 120]; *калода «раскалоджваецца», пераўладкоўваецца ў нешта адрознае ад сябе – у кадаўб, а то і ў лодку* [5, с. 48]; *Калі трэшчынамі, нібы рэчышчамі, спярэшчваецца шчыт дрэва, гліны ці тынку, ён «рэшціцца» – робіцца рэштай сябе ранейшага* [5, с. 101] і інш.

Імпліцытнае значэнне аказіянальнага дзеяслова *валокацца* звязана не толькі з размоўным словам *валачыцца* («вандраваць, блукаць; бадзяцца»), але і з агульнымі *волк*, *вол*, *воля*, *валока* і ўласнымі назоўнікамі *Валакаламск*, *Валачаеўка*, *Ваўкавыск*: *Рускі волк «валокаецца» ад Валакаламска да Валачаеўкі і Ваўкавыска; ён вялікі, як вол, лоўкі, нібы іголка, і ўвасабляе трыадзінства «воли», «алкности» і «лукавства»* [4, с. 375]; *залатвацца* («папраўляцца, латва адрамантоўвацца залатой латкай»): *Золата аздобнае: заўсёды і ўсюды яно пачувае сябе волатам, які ўсё можа і якому ўсё дазволена, і тыя прарэхі і дзіркі, што нічым ужо нельга залатаць, латва залатваюцца золатам* [5, с. 84]; *здарагацца* («здарацца менавіта ў дарозе»): *Усё, што*

здараеца з дарогай, здараеца і з чалавекам, і ўсё, што ні здараеца з чалавекам, здараеца якраз у дарозе, бо сама прырода дарогі – здараца, «здарагаца» [5, с. 49]; тузгаць («тузаць за гузік»): Гузік не гуз, але мае з гузам блізкае падабенства, не туз, але гэтаксама, як туз, знаходзіцца на адказным месцы ... яго круцяць, тармосяць, тузгаюць, і толькі тады, калі гузік знікае (адшпільваеца ці вырываеца), кашуля (ці блузка, ці камізэлька, ці кашушок) расхістваеца, распадаеца напалам [5, с. 9]; жораць («з прагнасцю кідацца на яду») Парожнія, жорны стаяць, але калі ў іхняе жарало ўсыпаеца хоць бы жменя зерня, яны ажываюць, яны разварушваюцца, яны «жораюць» пачастунак, варожачы, што ўрэшце з яго атрымаеца, ці корж, ці аладак, ці піражок [5, с. 125] і інш.

А. Разанаў, выкарыстоўваючы наватворы з характарыстычнай мэтай, імпліцытна выказвае свае адносіны да нечакана аформленага слова. Так, у паэме «Было балота» аўтар выкарыстоўвае адушаўленыя аказіяналізмы-назоўнікі (валхвец, Абравец), з дапамогай якіх паэт перадае свае адмоўныя адносіны да экскаватарнага нашэсця: Баламуцячы сілу ліхую, сінявокі, як дзень, валхвец – у балоце глухім валхвуче экскаватаршчык Абравец ... [4, с. 136]; Прахапляешся незвычайна – захлынаеца ў твані карэц, экскаватар хрыпіць адчайна ... Абрываеца Абравец, вырываеца ... [4, с. 137].

Абразлівай мянушкай Карпеч дзеці крыўдзяць хлопчыка з абмежаванымі магчымасцямі, у якога на спіне горб: ... суседскі хлапчук замест доказаў крыкнуў зламысна: Карпеч ... І дзеці, паўскоквалішы, падхапілі: Карпеч ... Карпеч ... – пачварнае, недарэчнае, несправядлівае слова, але гэтаксама было пра тое ... Не цябе заўважалі – твой горб ... [4, с. 146]. На нашу думку, аказіяналізм Карпеч утвораны ад назоўніка карп: у карпа ёсць горб паміж спіной і галавой, сярод разнавіднасцяў карпа выдзяляюць таксама гарбатага карпа, у якога спіна адразу падымаецца крутой дугой.

Даследчыкі творчасці А. Разанава адзначаюць філасофскую скіраванасць і інтэлектуальнасць яго паэзіі. Паэт асэнсоўвае праблемы чалавечага быцця: чалавек і прырода, чалавек і грамадства, чалавек і мараль, якія адлюстраваны ў вершаказе «Пчала»: Пчалу нельга забіваць: яна – пЧАЛа, у ёй захоўваецца чалавечы пачатак, і людзі шануюць яе, як чалавека. Пчала мае справу з самымі прыгожымі, з самымі чулымі, з самымі духмянымі стварэннямі – кветкамі, але ў глыбіні яе існавання тоіцца плач [5, с. 8]. Нельга не пагадзіцца з Л. І. Яўдошынай, якая адзначае: «Аўтар прымушае нас задумацца, чаму нельга забіваць пчалу, чаму чалавек яе шануе. Ці за тое, што лекуе чалавека не толькі мёдам, але і джалам? Ці можа ў глыбіні існавання пчалы таіцца плач? А можа, сапраўды ўсё жывое надзелена душою, як і чалавек? Гэта толькі частка пытанняў, выкліканых асэнсаваннем глыбіннага падтэксту, які стварыў А. Разанаў, маючы вобраз пчалы і паказваючы яе «радавод». Аўтарава бачанне вобраза пчалы відавочнае: дзякуючы гукавой асацыяцыі ён яднае пчаліны і чалавечы радавод. Пчала – такое ж вышэйшае стварэнне прыроды, як

і чалавек» [3, с. 52]. Характэрнай рысай філасофскай канцэпцыі А. Разанава выступае вера ў чалавека, у яго творчыя магчымасці, волю і розум, толькі чалавек здольны змяніць свет і самога сябе да лепшага, таму што валодае душой.

А. Разанаў называе сарочку родавым знакам чалавека, таму што «ён ёю сурочаны», імпліцытна ўказвае на сувязь сарочкі з душой чалавека, якая толькі праз сорок дзён пасля смерці *рассурочваецца, рассарочваецца: Ці яна [сарочка] крамая, ці шарачковая, ці, як у Індыі, сары, сарочка родавы знак чалавека, ён ёю «сурочаны» ... І толькі ў сарачыны, праз сорок дзён пасля таго, як чалавек пакладзеца ў сырую зямлю альбо ў саркафаг, чалавечая душа канчаткова «рассурочваецца», «рассарочваецца» і, вольная ад прыцягнення ўрочышча ценяў, наварочваецца да зор [5, с. 66]. Самай старажытнай часткай адзення беларусаў з'яўляецца сарочка («кашуля», «рубашка», «лянка», «срачыца»). Белае палатно атаясамлівалася з белым светам, божай апекай, а выраз «нарадзіўся ў сарочцы» азначае, што чалавек ад нараджэння быў пад аховай найвышэйшых сіл. Там, дзе гэтая апека заканчвалася, трэба было паставіць абярэг, якім станавіўся арнамент. Сарочка, вышытая чырвоным колерам, што атаясамліваўся з колерам агню, сонца, жыцця, колерам радасці, мае ахоўны сэнс, на працягу ўсяго жыцця зберагае чалавека ад сурокаў. Чыста белая, без упрыгожванняў і ўзораў, сарочка выкарыстоўвалася сялянамі для пахаванняў, таму што чалавек пераходзіць у божа свет, дзе яму ўжо не патрэбна пазбягаць сурокаў, ён зноў знаходзіцца пад божай апекай, і яго душа праз сорок дзён «рассурочваецца» («пазбаўляецца ад сурокаў, становіцца несурочанай»), «рассарочваецца» («застаецца без сарочкі, голай, такой, якой увайшла ў гэты свет»).*

Для адэкватнай інтэрпрэтацыі аказіяналізмаў неабходна не толькі мець веды адносна правілаў канструявання тэксту, лексіка-граматычных паняццяў, але і мець дастаткова поўнае ўяўленне аб карціне свету наогул. Агульныя веды, да якіх звяртаецца чытач, а таксама традыцыйныя механізмы перапрацоўкі словаўтваральнай структуры істотна палягчаюць успрыманне аказіянальных слоў. Варта заўважыць, што ўспрыняцце імпліцытнай інфармацыі, а разам з тым прагматычны патэнцыял тэксту залежаць не толькі ад моўных сродкаў, выкарыстаных аўтарам, але і ў значнай меры ад здольнасці рэцыпіента заўважыць, асэнсаваць, растлумачыць гэтыя аказіянальныя адзінкі, гэта значыць ад фонавых (дадатковых) ведаў чытача.

Роля індывідуальна-аўтарскіх наватвораў у мастацкім тэксце заключаецца ў выяўленні змястоўна-падтэкставай інфармацыі і ў дэкадзіраванні рэцыпіентам створанага аўтарам падтэксту; пры гэтым чытач актыўна ўдзельнічае ў аналізе твора, што сведчыць аб высокай ступені камунікатыўнай накіраванасці мастацкага тэксту.

СПІС ВЫКАРЫСТАНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

1. Дорджиева, Е. В. Языковые средства создания прагматического потенциала английского художественного текста : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Дорджиева; Пятигор. гос. лингв. ун-т. – Пятигорск, 2005. – 179 с.
2. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – Москва: Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Яўдошына, Л. І. Асаблівасці паэтыкі вершаказаў Алеся Разанава / Л. І. Яўдошына // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2013. – № 1. – С. 48–54.
4. Разанаў, А. Танец з вужакамі: выбранае / А. Разанаў. – Мінск: Маст. літ., 1999. – 462 с.
5. Разанаў, А. С. Маланка жне, гром малоціць: вершаказы / А. С. Разанаў. – Мінск: Маст. літ., 2020. – 158 с.

УДК 811.111`42

Д. Е. Самусевич

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОСТСОБЫТИЙНОГО ДИСКУРСА РАЗВЛЕЧЕНИЙ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Проведен анализ постсобытийного дискурса развлечений на материале новостных статей на русском и английском языках, повествующих о премии вручения «Оскар». Целью исследования является определение частотных коммуникативных стратегий и тактик, которые используются для успешного достижения целей, поставленных авторами новостных статей. В результате анализа автор устанавливает частотные коммуникативные стратегии и тактики постсобытийного дискурса развлечений на упомянутых языках, определяет лексические средства экспликации данных стратегий и тактик, а также устанавливает сходные и отличительные черты в реализации анализируемых явлений в прессе разных стран.

Ключевые слова: дискурс, дискурс развлечений, постсобытийный дискурс развлечений, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, новостные статьи.

Дискурс развлечений связан с любыми развлекательными мероприятиями или событиями, чьей целью является развлечение своей целевой аудитории, и реализуется через средства массовой коммуникации, предоставляя информацию, которая связана с конкретным событием: где пройдет, кто примет участие, какой будет приз, какие известные личности посетят мероприятие, как проходит подготовка и многое другое.

Дискурс развлечений делится на предсобытийный, событийный и постсобытийный. Предсобытийный дискурс развлечений имеет своей целью привлечь массовую аудиторию к мероприятию, подогреть интерес, используя ту информацию о предстоящем событии, которую преподносят авторы.

Событийный – рассказывает о самом мероприятии с места событий. Постсобытийный дискурс содержит сведения о результатах прошедшего мероприятия. И для того чтобы подать информацию в нужном ключе и достичь поставленных целей, авторы используют определенный набор коммуникативных стратегий и тактик.

Представлены основные результаты анализа 100 текстов русскоязычного и 100 текстов англоязычного дискурса развлечений на материале онлайн-статей (aif.by, belta.by, interfax.ru, iz.ru, kommersant.ru, lenta.ru, rbc.ru, rg.ru, ria.ru, sb.by, bbc.com, cnbc.com, edition.cnn.com, hollywoodreporter.com, insider.com, marca.com, nytimes.com, time.com, today.com, theguardian.com, tvline.com, vox.com и др.), посвященных такому массовому развлекательному событию, как премия вручения «Оскар». В результате анализа были выявлены наиболее частотные стратегии и тактики постсобытийного дискурса развлечений, а также некоторые сходства и различия в реализации описываемого дискурса в прессе разных стран.

В постсобытийных текстах на обоих языках встречается стратегия подведения итогов, которая в русском языке реализуется посредством тактики выражения очевидности. В англоязычных же текстах данная стратегия реализована в более широком наборе тактик.

Это можно объяснить тем, что русские авторы в конце мероприятия уведомляют своих читателей о результатах, победителях и интересных моментах премии, не внося оценочный компонент в свое повествование. Это главным образом связано с тем, что русскоязычные фильмы не являются номинантами, а также премия проходит без наших звезд и в другой стране. Это значит, что сразу падает и актуальность информации, и степень заинтересованности. Русскоязычные авторы остаются достаточно беспристрастными в оглашении результатов. Они не берутся комментировать выбор киноакадемии, но они сравнивают свои прогнозы с полученными результатами и дают по этому поводу комментариев.

В англоязычных текстах эта актуальность и степень заинтересованности сохраняется. Соответственно, авторы более резко реагируют на результаты и саму премию, эмоционально выражая свои мысли и мысли конкурсантов. Таким образом, стратегия подведения итогов в англоязычной прессе реализуется посредством тактики отрицательной оценки, тактики положительной оценки, тактики нулевой оценки и тактики выражения надежды.

В русском языке тактика выражения очевидности реализуется с помощью слов и словосочетаний со значением «без сюрпризов»: *очевидно, интриги не было, претендовать некому, чуда не случилось, предсказуемо, не принес особых неожиданностей, подтвердив предсказания и прогнозы, предчувствие не обмануло*. Значение этих единиц усиливается наречиями: *настолько, совсем, понятно, особых, большинство* и свидетельствует о правильности изначального мнения автора и отсутствии интриги.

Рассматривая тактики постсобытийного дискурса развлечений на английском языке, отметим, что наиболее частотной является тактика отрицательной оценки. При помощи данной тактики выражается недовольство авторов статей. Часть из них негативно описывают прошедшую премию, низкие рейтинги, неудачные решения организаторов. Вторая часть подробно останавливается на самих призерах и критикует решение Академии.

К тактике положительной оценки в постсобытийных текстах на английском языке прибегают меньше, чем к негативной или нулевой. Данная тактика более характерна для статей 2021 г. при описании того факта, что организаторы премии «Оскар» услышали пожелание людей и стали менять правила. И это подтверждается тем, что в последние годы все больше номинантов являются представителями различных, ранее недорепрезентированных, групп. Теперь наравне с европеоидными представителями мужского пола традиционной ориентации на премии представлены афроамериканцы, азиаты, представители ЛГБТ-сообществ, а также к 2021 г. представители «Оскар» стали лояльнее относиться к женщинам в профессии. Это доказывается наличием женских наград.

В английском языке тактики отрицательной и положительной оценки реализуются с помощью одинаковых языковых средств, за одним исключением, они разнятся значением слов и словосочетаний, которые являются центральными в том или ином случае.

Так, в случае отрицательной оценки слова и словосочетания используются со значением «negative» «отрицательный»: *snoozefest* «скукота», *not to be Oscar-worthy* «не стоит награды Оскара», *an upset* «огорчение», *to miscalculate* «просчитаться», *to lament* «сетовать», *critics displeasure* «недовольство критиков», *a sluggish humourless mix* «медленная, лишённая юмора смесь», *long speeches* «длинные речи», *endless pats on the back* «бесконечные похлопывания по спине», в то время, как для реализации тактики положительной оценки используются слова и словосочетания со значением «great» «потрясающий»: *important story* «важная история», *notable firsts* «знаменитые новички», *to win in nearly 100 years* «выигрывать в ближайшие сто лет», *excitement* «волнение», *historic firsts* «первые в истории», *to make history* «войти в историю».

В обоих случаях упомянутые фразы используются вместе с интенсификаторами, для того чтобы усилить негодование автора или тех источников, чьи мысли излагаются в статье. К таким интенсификаторам относятся: *painfully* «болезненно», *most* «большинство», *the biggest* «самый большой», *overwhelming* «всеподавляюще», *badly* «ужасно» – в случае негативной оценки; *the best* «лучший», а также повторы: *so, so, so* «очень, очень, очень»; *important, important* «важный, важный», метафора: *to break this glass ceiling* «разбить стеклянный потолок» и олицетворение вместе с метафорой: «*Parasite*» *fed our souls* «Паразиты» наполнили наши души» – в случае позитивной оценки.

Кроме этого, авторы статей прибегают к отсылкам к другим источникам, отмечая, что они не единственные, кто так считает: *TV Line deemed* «TV Line посчитал», *IndieWire called* «IndieWire назвал», *TV Line's Dave Nemetz concurred* «Дэйв Немец из TV Line согласился».

Следующей после тактики отрицательной оценки по частотности употребления является тактика нулевой оценки. Несмотря на всю эмоциональность англоязычных авторов и их негативную оценку события, они также предоставляют своим читателям нейтральную информацию, рассказывая более подробно о каких-то моментах премии.

При реализации тактики нулевой оценки используются интерсификаторы, которые выступают в форме сравнительной и превосходной степени прилагательных, такие как: *much more* «намного больше», *the most* «самый», *the best* «лучший», *the oldest* «самый старый», но в данном случае они не усиливают мнения автора, а только констатируют сложившуюся ситуацию: *much more intimate experience* «гораздо более душевный опыт», *the most-watched awards show* «самая просматриваемая церемония вручения наград», *best original score* «лучшая музыка к фильму», *the oldest actor to win* «самый старый актер, который победил».

По большей мере тактика нулевой оценки реализуется посредством употребления глаголов с нейтральным значением: *to be* «быть», *to remain* «оставаться», *to place back* «вернуть на место», *to have* «иметь», *to take* «забирать», для того чтобы предоставить своим читателям нейтральную информацию, рассказывая более подробно о каких-то моментах премии.

Тактика выражения надежды присуща англоязычным текстам, т. к. делает свой упор на то, что Академия и в дальнейшем продолжит поддерживать женщин, азиатов, афроамериканцев и представителей других менее репрезентированных групп. Кроме этого, авторы надеются, что популярность премии вернется на прежний уровень, она будет грандиозным шоу, рейтинги которого с каждым годом растут.

Описываемая тактика раскрывается через слова и словосочетания со значением «*normal*»: «обычный»: *not unusual* «обычный», *not ground-breaking* «не новаторский», *normal* «обычный», *a return to normalcy* «возврат к обыденности», в очередной раз подчеркивая, что широкие массы считают сегодняшнюю ситуацию с номинациями и распределением призов не нормальной, не соответствующей нормам общества и их понятия толерантности.

Кроме этого, тактика передается при помощи будущего времени и фраз, выражающих надежду: *to be hopeful* «надеяться», *will be hoping* «будет надеяться», *one day* «однажды».

Подводя итог, отметим, что частотной коммуникативной стратегией постсобытийного дискурса развлечений на русском и английском языках является стратегия подведения итогов. Данная стратегия совпадает в обоих анализируемых языках, однако она реализуется посредством отличающегося

набора тактик. В русском языке представлена тактика выражения очевидности, а в английском – тактики положительной, отрицательной и нулевой оценки, тактика выражения надежды. Это отличие можно объяснить разной степенью актуальности предоставляемой информации для русско- и англоязычных журналистов и читателей, а также разной степенью их заинтересованности в такого рода новостях.

УДК 94(476)

А. М. Скугарева

МЕХАНИЗМЫ НАБЛЮДЕНИЯ И НАДЗОРА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕТЬЕГО ОТДЕЛЕНИЯ КАНЦЕЛЯРИИ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НИКОЛАЯ I

Аннотация. Рассматриваются механизмы наблюдения и надзора в деятельности Третьего отделения канцелярии в годы правления Николая I, характеризуются основные слои общества, за которыми устанавливался контроль. Подчеркивается, что механизмы наблюдения и надзора были ориентированы на актуальные вопросы и задачи государственного управления, а также общего определения политики Николая I.

Ключевые слова: Третье отделение, корпус жандармов, тайная полиция, Николай I, надзор, И. И. Дибич, рабочий вопрос.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии являлось высшим органом политической полиции Российской империи в годы правления Николая I. Указом № 449 от 3 июля 1826 г. оно было наделено широкими полномочиями, направленными на осуществление контроля за всеми аспектами жизни российского общества. Для выполнения своей главной функции, а именно борьбы с революционным и общественным движением и сохранения порядка, новым ведомством использовался ряд механизмов, главными из которых являлись наблюдение и надзор. Осуществляя данные механизмы, отделение в довольно короткие сроки стало основным осведомительным органом царизма.

В первую очередь Третьим отделением осуществлялось наблюдение за ссыльными декабристами, могущими возникнуть и возникающими революционными организациями и кружками, деятелями, которые так или иначе вызвали подозрения власти касательно их участия в революционном движении или связи с декабристами, а также за общественными группами, оппозиционными государству. В эту же группу относились и национально-освободительные движения народов России.

Надзор за каторжными, а потом и ссыльными декабристами являлся важной функцией отделения с 1826 г., осуществлялся специально созданным

для этого комитетом под руководством И. И. Дибича. Под наблюдение в местах ссылок попадали не только сами декабристы, но и все, кто так или иначе вступал с ними в контакт. Контроль за участниками декабрьских событий не прекращался даже после окончания срока ссылки, а, наоборот, лишь усиливался [4, с. 323].

Наращивая усилия в борьбе с революционным и оппозиционным движением, лицами, настроенными в духе «друзей 14-го декабря», Третье отделение брало под свой контроль демократически настроенные слои образованного общества, проживающие в столицах и губернских городах. Продолжились преследования революционно настроенных одиночек.

В числе объектов наблюдения Третьего отделения находилась и молодежь, а также любые инициативы университетской среды. Наиболее опасной частью молодых людей отделение считало дворянских отпрысков или «дворянчиков от 17 до 25 лет», что составляли самую «гангренозную часть Империи». Новое ведомство полиции относило их к числу тех, в ком присутствует революционный и реформаторский дух, который выливается в различные кружки и общества. Последние возникают не столь массово, как, например, крестьянские, по причине страха быть раскрытыми, но тем не менее прикрывающиеся «маской русского патриотизма». По мнению Третьего отделения, их «умыслы» формируются на основе плохого воспитания и нередко мнений их отцов, «внедряемых незаметно» [2, с. 22].

Неусыпно Третье отделение продолжало вести наблюдение за Московским университетом, который в 20–30-е гг. оставался одним из наиболее крупных очагов радикальных настроений в стране. Одновременно контроль был уставлен за Царскосельским лицеем и Демидовским камеральным лицеем в Ярославле. Николаевская реакция и наблюдательная деятельность Третьего отделения не обошли стороной и военно-учебные заведения, контроль за которыми с годами только усиливался. Так, например, наблюдение было установлено за Петербургским кадетским корпусом и Институтом корпуса путей сообщения [4, с. 343].

Особым образом строился механизм наблюдения за армией и настроениями, царившими в ней. Третьим отделением был сделан вывод, что армия никогда не имела влияния на общественность, наоборот, это общественность в основном влияла на армию. Поэтому надзор осуществлялся не только в столичных, но и провинциальных гарнизонах. Откомандированные в полки жандармы и командование зорко следили за тем, чтобы солдаты не читали запрещенную литературу, не обсуждали острые политические проблемы и даже не вели недозволенных разговоров, которые в том или ином негативном ключе касались правления императора или его семьи.

Наблюдению, а также преследованию подвергались и выходцы из народа, которые дерзнули подать на имя царя проекты по переустройству общественной или политической жизни России, отмене крепостного права.

Особняком выделяется наблюдение за крестьянами и рабочими, возникающими в их среде волнениями и движениями. Третье отделение отмечало, что по сравнению с предыдущими стихийно возникающими восстаниями крестьян в их среде произошли значительные изменения. Среди крестьян «встречается гораздо больше рассуждающих голосов, чем это можно было предположить с первого взгляда», крестьянское естество было направлено сугубо на освобождение от крепостной зависимости и «крепостное состояние есть пороховой погреб под государством», а поскольку из крестьян в большей степени формировались рекрутские наборы в армию, они нуждаются в наблюдении гораздо больше остальных слоев общества. Одновременно с этим Третьим отделением делается вывод в отношении тех, кто имеет непосредственное влияние на «изменение умов» крестьян, а именно раскольников, барской челяди, которая гуляет по кабакам, предварительно наслушавшись вольнодумных разговоров своих господ, уволенные со службы чиновники и т. д. Высшая полиция направляла силы для наблюдения за указанными лицами и ограничения их взаимодействия с крестьянами [4, с. 412].

С особым вниманием Третье отделение отнеслось к впервые проявившему себя рабочему вопросу. Ведомство смогло вовремя отреагировать на проявление недовольства рабочих (например, прокламации мастеровых в Пермской губернии) и подавить зачатки волнения. Преследуя восставших рабочих, отделение не забывало и о необходимости некоторых профилактических работ. Так, например, в 1841 г. создается специальная комиссия под руководством генерал-майора Корпуса жандармов графа Буксгевдена для «исследования быта и нравов рабочих Петербурга», которое впоследствии помогло бы улучшить их положение [3, с. 67–69].

Для сбора информации о положении российского государства в Европе и политическом состоянии других государств осуществлялось наблюдение за российскими эмигрантами и за создаваемыми там партиями и движениями. Эту задачу Третье отделение осуществляло в прямом взаимодействии с дипломатическими представительствами за рубежом и Министерством иностранных дел. В ситуации постоянного роста количества эмигрированного населения Третье отделение было наделено функцией обязательного согласования с шефом жандармов каждого паспорта, который выдавался для выезда за границу, что позволило еще больше возвысить ведомство как контролирующий орган. Одновременно контроль устанавливался и за иностранцами, пребывающими на территории России. Особенно он ужесточается после европейских событий 1848 г., в результате которых был осложнен ввоз заграничной литературы и ее распространение.

Третье отделение ставило приоритетной задачей надзор за деятельностью государственных учреждений, в том числе сильно разросшегося к моменту появления нового полицейского ведомства чиновничье-бюрократического аппарата, отдельных отраслей управления, судопроизводства, промышлен-

ности, сельского хозяйства и даже культуры. Устанавливая наблюдение за так называемым высшим обществом, к которому Третье отделение относило дворянство и бюрократию, ведомство подразделяло их на две группировки: «довольные» и «недовольные». Последние, являясь по большей части образованной элитой, относились к наиболее опасным, поскольку в большинстве своем имели связи за границей [1, с. 266].

Следующим социальным слоем, выделяемым отделением, было чиновничество, несмотря на то, что оно не внушало сколько-нибудь опасений, но было гораздо «извращенным морально» и требовало особого надзора. В своей борьбе с бюрократизмом Третье отделение было достаточно беспристрастным и в своих ежегодных отчетах Николаю I, «не взирая на лица», подробным образом отзывалось обо всех министерствах и их министрах, а также о служащих других учреждений [1, с. 267].

На основании изложенного следует отметить, что в своей работе Третье отделение канцелярии было ориентировано на осуществление актуальных вопросов и задач государственного управления в контексте общей политики Николая I и действовало непосредственно в интересах императора. Новое ведомство политической полиции стало важным осведомительным органом царизма, информация которого использовалась для принятия решений, касающихся всех сфер жизни российского общества. Таким образом, Третье отделение становилось своеобразным мостом между императором и его подданными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Измозик, В. С.** Жандармы России / В. С. Измозик. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2002. – 638 с.
2. **Сидорова, М. В.** Россия под надзором: отчеты III отделения, 1827–1869 / М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. – Москва: Рос. фонд культуры, 2006. – 703 с.
3. **Троцкий, И. М.** Третье отделение при Николае I / И. М. Троцкий. – Москва: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 139 с.
4. **Чукарев, А. Г.** Тайная полиция России, 1825–1855 гг. / А. Г. Чукарев. – Москва: Жуковский; Кучково поле, 2005. – 701 с.

УДК 347.78.034

А. Г. Фомин, Е. Е. Курзанцева

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНТРОПОНИМОВ В ВИДЕОИГРАХ

Аннотация. Изучены особенности перевода антропонимов с китайского на русский и английский языки на материале компьютерной игры Genshin Impact. Рассмотрен способ передачи имен собственных с китайского языка на русский и английский. При исследовании

материала был использован этимологический подход к анализу имён собственных, а также изучены переводческие трансформации, использовавшиеся для передачи имён собственных с языка оригинала на другие языки.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, транскрипция, компенсация, добавление, опущение, перевод.

В современном мире одним из наиболее широко распространенных среди представителей всех возрастов развлечений являются компьютерные игры. В последнее время всё большую популярность набирают компьютерные игры, разработанные в Китае. Для того чтобы расширить потенциальную аудиторию своей игры, разработчики обращаются за помощью к переводчикам, благодаря которым игры переводятся с китайского на самые разные языки, включая не самые популярные для перевода компьютерных игр.

Антропонимы – одна из наиболее значимых групп слов, правильная передача смысла которых наибольшим образом влияет на игровой процесс и получение игроками информации об игре. Корректно переведённые антропонимы позволяют игрокам правильно распознать концепцию игры и намерения разработчиков.

Для передачи антропонимов с одного языка на другой используются различные переводческие трансформации. Существует множество различных подходов к классификации переводческих трансформаций. В данной работе будем опираться на классификацию Л. С. Бархударова, которая включает:

- 1) *перестановку* – изменение порядка слов в предложении;
- 2) *замену* частей речи, слов с более общим значением словами с более частным значением;
- 3) *добавления* – лексические добавления в качестве компенсации утраты грамматических средств выражения тех или иных значений;
- 4) *опущение* слов.

Так как одной из основных задач компьютерных игр является погружение игрока в мир этой самой игры, важную роль играют имена персонажей, которые не являются игровыми. Правильный перевод их имен помогает поддерживать атмосферу игры и передает её сеттинг – ощущение среды, в которой происходят действия игры.

Согласно проведенному исследованию, большая часть имён неигровых персонажей была переведена на русский и английский языки при помощи метода транскрипции – передачи в письменном виде элементов звучащей речи. Однако, несмотря на использование переводчиками одного и того же метода, финальные варианты переводов данных антропонимов всё-таки имеют небольшие различия.

Основываясь на полученной в ходе исследования материала информации, можно сделать вывод о различии в переводах антропонимов на русский и английский языки. При переводе имен неигровых персонажей на русский язык переводчиками была использована система Палладия – одна из наиболее

широко распространённых систем китайско-русской транскрипции. Также важно обратить внимание, что слоги в русском переводе записаны отдельно, каждый из них записан с заглавной буквы.

При переводе данных антропонимов на английский язык переводчиками была использована романизация – передача нелатинской письменности средствами латинского алфавита. При сравнении получившейся романизации с пиньинем – системой романизации китайских иероглифов – можем увидеть абсолютное сходство в записи. Например: Jì fāng (пиньинь) – Jifang (романизация), Yùè shū (пиньинь) – Yueshu (романизация), Xīng xī (пиньинь) – Xingxi (романизация) и т. д. В переводе на английский язык оба слога, составляющие имя персонажа, записаны слитно.

Однако из-за использования транслитерации переводчики пожертвовали смыслом, сложенным разработчиками в имена персонажей. Так как для китайского языка характерна омонимия, иероглифы для записи имен подбираются по значению так, чтобы наилучшим образом передать характер персонажа, его род деятельности, индивидуальность и т. д. Таким образом, при переводе этих имен с помощью транскрипции теряется тот самый смысл, вложенный в иероглифы.

Например, имя персонажа кит. 石头 (Shítou) состоит из двух иероглифов: 石 shí – камень и 头 tóu – голова, а само слово 石头 имеет перевод «камень». Примечательно, что, согласно сюжету, данный неигровой персонаж работает в лавке, где торгует нефритом, железом и другими камнями. Таким образом, имя данного персонажа имеет прямое отношение к его роду деятельности, что и пытались показать разработчики.

Другим ярким примером является имя персонажа 纪芳 (Jì fāng), который работает в книжной лавке. Иероглифы в имени имеют следующие значения: 纪 jì – записи, заметки и 芳 fāng – прекрасный, талантливый. Через запись имени данными иероглифами также был показан род деятельности персонажа, а именно его связь с книгами и писательством.

Другим способом, использованным переводчиками как на русский язык, так и на английский, была компенсация. Самым ярким примером компенсации стало имя 阿飞 (Āfēi), которое было переведено на русский язык как «Малыш Фэй», а на английский как «Little Fei». Само слово 阿飞 имеет следующие переводы: хулиган, стилига, пижон. Однако префикс 阿 используется перед именами существительными для того, чтобы придать им уменьшительно-ласкательную форму. Таким образом, в процессе перевода на русский и английский языки был сделан акцент на то, что данный персонаж является ребёнком, «малышом», но было потеряно указание на его отличительную черту – хулиганство.

Компенсация также была использована при переводе имени 阿桂 (Ā guì). На русский язык данное имя было переведено как «Травник Гуй», а на английский как «Herbalist Gui». Как и в случае с вышеупомянутым именем, здесь использован префикс 阿, который в данном случае обозначает указание на титул данного персонажа. Иероглиф 桂 имеет значения «коричное дерево», «коричный лавр», что указывает на его связь с растениями и подчёркивает род деятельности – работу в аптечном доме. При переводе данного имени на русский и английский языки переводчиками был сделан акцент на род его деятельности, титул, что в языке оригинала было передано при помощи префикса.

Добавление – другая переводческая трансформация, использованная в процессе передачи имен неигровых персонажей. Так, имя персонажа 言笑 (Yánxiào) имеет перевод «шутить», а отдельно взятые иероглифы переводятся как 言 yán – речь, слова и 笑 xiào – смеяться, улыбаться. Таким образом, чтобы компенсировать утрату указания на то, что данный персонаж является весёлым, переводчики использовали добавление лексемы, поясняющей данную особенность персонажа, в результате чего получилось: «Улыбчивый Янь Сяо» в русском языке и «Smiley Yanxiao» в английском языке.

Нередко в процессе перевода используется такая переводческая трансформация, как опущение. Данный способ был использован при переводе имени 留云借风真君 (Liú yún jiè fēng zhēn jūn), которое было переведено на русский язык как «Хранитель Облаков», а на английский как «Cloud Retainer». Иероглифы, которые были использованы для записи данного имени, имеют следующие значения: 留 liú – оставаться, сохранять; 云 yún – облако; 借 jiè – пользоваться; 风 fēng – ветер и 真君 zhēnjūn – истинный владыка. Таким образом, примерный дословный перевод данного титула будет звучать следующим образом: повелитель, хранящий облака и использующий ветер. В процессе перевода, для устранения нагромождения слов, была опущена часть слов и оставлены только те лексемы, которые передают основной смысл данного титула.

Таким образом, в современном переводе видеоигр одновременно используется несколько переводческих трансформаций. Как удалось выявить в данном исследовании, наиболее часто встречающиеся – это транскрипция, компенсация, добавление и опущение.

Также ключевым аспектом при переводе антропонимов с китайского на русский и английский языки является сохранение смысла, вложенного в иероглифы, которые использовались при записи оригинального имени или названия. Исходя из проведенного исследования, существуют случаи, при которых опущение исходного смысла, вложенного в иероглифы, не влияет на восприятие персонажа или локации и не уменьшает количество информации,

получаемой игроком. Существуют также случаи, когда точная передача исходного смысла иероглифа является критически важной для понимания игроком ситуации, в которой происходят действия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Бархударов, Л. С.** Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – Москва: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
2. **Гарбовский, Н. К.** Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – Москва: Моск. ун-т, 2004. – 544 с.
3. **Иванова, А. И.** Особенности употребления переводческих трансформаций в произведении А. П. Чехова «Человек в футляре» (на китайском языке) / А. И. Иванова // Молодой ученый. – 2015. – № 1 (81). – С. 398–401.
4. **Латышев, Л. К.** Технология перевода: учебное пособие / Л. К. Латышев. – Москва: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
5. **Юдина, О. А.** Переводческие трансформации и приемы перевода / О. А. Юдина, Н. Г. Надеждина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2015. – 28 с.

УДК 81.4

И. А. Федорцева

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЮМОРА В ПЕРЕВОДЕ НА МАТЕРИАЛЕ СТЕНДАП-КОМЕДИИ

Аннотация. Анализируются способы передачи средств создания комического в жанре стендап-комедии при переводе с английского на русский языки. Выделяются основные характеристики жанра и лингвистические аспекты юмористических выступлений, рассматривается взаимосвязь текстов оригинала и перевода, в результате чего приходим к мнению, что в большинстве случаев переводчик сталкивается с переводом лексических единиц, а также с поиском нейтрально-окрашенных эквивалентных единиц и передачей комического через призму синтаксиса.

Ключевые слова: юмористический дискурс, жанр стендап-комедии, комическое, адаптация.

Юмористический дискурс – это дискурс, коммуникативной целью которого является решение различных коммуникативных задач, например, уход от серьезного разговора, высмеивание различных явлений или понятий, снижение эмоционального напряжения и пр. [5]. Отсюда следует, что юмор есть продукт интеллектуальной работы человека, которая выражается в улавливании фактов действительности и преподнесении их с комической точки зрения. Юмор может выражаться вербально (в устной или письменной форме), графически (мемы в интернете), а также при помощи приема звукоподражания или пародии.

Юмористический дискурс разнообразен и содержит в себе ряд терминов, отражающих виды воплощения комического. Рассматривается одно из таких воплощений – жанр стендап-комедии. Как отмечает О. Лобова, отличительными чертами стендап-комедии в рамках юмористического дискурса являются разнообразные шутки, экспрессивность и эмоциональность, цельность, диалогичность, информативность, ситуативность, целенаправленность и интертекстуальность. Данному жанру также присуща ориентированность на личность, что отличает его от других жанров, таких как анекдот или байка [1, с. 5].

На сегодняшний день этот вид комического превалирует в юмористической среде. Чаще всего он выражается в устной форме в виде монологического высказывания одного комика в отношении ряда событий. Выступление происходит перед живой аудиторией, что предполагает неожиданность, непредсказуемость реакции аудитории на выступление. Смех, аплодисменты, вопросы и т. д. Комику всегда нужно обращать внимание на аудиторию и держать с ней контакт, чтобы выступление получилось удачным. Поэтому комик использует не только вербальные способы выражения мысли, но и невербальные. Изучение взаимодействия особенностей вербальной и невербальной коммуникации вызывает интерес, особенно передача комического сквозь призму разносторонности культур и структуры языка, что непосредственно влияет на юмористическое выражение в переводе.

На примере выступления американского стендап-комика Дэйва Шаппелла «The Age of Spin» (2017), переведенного студией «gumble», были проанализированы и отобраны материалы в количестве 5-страничного скрипта одного выступления. Основными критериями отбора материала являлись: частотность употребления слова или выражения в языке носителей; с помощью каких средств достигался юмористический эффект в исходном языке (ИЯ) и его передача на переводящий язык (ПЯ). Были выделены определенные темы, которые чаще всего используются комиками в США для выступления. Это были вопросы, касающиеся коррупции, полиции, ущемления меньшинств, бытовые отношения, национальные особенности, религия и отношения людей к звездам экрана.

Перевод такого жанра требует от переводчика больших усилий. Ведь именно при переводе юмористического дискурса важно учитывать не только грамматическое и лексическое соответствие переводимого, но и обязательное сохранение комического. Это заставляет переводчика решать прагматические задачи, а также вопросы адаптации шутки с ИЯ на ПЯ. Анализ будет разделен на три группы средств выразительности, используемых авторами: фонетическая, лексическая и синтаксическая.

К первой группе юмористических высказываний относятся шутки, построенные с помощью фонетических средств выразительности (звукоподражание, сознательное нарушение орфоэпических норм, игра слов на фоне-

тическом уровне и др.). В выступлении это было представлено в количестве 15 случаев употребления. Например, в концерте встречаются такие выражения, как «Boo!»; «Boer!»; «booed». В последнем случае комик с помощью глагола «booed» имитирует недовольство толпы. «The article goes on to say I was booed offstage, which is also incorrect». Переводчик в свою очередь из-за отсутствия похожего по звучанию и значению глагола в русском языке перевел его как «засвистали», что является адекватным переводом без утери смысла и оттенка. Также переводчик грамотно подошел к сохранению стилистики текста. Стендап-комедия является преимущественно разговорным жанром. Там часто можно встретить сниженную лексику, просторечия и односложные предложения.

Вторая группа является самой обширной. Туда входят почти все лексические средства, связанные с эмоциональной окраской (в данном скрипте в количестве 50 выражений). Например, гипербола, ирония, сарказм. Также имена собственные или нарицательные, которые выражают оттенок шутки. Это могут быть ФИО людей, чьи имена уже стали нарицательными. Многие лингвисты (А. Г. Мамаева, Е. М. Дронова и т. д.) в эту группу также включают цитаты и аллюзии, аббревиатуры и игру слов на лексическом уровне в виде одиночных единиц. Рассмотрим примеры.

Прежде всего в стендап-комедии часто можно услышать аббревиатуры, чей смысл передается переводчиками с помощью ПЯ либо дается пояснение этого термина ниже. «I want to thank everyone in LA for a wonderful week» – «Хочу поблагодарить всех в Лос-Анджелесе за чудесную неделю». Студия перевода «gumble» решила расшифровать данную аббревиатуру для тех зрителей, кто не знаком с этим. «And then suddenly, the shit turned into Vegas» – «А потом и началось шоу». В данном случае переводчик сделал адаптацию «Vegas» для русскоязычного слушателя исходя из американских ассоциаций, связанных с этим местом. В выступлениях присутствует гипербола «I don't know if you ever saw on TMZ the big headline: «Dave Chappelle Drunk Onstage in Detroit» – «Наверняка видели кричащий заголовок в TMZ: Дэйв Шаппелл вышел пьяным на сцену в Детройте». Некоторые неадаптированные реалии оставались нерасшифрованными для слушателя, как в случае «TMZ». Это онлайн-газета, представляющая собой по большей степени уровень «желтой прессы» с различными роликами и статьями [4]. Отказываясь от расшифровки аббревиатуры, переводчик лишает шутку некоторой доли комического.

Сленговые выражения также употребляются как средства создания юмора. Например: «And then, on the 10, the blue-and-whites hit us» – «И вдруг нас останавливает полиция». Такое понятие, как «blue-and-whites», на языке сленга обозначает полицию. Перевод, связанный с фразеологическими единицами: «And I wanted to give up sometimes» – «Я уже думал опустить руки»; «That stare is where most of his hard work happens» – «За этим взглядом прячется львиная

доля его работы»; «A lot of black people don't fuck with me like they used to» – «Сейчас черные уже не катят на меня бочку, как раньше».

Перевод синтаксических средств выражений представляет незначительную часть относительно всего анализа. Чаще всего встречаются примеры с объединением нескольких предложений в одно. «You know what? It's been ten years since the last time I played Los Angeles, if you can imagine» – «Знаете, я уже 10 лет не выступал в Лос-Анджелесе, только вдумайтесь»; «You can see it on the tape. She didn't come to fight. Her guards were low. She was taking a lot of shots» – «Даже по записи видно, что она не собиралась драться: в защите не работала, пропустила кучу ударов». В последнем примере видно, как переводчик объединил три предложения в одно без потери смысла и эмоциональной окраски.

На сегодняшний день не существует единой классификации лингвостилистических средств, использующихся в стендап-выступлениях. При анализе использовалось несколько классификаций для более детального представления перевода жанра. Стендап, как новая форма презентации комического, представляет собой особую презентацию юмористического высказывания, включающую не только монологическое представление, но и использование невербальных средств общения.

Таким образом, на основании разграничения стендап-высказываний по группам используемых языковых средств пришли к следующим выводам:

1) звукоподражания составляют 15 % всего перевода. Лексическая группа характеризуется преимущественно элементами гиперболизации, использованием имен собственных и нарицательных, использованием национальных средств, отражающих национальные особенности и взаимоотношения между людьми (50 %);

2) в процессе анализа примененных переводческих трансформаций и стратегий было установлено, что многие из разобранных стилистических и языковых средств требуют сохранения структуры и эмоциональной окраски, как, например, группы стилистических и лингвистических приемов. Необходимость адекватно перевести комические высказывания заставляет переводчика искать эквивалентные единицы в ПЯ. Данный прием – второй по количеству применений относительно всех групп (20 %);

3) наибольшую трудность для перевода представляют сленговые выражения и незнакомые русскоязычному реципиенту реалии, присутствующие во всех темах стендап-выступлений (15 %).

Американский англоязычный стендап является популярным жанром юмористического дискурса. Темы выступлений разнообразны и не зависят от пола, возраста, национальности, вероисповедания и расовой принадлежности человека. Результатом данной работы можно считать лингвокультурный переводческий анализ с выявлением особенностей перевода комедийского жанра стендап с ИЯ на ПЯ. Перевод такого юмористического жанра пред-

ставляет собой сложный длительный и интересный процесс соприкосновения с культурой других народов и передачу всех ее комических оттенков с помощью многочисленных переводческих трансформаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Лобова, О. К.** Английская стендап-комедия как жанр комического институционального дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / О. К. Лобова. – Харьков, 2013. – 20 с.
2. **Нечаев, А. В.** Смеховое отношение. Ирония как ценность / А. В. Нечаев // Проблемы изучения литературного пародирования. – Самара: Самар. ун-т, 1996. – С. 9–18.
3. **Chappelle, D.** The Age of Spin [Electronic resource] / D. Chappelle. – 2017. – Mode of access: <https://www.tnz.com/>.
4. Режим доступа: <https://www.tnz.com/>.
5. Режим доступа: http://elibrary.sgu.ru/VKR/2016/45-03-01_026.pdf.

Научное издание

ЧТЕНИЯ ИМЕНИ А. С. ДЕМБОВЕЦКОГО

Сборник статей
II Международной научно-практической конференции
(Могилев, 27 апреля 2023 года)

**Авторы несут персональную ответственность
за содержание публикуемых материалов**

Редакторы *И. В. Голубцова, А. А. Подошевка*

Компьютерный дизайн *Н. П. Полевничая*

Подписано в печать 17.05.2023. Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 14,56. Тираж 25 экз. Заказ № 567.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Белорусско-Российский университет».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/156 от 07.03.2019.

Пр-т Мира, 43, 212022, г. Могилев.